

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: “Financial University”

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

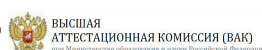
Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 10, No. 6, 2020

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета – **М.А. Эскиндаров**, доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, научный руководитель факультета международных экономических отношений Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета социологии и политологии Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **А.Б. Шатилов**, кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

Заместитель главного редактора – **А.Г. Тюриков**, доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета;

Заместитель главного редактора – **Я.А. Пляйс**, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор-исследователь Департамента политологии Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, научный руководитель факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, директор Института социально-экономических исследований Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе Финансового университета;

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета;

Д.В. Петросянец, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

М.В. Полевая, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала; главный научный сотрудник Центра исследований экономического поведения личности Финансового университета;

С.В. Распоргуев, доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности Факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай);

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия);

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания);

Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия);

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США);

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан);

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония);

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан);

Ж.-Л. Трюэль, доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция);

К. Уилкокс, доктор политических наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США);

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета (КНР)

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – M.A. Eskindarov, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University, Academician of the Russian Academy of Education;

S.V. Alekseev, *Doctor of History, Professor, Department of History and Historical Archive Science of Moscow State Institute of Culture; Chairman of Historical and Educational Society “The Guardian”;*

A.N. Arinin, *Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the State Duma of the First (1993–1995) and Second (1995–1999) Convocations;*

A.I. Ilinskij, *Doctor of Engineering, Professor, Scientific Chairman of the Faculty of International Economic Relations, Financial University;*

F.A. Lukyanov, *Chairman of the Presidium of the Foreign and Defense Policy Council (SWAP), Editor-in-chief of the journal “Russia in Global Affairs”;*

I.Y. Novitsky, *Deputy of the Moscow City Duma (1993–2014), Head of the Department of State and Municipal Administration of the International University in Moscow;*

A.V. Ostrovsky, *Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East, Russian Academy of Science;*

V.V. Fedorov, *Cand. Sci. of Political Science, Director General of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM), Scientific Chairman of the Faculty “Sociology and Political Sciences”, Financial University;*

V.G. Fedotova, *Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science;*

V.F. Schreider, *Doctor of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI Convocation from the “United Russia”, member of the State Duma Committee on the Federal Structure and Local Government, Corresponding-member of the International Academy of Social Science*

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-Chief – A.B. Shatilov, Cand. Sci. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University;

Deputy Editor – A.G. Tjurikov, Doctor of Sociology, Head of Department of Sociology, Financial University;

Deputy Editor – Y.A. Pleis, Doctor of History, Doctor of Political Sciences, Research Professor at the Department of Political Sciences, Financial University;

S. Yu. Belokonev, *Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor, Scientific Chairman of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University;*

A.N. Zubets, *Doctor of Economics, Director of the Institute of Socio-economic Research, Financial University;*

V.V. Kaftan, *Doctor of Philosophy, Professor, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University;*

V.A. Lapshov, *Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Department of Sociology at Moscow State Linguistic University;*

D.Z. Muzashvili, *Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications for research work, Financial University;*

A.V. Pachkalov, *Cand. Sci. of History, Associate Professor, Department of Humanitarian Sciences, Financial University;*

D.V. Petrosyants, *Cand. Sci. of Economics, Senior Researcher of the Center for Macroeconomic Research, Financial University, Moscow, Russia;*

M.V. Polevaya, *Head of the Department of Psychology and Human Capital Development; Chief Researcher at the Center for Research on the Economic Behavior of the Personality of the Financial University;*

S.V. Rastorguev, *Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Sciences, Financial University;*

G.G. Sillaste, *Doctor of Philosophy, Scientific Chairwoman of Department of Sociology, Financial University;*

K.V. Simonov, *Cand. Sci. of Political Sciences, Professor, Head of Department of Political Science, Financial University;*

A.A. Troshin, *Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean for master’s degree and career guidance of the “Sociology and Political Sciences” Faculty, Financial University*

EDITORIAL COUNCIL

D. Baychun, *Doctor, Professor, Beijing Pedagogical University, Director of the Cultural Center of the Sino-Russian Relations (China);*

N.M. Dolgoplov, *Deputy Editor of the “Russian Newspaper”, a member of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers’ Organizations (Russia);*

T.M. Calvo Martinez, *Doctor of Philosophy, Professor of Greek Philosophy at the Universidad Complutense (Madrid, Spain); Director of the International Institute of Philosophy in Paris (Spain);*

R. Krumm, *Director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert Foundation (Russia);*

W. McBride, *Doctor of Philosophy, Professor of Department of Philosophy at Purdue University, Honorary President of the International Federation of Philosophical Societies (USA);*

I. Mamed-Zadeh, *Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan);*

K. Matsuzato, *Doctor of Law, Department of Law and Politics, University of Tokyo (Japan);*

A.N. Nysanbaev, *Doctor, Professor, Full member of the Academy of Sciences of Kazakhstan, Scientific Director of Institute of Philosophy, Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan);*

J.-L. Truel, *Doctor of Economics, Associate Professor at Université Paris-Est Créteil, Managing director of International Business Development, Vice-President of the Association of Economists “Le Cercle Kondratieff”;*

C. Wilcox, *Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Government, Georgetown University, Washington, D.C. U.S.;*

Cui Zheng, *Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director of Research Centre for the Economies and Politics of Transitional Countries, Liaoning University (China)*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ:

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

<i>Симонов К.В.</i> Куда приведут технологии? Выбор между цифровой полиархией, цифровым авторитаризмом и цифровой анархией.	6
<i>Приходько Л.В., Каменева Е.А.</i> Глобальная конкурентоспособность высшего образования: мировые стратегии и лучшие практики	12
<i>Антюхова Е.А.</i> Развитие глобального гражданства как императив глобальной образовательной политики	19
<i>Ильин А.П., Ильина Ю.И.</i> Роль информационных технологий в политическом и социально-экономическом развитии России.	25
<i>Озеров А.А.</i> Патриотизм и смысложизненные приоритеты российского общества в контексте смысла существования.	32

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Бродовская Е.В., Пырма Р.В., Домбровская А.Ю.</i> Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала.	39
<i>Можаева Г.В., Александрова Л.Д., Пуляева В.Н.</i> Цифровые компетенции в модели актуальных компетенций управленческих кадров.	49
<i>Кушнир Д.Ю., Шевченко О.В.</i> Проблема соотношения виртуальности и реальности и их влияние на межкультурную коммуникацию	56
<i>Пятибратов И.С.</i> Санкции и односторонние ограничительные меры: проблема различия терминов и тождественности явлений	61
<i>Юдина Н.В., Мельничук М.В.</i> Языковая политика в странах ближнего зарубежья.	66

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Сучилина А.А., Шеховцова Д.А.</i> Проблема вовлечения иностранных обучающихся в позитивный для России дискурс	72
<i>Шатилов А.Б.</i> Историко-политические акцентировки в процессе пророссийской адаптации и социализации иностранных студентов	76
<i>Аликперова Н.В., Ярашева А.В., Виноградова К.В.</i> Факторы формирования карьерных траекторий медицинских работников в России	81
<i>Вольф К.В., Бархатов И.В.</i> Фриланс как форма адаптации молодежи к рынку труда в условиях пандемии.	93
<i>Воеводина Е.В., Шихгафизов П.Ш., Власова А.В.</i> Влияние научно-исследовательского потенциала студента на формирование его профессиональной субъектности.	97
<i>Петрисянц Д.В., Осинина Д.Д.</i> Анализ информационного сопровождения реализации национальных проектов	105
<i>Зубов В.В.</i> Американское и советское влияние на особенности политического лидерства ФРГ, ГДР и объединенной Германии.	113
<i>Ганина Е.В., Дубинина Г.А., Каруана Э.М.</i> Сравнительный анализ учебной деятельности преподавателей – носителей и неносителей языка.	120

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Карлаков В.С.</i> Особенности политической институционализации в России в начале XXI века	126
<i>Анютина А.Р.</i> Детство и юность в рассказах Джеймса Джойса «Сестры» и «Аравия»	131
<i>Титяева В.И., Чачуа Т.Г.</i> Проблемы реализации проекта «умный город» в Арктической зоне Российской Федерации	135
Содержание журнала «Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета» за 2020 год	141

CONTENTS

COVER STORY: NEW NORMALITY:

NATIONAL TRENDS AND GLOBAL CHALLENGES

<i>Simonov K.V.</i> Where Will Technology Take Us? Choosing Between Digital Polyarchy, Digital Authoritarianism, and Digital Anarchy.	6
<i>Prikhodko L.V., Kameneva E.A.</i> Global Competitiveness of Higher Education: World Strategies and Best Practices.	12
<i>Antyukhova E.A.</i> Development of Global Citizenship as an Imperative of Global Education Policy.	19
<i>Ilin A.P., Ilina Y.I.</i> The Role of IT in the Political and Socio-Economic Development of Russia.	25
<i>Ozerov A.A.</i> Patriotism and Life-meaning Priorities of Russian Society in the Context of the Meaning of Existence.	32

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

<i>Brodovskaya E.V., Pyrna R.V., Dombrovskaya A. Yu.</i> Civil Activism of Youth in Russia: The Structure of Roles, the Formation of Attitudes Factors, Triggers of Protest Potential Growth.	39
<i>Mozhaeva G.V., Aleksandrova L.D., Pulyaeva V.N.</i> Digital Competencies in the Model of Relevant Competencies of Managerial Personnel.	49
<i>Kushnir D. Yu., Shevchenko O.V.</i> The Problem of the Relationship Between Virtuality and Reality and their Impact on Intercultural Communication.	56
<i>Pyatibratov I.S.</i> Sanctions and Unilateral Restrictive Measures: The Problem of Differences in Terms and Identity of Phenomena.	61
<i>Yudina N.V., Melnichuk M.V.</i> Language policy in Former Soviet Republics.	66

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

<i>Suchilina A.A., Shehovtsova D.A.</i> The Problem of Involving International Students in a Positive Discourse for Russia.	72
<i>Shatilov A.B.</i> Historical and Accentuations Political in the Process of Pro-Russian Adaptation and Socialisation of International Students.	76
<i>Alikperova N.V., Yarasheva A.V., Vinogradova K.V.</i> Factors of Formation of Career Trajectories of Medical Workers in Russia.	81
<i>Volf K.V., Barkhatov I.V.</i> Freelance as an Adaptative Form of Youth to the Labor Market in a Period of Pandemia.	93
<i>Voevodina E.V., Vlasova A.V., Shikhgafizov Sh.P.</i> Impact of a Student's Research Potential on the Formation of His Professional Subjectivity.	97
Petrosyants D.V., Osinina D.D. Analysis of Information Support of the Implementation of National Projects.	105
<i>Zubov V.V.</i> American and Soviet Influence on the Characteristics of the Political Leadership of Germany, the GDR and Unified Germany.	113
<i>Ganina E.V., Dubinina G.A., Caruana E.M.</i> Comparative Analysis of Teachers' Educational Activity of Native and Non-native Speakers.	120

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

<i>Karlakov V.S.</i> The Main Features of Political Institutionalisation in Russia in the Early 2000s.	126
<i>Anyutina A.R.</i> Childhood and Adolescence in James Joyce's "Sisters" and "Araby".	131
<i>Tityaeva B.I., Chachua T.G.</i> Problems of Implementing a "Smart City" Project in the Arctic Zone of the Russian Federation.	135
Bulletin Of The Financial University" for 2020.	141

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 10, № 6 (48), 2020

Главный редактор –
А.Б. Шатилов
Заведующий редакцией
научных журналов –
В.А. Шадрин
Выпускающий редактор –
Ю.М. Анютин
Корректоры – **С.Ф. Михайлова,**
Е.В. Маурин
Верстка – **С.М. Ветров**
Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:
125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
<http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx>

Оформление подписки
в редакции
по тел.: **8 (499) 943-94-31,**
e-mail: MMKorigova@fa.ru;
Коригова М.М.

Подписано в печать 18.12.2020
Формат 60 x 84 1/8.
Объем 17,52 усл.п. л.
Заказ № 714
Отпечатано в Отделе
полиграфии

Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)
© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**
Head of Scientific Journals
Editorial Department –
V.A. Shadrin
Managing editor –
Yu.M. Anyutina
Proofreaders – **S.F. Mihaylova,**
E.V. Maurina
Design, make up – **S.M. Vetrov**
Translator – **Z. Mierzwa**

Editorial address:
53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993
tel.: **+7 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
<http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx>

Subscription in editorial office
tel.: **+7 (499) 943-94-31**
e-mail: MMKorigova@fa.ru

Signed for press on 18.12.2020
Format 60 x 84 1/8.
Size 17,52 printer sheets.
Order № 714
Printed by Publishing House
of the Financial University
(51, Leningradsky prospekt)
© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-6-11
УДК 32(045)

Куда приведут технологии? Выбор между цифровой полиархией, цифровым авторитаризмом и цифровой анархией*

К.В. Симонов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-8693-3132>

АННОТАЦИЯ

Одной из ключевых проблем политической науки является баланс между гражданским обществом и государством. Вопрос в том, какой фактор может его в наибольшей степени изменить. Сегодня им вполне может оказаться развитие технологий, которые дают преимущества и государству, и обществу. Государство с их помощью получает возможность контролировать граждан: их перемещения, поисковые запросы, просмотренный контент и финансовые траты. Но и общество «вооружается» новыми формами контроля за государством, а также активно внедряется в систему подготовки и принятия политических решений. Появились новые способы коммуникации, возник феномен гражданской журналистики, соцсети стали трансляторами общественных настроений и элементами гражданского контроля. Общество требует также трансформации капитализма, настаивая на том, чтобы бизнес исходил из приоритета общественных ценностей, а не прибыли.

Ключевые слова: цифровая полиархия; цифровой авторитаризм; цифровая анархия; гражданская журналистика; uber-государство; структурное насилие

Для цитирования: Симонов К.В. Куда приведут технологии? Выбор между цифровой полиархией, цифровым авторитаризмом и цифровой анархией. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):6-11. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-6-11

ORIGINAL PAPER

Where Will Technology Take Us? Choosing Between Digital Polyarchy, Digital Authoritarianism, and Digital Anarchy**

K.V. Simonov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8693-3132>

ABSTRACT

One of the crucial problems of political science is the balance between civil society and the state. But we must analyze which factor can change it. Today it becomes technology development. New technologies give advantages to the state and society at the same time. The state gets an opportunity to control citizens: their movements, viewed internet content, purchases. However, society also has new forms of control over the state too. Citizens are embedded in the decision-making system. We see new methods of communication, the phenomenon of citizen journalism. Social networks are becoming transmitters of public sentiment and elements of civil control. The society also forms a requirement of the transformation of capitalism, insisting that business must proceed from the priority of social values but not of profit but. **Keywords:** Digital polyarchy; digital authoritarianism; digital anarchy; citizen journalism; uber-state; structural violence

For citation: Simonov K.V. Where will technology take? Choosing between digital polyarchy, digital authoritarianism, and digital anarchy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):6-11. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-6-11

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University.

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГОСУДАРСТВА: ЦИФРОВОЙ АВТОРИТАРИЗМ НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ

Влияние технического прогресса на общественные отношения и политические институты всегда являлось одной из значимых тем для интеллектуальных размышлений. Но сегодня этот сюжет выходит на одно из первых мест в обсуждении направления будущих социальных трансформаций. Речь идет не просто о техническом прогрессе, а о новой технической революции, которая радикально изменит отношения между обществом и государством. Поэтому социальные изменения под влиянием технологических прорывов становятся одним из приоритетов в политологических исследованиях.

В социальных науках можно встретить мнение о двух парадигмах отношений государства и гражданского общества, идущие от Джона Локка (L-парадигма) и Шарля Монтескье (M-парадигма) [1]. Сторонники первой считают государство первостепенным и направляющим. Сторонники второй утверждают, что именно гражданское общество способствует позитивным социальным изменениям, в том числе, через давление на государство.

В крайней форме ни государство не нуждается в гражданском обществе, ни гражданское общество — в государстве. Каждое из них воспринимает своего оппонента как неизбежное зло, с существованием которого приходится соглашаться. Однако если какая-то из сторон получит существенное преимущество, ситуация может радикально измениться. Баланс довольно хрупок, и триггером его разрушения вполне могут стать новые технологии, в том числе цифровые. Основная интрига состоит в том, что технический прогресс дает новые инструменты и государству, и гражданскому обществу. А ключевой вопрос — кто же из них получит больше преимуществ.

Сначала посмотрим на возможности, которые получает государство. Мы наблюдаем бурное развитие технологий контроля над личностью: системы распознавания лиц, массово устанавливаемые камеры наблюдения, анализ соцсетей и поисковых запросов. Государство получает колоссальные возможности по сбору и хранению информации о человеке: где он бывает, что он покупает, какую информацию он потребляет и распространяет. Развитие систем видеонаблюдения под предлогом борьбы за безопасность, наступление на наличные денежные расчеты,

мониторинг поисковых запросов и публикаций в социальных сетях — все это проявление данного тренда.

Западные авторы считают, что современные информационно-коммуникационные технологии существенно укрепляют позиции восточных авторитарных режимов. Однако цифровой авторитаризм вовсе не является восточным феноменом, эти тенденции мы наблюдаем и в странах западного мира. Свобода личности становится условным понятием, хотя его и пытаются законодательно защитить, прежде всего в ЕС. Но при этом именно в западных странах все чаще запускаются проекты по сбору информации о гражданах. Скажем, в США существует проект Агентства национальной безопасности PRISM, в участии в котором подозревается известная социальная сеть Facebook. Благодаря программе PRISM спецслужбы могут без ордера и суда получать закрытую информацию о пользователях, их аудио- и видеофайлы, фото, сообщения электронной почты и электронные документы, а также узнавать местонахождение пользователей и списки их контактов [2].

Отсюда и возникают идеи, которые можно назвать «цифровой авторитаризм» — авторитаризм, построенный на больших данных и новых технических решениях. И это уже не просто научно-политическая цифровая антиутопия — Китай пытается построить такую систему на практике. Она известна под названием «социальный рейтинг», когда каждое значимое действие благодаря видеофиксации оценивается на предмет пользы или вреда для общества (но в реальности — для государства). Имеющий низкий рейтинг отсекается от получения услуг вроде приобретения билетов на транспорт.

Важно, что создатели такого цифрового авторитаризма рассматривают его не просто как «всевидящее око» нового государства, вооруженного технологическими новинками, фактически уничтожающими личные свободы и неприкосновенность личную жизнь. Они предлагают позитивную трактовку этого явления, считая, что новое государство по схеме «сверху — вниз» включает в общественный и социальный прогресс отдельные группы граждан. Это обеспечивает и экономический рост, и вовлечение в страновой успех аутсайдерские, отстающие группы. Социальный рейтинг трактуется как новый социальный лифт, как возможность для граждан получить доступ к общественным благам. Это

новая трактовка инклюзивного экономического роста именно через государственный контроль над действиями граждан, базирующийся на новых технологических возможностях.

Коронавирус придал этому тренду новое ускорение. Государство получило дополнительные аргументы в пользу цифрового контроля за гражданином, когда в политическую повестку на первое место вернулась не новая, в общем-то, дилемма — «свобода или безопасность». Последнюю и пытается обеспечить государство, активно применяя цифровые решения и большие данные: это система слежения за изоляцией больных, цифровые пропуска, контроль за соблюдением режима самоизоляции, цифровые отметки о посещении ресторанов и других общественных мест для дальнейшего получения информации о возможных контактах с инфицированными. Даже в западных государствах возник запрос на «возвращение государства»: от него требуют любыми способами прекратить пандемию, в том числе за счет ограничения политических и гражданских прав. Кроме того, есть очевидный запрос и на решение государством экономических проблем населения. Коронавирус формирует требование именно к государству — спасти общество в период пандемической беды. Оно должно найти деньги на качественную медицину, на разработку вакцин и лекарств, на субсидии малоимущим и лишенным работы в периоды самоизоляции.

ТЕХНОЛОГИИ НА СЛУЖБЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Однако технологии дают принципиально новые возможности и гражданскому обществу. Интересно, что Китай, подав пример построения цифрового авторитаризма, показал и его прямую противоположность — как технологии могут служить протесту гражданского общества против государства. Речь идет о многомесячных акциях протеста в Гонконге (при всех существенных оговорках, все же это территория КНР). Причем речь идет не просто о сопротивлении технологическим новациям (вроде использования масок для блокировки возможностей видеオフィкации), гораздо любопытнее применение технологических новинок самим обществом, прежде всего в области коммуникаций. Социальные сети и мессенджеры активно используются для организации мобильной протестной активности: собрать митинг на несколько десятков тысяч человек можно буквально за несколько часов.

Социальные сети становятся альтернативным источником информации и способом ее быстрой и эффективной доставки до потребителей.

Революция в области коммуникаций означает, что в обществе радикально меняется функция рекрутирования. Уходит монополия партийных машин, во многом обеспеченная доступом к «большим» СМИ. Развитие блоггинга дает возможность новым лидерам быстро «раскрутиться» с помощью технологий — социальные сети, серьезно меняющие функционирование традиционных СМИ. Технологии породили так называемую гражданскую журналистику, теперь практически каждый может стать журналистом — социальные сети создали огромное количество платформ для этого. Сегодня для доставки контента до читателя или зрителя уже не нужны газеты с большими тиражами или телеканалы с дорогими студиями. Блоггерство — очень низкокзатратная и технически крайне доступная сфера деятельности, и это важнейший сегмент современного развития гражданского общества.

Неудивительно, что в самых разных странах и регионах формируются новые протестные движения и появляется антиистеблишментная повестка. Возникают новые способы фаундрайзинга и финансирования протестов. Кроме того, если государство пытается контролировать при помощи новых технологий общество, то и общество при помощи тех же современных технических средств стремится, в свою очередь, контролировать чиновников. Возникают новые концепции доминирования гражданского общества. Мы предлагаем назвать их «цифровой полиархией».

В крайнем виде «гражданский технооптимизм» проявился в виде концепции uber-государства. Это такая модель государственного управления, в которой государство выступает в роли посредника между гражданином и государственными услугами, при этом гражданин имеет возможность контролировать ход процесса и оценивать качество. По сути, гражданин может «вызывать» государство как такси в той ситуации, когда государственные услуги ему понадобятся. В противном же случае он просто «не видит» государство.

Технологии теоретически позволяют вернуть в повестку даже тему прямой демократии. Раньше считалось, что прямая демократия невозможна по техническим причинам — сложно проводить постоянные референдумы в больших странах, если ты голосуешь при помощи печатных бюллетеней.

Сегодня же есть техническая возможность постоянно обращаться к обществу для выяснения его мнения. Пока технологии проходят обкатку на уровне электронного голосования, но это уже вопрос скорости технического прогресса. Гораздо более сложный вопрос: готово ли современное общество к таким принципиальным изменениям? Тем более что наблюдается рост числа манипуляций человеком при помощи тех же новых технологий. Мы вступили в эпоху фейковых новостей, сетевого манипулирования политическим поведением и цифрового популизма, который подразумевает вовлечение новых участников политического процесса через общение в социальных сетях и рассылку агитационных материалов в мессенджеры. Для применения цифрового популизма не нужны иерархические политические организации, он нацелен, прежде всего, на ситуативное участие в политическом процессе.

Цифровой популизм активно использует все те же социальные сети. Через них активно воспроизводится запрос на новые лица и новый курс, формируется и проводится антиистеблишментная политика, что приводит к кейсам, радикально ломающим современную политическую жизнь.

ЗАПРОС НА ТРАНСФОРМАЦИЮ БИЗНЕСА

Отдельный вопрос — о месте бизнеса в этих изменениях. Не стоит забывать, что именно он является создателем новых цифровых технологий. Но он не хотел бы оставаться пассивным наблюдателем, который только финансирует и изобретает технические решения, а потом смотрит, кто же ими воспользуется. Однако на этом пути возникают серьезные проблемы.

Бизнес традиционно рассматривается как часть гражданского общества. Но в последнее время его стали позиционировать как чуть ли не врага социума. Появилось также требование обновления отношений между собственниками бизнеса и обществом. Наиболее ярко это проявляется в новой «зеленой волне» и акценте на климатической тематике. Разгоняет тему гражданское общество, а затем, по его требованию, и многие государства.

Уже появились теории нового капитализма, запросы на смену приоритетов для предпринимательского сообщества: от получения прибыли — к широкому учету и созданию общественных ценностей, от доминирования интересов акционеров (shareholders) — к учету интересов всех заинтересованных групп (stakeholders). Идея

«капитализма для всех заинтересованных сторон» подкрепляется появлением новой экологической волны, развитием сюжета о социальной ответственности бизнеса, включая борьбу с различными формами неравенства и дискриминации. От бизнеса требуют учесть интересы социальных групп, которые признаются угнетаемыми и изолированными. Все это будет скоро оформлено в новых стандартах корпоративного управления — ESG (environmental, social, governance). Крупнейшие консалтинговые компании занимаются их активной разработкой, они же будут контролировать их внедрение¹. Новая социальная отчетность станет, возможно, даже более важной информацией для кредиторов и инвесторов, нежели финансовая и экономическая. Капитализация климатически и социально «правильных» компаний уже сегодня на порядок превышает этот показатель у корпораций с «неправильным» имиджем, что является серьезнейшим вызовом для бизнеса. Даже в США от серьезных политических фигур все чаще слышны лозунги, которые вполне можно назвать социалистическими. Бизнес подвергается жесткому давлению со стороны хорошо организованного общественного протеста, который в итоге результируется и в регуляторных решениях.

Требование трансформации капитализма возникло еще до пандемии. Согласно данным глобального опроса Edelman Trust Barometer 2020, 56% населения Земли считает, что капитализм сегодня создает человечеству больше проблем, нежели приносит пользы². И данные тенденции усиливаются из-за коронавируса. Оказалось, что рынок бессилён перед пандемией. Возможно, что и государственный капитализм будет восприниматься как еще одна альтернатива «дикому капитализму». Когда ставится вопрос выживания, требование свободы в экономике и расширения личных свобод в политике отходят на второй план.

Кроме того, новый тип безработицы требует регулирования именно со стороны государства. Если в начале XX в. в европейских странах от государства требовалось внедрение пенсионной системы и системы социальных гарантий работникам, то теперь говорится о необходимости управления

¹ ESG факторы в инвестировании. PWC, Бизнес-школа ИРБИС, июнь 2019. URL: <https://www.pwc.ru/ru/sustainability/assets/pwc-responsible-investment.pdf>.

² Edelman Trust Barometer 2020. URL: https://cdn2.hubspot.net/hubfs/440941/Trust%20Barometer%202020/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report.pdf?utm_campaign=Global:%20Trust%20Barometer%202020&utm_source=Website.

безработицей. Скажем, идея четырехдневной рабочей недели теперь уже не свидетельство того, что страны ОЭСР разбогатели настолько, что могут себе это позволить, а признание факта, что работы просто не хватает и нужно попытаться имеющую занятость максимально распределить на всех (в том числе, вводя ограничения для работников на продолжительность рабочей недели). Иными словами, граждане могут столкнуться с запретом на длительную работу для того, чтобы другие тоже могли получить возможность поработать и, соответственно, получить зарплату. Очевидно, что это полностью противоречит законам свободного рынка: предпринимателю нужны лучшие и эффективные работники, а от него будут требовать обеспечения занятости для как можно большего числа людей с учетом гендерного и национального равенства и отказа от других видов социальной дискриминации.

Новый запрос на борьбу с так называемым структурным насилием, в том числе проявившийся этим летом в движении «Black Lives Matters», напрямую касается бизнеса. Например, возникает требование увеличения количества женщин в органах управления компаниями, а также представителей национальных и других меньшинств. Согласно взглядам сторонников структурного насилия экономическое неравенство дополняется, а зачастую и детерминируется неравенством в социальных правах; ряд социальных групп (этнических, религиозных, гендерных и т.д.) находятся в заведомо неравном положении, их интересы подавляются доминирующей культурой и сложившимися установками. Соответственно, эти группы наделяются «правом на признание». В случае с BLM речь идет о борьбе с так называемым «белым превосходством» — люди с белым цветом кожи обвиняются в том, что они доминируют в экономике именно благодаря сложившейся в обществе дискриминации (наиболее остро этот дискурс ведется в США). Соответственно, население США с другим цветом кожи наделяется правом на «исправление» этой ситуации, в том числе, и в самых радикальных формах. Например, в 2020 г. фактически были идеологически легализованы погромы магазинов по мотивам расовой дискриминации: погромщиков называют «лутерами» (от англ. looting — грабеж), и это слово предполагает понимание разграбления магазинов во время протестных акций (лутинга) как исторически обоснованного способа борьбы с превосходством белых американцев. Самому

слову «лутинг» несколько лет сознательно создавалась позитивная репутация — общество «учили» воспринимать его как глагол именно с позитивным значением [3]. Парадоксальным образом не только многие лидеры общественного мнения, но и крупные компании де-факто признали право на мародерство. Глава Apple Тим Кук и многие его коллеги из крупного бизнеса прямо говорили, что не осуждают мародеров, воровавших материальные ценности из магазинов.

Борьба со структурным насилием формирует и требования к изменению поведения бизнеса. Он должен становиться более чувствительным к «дискриминируемым группам» в своей маркетинговой и кадровой политике, да и в целом сделать элиминирование дискриминаций важной частью своей активности. Совет директоров NASDAQ — биржи, торгующей акциями ведущих корпораций — принял решение о делистинге компаний, в совет директоров которых не входит хотя бы одна женщина и хотя бы один представитель «недостаточно представленных меньшинств» (<https://www.interfax.ru/world/739498>).

Таким образом, мы видим, как технически прогресс «вооружил» и государство, и гражданское общество. Но какая тенденция возьмет верх — цифровой авторитаризм или цифровая полиархия? Этот вопрос и является для нас ключевым. Коронавирус внес дополнительную интригу и в это противостояние.

Самоорганизации граждан оказалось недостаточно для того, чтобы справиться с такой задачей, как локализация коронавируса. Происходит исчезновение иллюзий. И поэтому, если в последние годы в западной общественной мысли очень активно развивались теории микровласти гражданской самоорганизации, соуправления и публичного государственного руководства (public governance) и даже государства как сетевой структуры, координирующей горизонтальные структуры гражданского самоуправления, то теперь виден тренд на сомнения в эффективности демократии участия [4], который будет только усиливаться. Технически граждане получили возможность для участия и в принятии решений, и в распределении бюджетных ресурсов, но эффективность этого процесса начинает ставиться под сомнение. И коронавирус делает споры об эффективности сетевого общества еще более масштабными. Тем более, что демократия участия была задачей про справедливое распределение ресурсов, но теперь пандемия и экономический

кризис сильно сократят объем располагаемых и распределяемых ресурсов.

Коронавирус — серьезный вызов идее uber-государства, «вызываемого» для решения локальных вопросов. Если «пользоваться» им только время от времени, то рассчитывать на успешную подготовку к катастрофам уровня пандемии будет затруднительно. Потому что ответить на такое развитие событий можно лишь при должном развитии медицины, вирусологии, цифровизации государственных институтов.

Значимым сюжетом остается запрос на справедливость и борьбу со структурным насилием, которую должно организовать государство. Правда, здесь возникает новая серьезная проблема: борьба с насилием все чаще сама становится формой насилия, а требования элиминировать дискриминацию превращаются в новые формы дискриминации. Просто социальные группы, обвиняемые в использовании структурного насилия в прошлом, теперь сами становятся его жертвами.

Однако в спорах между цифровой полиархией и цифровым авторитаризмом не стоит забывать и третий путь. Его можно назвать «цифровой анархией». Речь уже идет не о формировании нового гражданского общества, а о хаотизации политической жизни, опять же, при помощи современных технологий. Современные сетевые движения ста-

вят задачу не столько контролировать государство, сколько организовывать протесты и беспорядки. Человек становится объектом беспрецедентных информационных манипуляций. Генерацию фейковых новостей можно осуществлять уже в прямом смысле в домашних условиях. Появились специальные технические решения — генераторы фейковых новостей Deepfake, конструкторы Telegram-ботов и другие легкодоступные новинки. Обработанного таким образом человека гораздо легче вовлечь в протестную активность. Кроме того, на наших глазах радикально меняются избирательные технологии. Таргетированные манипуляции, так называемые data-driven campaign, компьютерное психотипирование и психометрия позволяют одерживать победу на выборах самым неожиданным политикам. Это становится вызовом как государству, так и обществу и работает на хаотизацию политики, которая, правда, порождает запрос на возвращение к доминированию сильных политических структур, снова закручивая спираль общественного развития. Таким образом, в каждой стране остаются пока открытыми вопросы: в какую сторону технологии будут смещать политическое развитие? возобладает ли курс на цифровую полиархию? возьмет ли верх новый авторитаризм, или же тенденции новой анархии будут становиться все сильнее?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Seligman A. The Idea of Civil Society. N.Y.: Free Press; 1992.
2. Миклашевская А. Интернет оказался под PRISMой спецслужб. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2207917>.
Miklashevskaya A. The Internet was under the PRISM of special services. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2207917>. (In Russ.).
3. Osterweil V. In Defense of Looting. The New Inquiry. URL: <https://thenewinquiry.com/in-defense-of-looting>.
4. Parvin P. Democracy Without Participation: A New Politics for a Disengaged Era. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s11158-017-9382-1.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Васильевич Симонов — кандидат политических наук, профессор, директор Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
KVSimonov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Konstantin V. Simonov — Cand. Sci. (Political Sciences), Professor, Director of the Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
KVSimonov@fa.ru

Статья поступила 10.11.2020; принята к публикации 30.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.11.2020; accepted for publication on 30.11.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-12-18
УДК 378,339.9(045)

Глобальная конкурентоспособность высшего образования: мировые стратегии и лучшие практики*

Л.В. Приходько^а, Е.А. Каменева^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-4548-1421>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-9909-6986>

АННОТАЦИЯ

Глобализация, конкурентная борьба, поиск новых источников финансирования уже давно являются реалиями не только для бизнеса, но и для такой социально важной сферы, как образование. Современные университеты разрабатывают и реализуют стратегии, которые позволяют им стать значимыми игроками на мировом рынке образования, а правительства многих стран, также заинтересованные в продвижении имиджа национального образования и университетов, в свою очередь, разрабатывают программы поддержки данных инициатив. В статье анализируется мировой опыт университетов и национальных систем высшего образования по повышению престижа и конкурентоспособности на глобальном рынке образования, определяются основные типы стратегий, благодаря которым многие страны смогли достичь прорывных результатов на мировой образовательной арене.

Ключевые слова: глобальная конкурентоспособность; мировой рынок образования; международные образовательные рейтинги; стратегии развития университетов

Для цитирования: Приходько Л.В., Каменева Е.А. Глобальная конкурентоспособность высшего образования: мировые стратегии и лучшие практики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):12-18. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-12-18

ORIGINAL PAPER

Global Competitiveness of Higher Education: World Strategies and Best Practices**

L.V. Prikhodko^а, E.A. Kameneva^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-4548-1421>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-9909-6986>

ABSTRACT

Globalization, competition, search for new sources of funding have long been a reality not only for business but also for such a socially important sphere as education. Modern universities develop and implement strategies that allow them to become significant players in the global education market, and the governments of many countries, which are also interested in promoting the image of national education and universities, in turn, are developing programs to support these initiatives. The article analyzes the world experience of universities and national systems of higher education in increasing the prestige and competitiveness in the global education market, identifies the main types of strategies, thanks to which many countries were able to achieve breakthrough results in the world educational arena.

Keywords: global competitiveness; world education market; international educational rankings; university development strategies

For citation: Prikhodko L.V., Kameneva E.A. Global competitiveness of higher education: World strategies and best practices. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):12-18. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-12-18

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University.

Всемирный экономический форум считает глобальную конкурентоспособность набором институтов, законов и факторов, определяющих уровень благосостояния, который может быть достигнут в результате экономической деятельности государства (<https://www.weforum.org>). Высшее образование, являясь одним из важных показателей национальной конкурентоспособности, в свою очередь, также развивается в условиях глобализации и конкуренции не только между образовательными организациями, но и между национальными образовательными системами. В этой связи актуальным является исследование подходов к повышению уровня глобальной конкурентоспособности высших учебных заведений.

Прежде всего необходимо определить критерии конкурентоспособности образовательных организаций и способы ее измерения. Большинство исследователей сходятся во мнении, что среди основных детерминант конкурентоспособности образовательных организаций можно выделить следующие: выдающиеся педагоги, исследователи и талантливые студенты; развитая инфраструктура и материально-техническая база; прозрачная и эффективная система управления; наличие прорывных исследовательских достижений в приоритетных предметных областях. Х. Хорта, исследуя лучшие практики европейских университетов, среди главных критериев глобальной и национальной конкурентоспособности университета выделял, в том числе, высокую степень интернационализации образовательной деятельности и аффилиацию образовательной организации со страной с развитой научно-образовательной системой [1]. У. Ванг, анализируя лучшие практики развивающихся стран, считал необходимым фактором успеха широкую диверсификацию деятельности университета, включая ее образовательную, исследовательскую и социальную составляющие [2].

Наиболее полным и точным определением глобально конкурентоспособного университета можно считать следующее: «Это высшее учебное заведение, способное занимать и удерживать устойчивые позиции на определенных сегментах мирового рынка образовательных услуг и продуктов интеллектуальной деятельности, благодаря эффективной реализации интеллектуального потенциала, развитой инновационной

системе и достаточности финансовых ресурсов, обеспечивающих высокий уровень и качество обучения и научных исследований» [3].

Понимание глобальной конкурентоспособности вуза складывается не только из определения, но из критериев, характеризующих данную категорию вузов. Эти критерии можно объединить в три основные группы.

Общие характеристики образовательной организации, среди которых можно выделить охват научно-образовательных отраслей знания, объем и структуру финансирования, состав и авторитетность научно-педагогических кадров, инфраструктуру и технологическую оснащенность.

Характеристики научно-исследовательского и образовательного процессов, к которым относятся такие показатели, как количество обучающихся (включая иностранных студентов), наличие образовательных программ, отвечающих международным стандартам (имеющих международную аккредитацию), объем доходов от НИР, наличие прорывных научных исследований, подтвержденных патентами и свидетельствами.

Академическая репутация вуза и признание результатов его деятельности, к которым, прежде всего, относятся представленность научных статей профессорско-преподавательского состава в международных наукометрических базах данных и позиции вуза в международных образовательных рейтингах.

Л. Портной и С. Баглей назвали современное состояние конкуренции на рынке мирового образования «эрой рейтингомании, фокусирующей свое внимание на университетах высшей, элитной лиги» [4]. Международные образовательные рейтинги, начиная с публикации первого исследования в 2003 г. Шанхайским университетом Цзяотун (рейтинг ARWU) с последующим присоединением к высшей лиге рейтингов Quacquarelli Symonds (рейтинг QS) и Times Higher Education (рейтинг THE), несмотря на первоначальную критику их методологии и степени объективности для широкого практического применения, прочно заняли место среди основных инструментов оценки конкурентоспособности высших учебных заведений в глобальном контексте. Эти рейтинги создали прозрачную и простую систему определения места вуза на мировом/региональном образовательном рынке или в конкретной предметной

области и поэтому стали одним из наиболее значимых информационных ресурсов при выборе образовательной организации потенциальными обучающимися. Это, безусловно, привело к тому, что в настоящее время позиции вуза в международных рейтингах являются значимым ориентиром в стратегическом развитии как для образовательных учреждений, так и для национальных систем образования.

Анализ мировой практики позволяет выделить ряд принципиально отличающихся стратегий по усилению уровня глобальной конкурентоспособности университетов и повышению их позиций в международных рейтингах.

Исследовательские университеты. На мировом рынке образования заметно выделяются университеты, которые можно назвать «глобальными исследовательскими университетами», которым свойственны: глобально сформированные миссия и стратегические приоритеты, четкий ориентир на повышение исследовательского потенциала, высокая степень глобального межсетевое взаимодействия. Такие университеты рассматриваются как главный знаниевый ресурс мира, а правительственные и промышленные организации в значительной степени ориентированы на них с точки зрения воспроизводства инноваций и технологий [4].

Университеты мирового класса. Дж. Салми, разрабатывая концепцию высококонкурентоспособных университетов, которые он назвал университетами мирового класса (World Class Universities) отметил, что для достижения устойчивой конкурентоспособности образовательной организации необходимо обладать академической свободой и автономным управлением, сильной международной репутацией, развитой организационной культурой и наличием финансовой поддержки со стороны государства [5]. Несмотря на то что в 2015–2020 гг. уровень государственной поддержки высшего образования в ряде стран несколько сократился (что связано со снижением темпов экономического роста), это не повлияло на финансирование национальных программ создания университетов мирового класса, отличительными особенностями которых являются элитный статус, глобальное позиционирование университета, значительное финансирование (часто с участием государства и/или отраслевых партнеров), высокая производительность исследовательских работ. В этот период активно развивались национальные

программы создания университетов мирового класса в России, КНР, Южной Корее, Индии.

Объединенные университеты. Объединение университетов стало распространенной практикой для повышения глобальной конкурентоспособности университетов и национальных образовательных систем. Зачастую объединение университетов сопряжено с параллельной целью — развитием объединенного вуза до уровня университета мирового класса. В некоторых странах правительства провели такую реорганизацию национальных образовательных систем именно с целью создания вузов, способных в среднесрочной перспективе стать университетами мирового класса. Такие реформы прошли, например, в Финляндии, где количество вузов было сокращено почти на четверть, во Франции, России. Практика показала, что слияние институтов с разным культурным и историческим наследием оказалось чрезвычайно сложной задачей. Гипотетически объединенные учреждения могут стать более эффективными и конкурентоспособными за счет сочетания лучших конкурентных преимуществ разных вузов, однако успех не гарантирован, и потенциальные осложнения (такие, как потеря рабочих мест, сложность или невозможность объединения разных институциональных культур) необходимо внимательно изучить до принятия решения о слиянии.

Интернациональные университеты. Интернационализация является еще одним направлением стратегического развития университетов, при котором основными приоритетами являются привлечение высококвалифицированных ученых с международным авторитетом, прием иностранных студентов, развитие совместных исследовательских проектов, повышение международной репутации. Экспорт образования за счет привлечения большего количества иностранных студентов позволяет университетам не только увеличить доходы от поступлений средств за оплату обучения, но и повысить уровень своей узнаваемости и престижности за рубежом.

Высокий уровень конкуренции между вузами и национальными системами образования побуждает правительства многих стран к поиску наиболее эффективных решений для быстрого роста позиций своих университетов в международных образовательных рейтингах. Это привело к тому, что появились государ-

Таблица 1 / Table 1

**Количество и географическое распределение реализованных инициатив превосходства
в 1989–2015 гг. / The number and geographic distribution of excellence initiatives implemented
in 1989–2015**

Регионы	Инициативы превосходства 1989–2004 гг.		Инициативы превосходства 2005–2015 гг.	
	Количество программ	Страны	Количество программ	Страны
Африка	0		1	Нигерия
Азиатско-Тихоокеанский регион	8	Австралия, КНР, Япония, Новая Зеландия, Гонконг, Южная Корея	14	КНР, Индия, Япония, Малайзия, Сингапур, Южная Корея, Тайвань, Таиланд
Европа	4	Финляндия, Дания, Норвегия, Ирландия	19	Дания, Франция, Германия, Люксембург, Норвегия, Польша, Российская Федерация, Словения, Испания, Швеция
Средний Восток	0	–	2	Израиль, Саудовская Аравия
Северная Америка	1	Канада	1	Канада
Всего	13	–	37	–

Источник / Source: Salmi J. Excellence Strategies and the Creation of World-Class Universities Global Perspectives on Higher Education [6].

ственные программы дополнительного финансирования ведущих вузов страны с целью повышения эффективности их деятельности и рейтинга международного признания. Такие программы получили название «Инициативы превосходства» (Excellence Initiatives). Одной из первых инициатив превосходства стала программа, созданная Советом по науке и гуманитарным наукам Германии и Немецким исследовательским фондом. Данная инициатива была направлена на повышение международной привлекательности ведущих немецких университетов за счет создания превосходных условий для работы ученых и развития передовых научных исследований (<https://web.archive.org/web/20100220125159>). В рамках инициативы превосходства Германии более 30 ведущих немецких вузов получили финансовую поддержку, бюджет программы составил 2,7 млрд евро.

Джамиль Салми, являющийся международным экспертом в области высшего образования, который до 2012 г. курировал вопросы высшего образования в Мировом Банке, исследовал программы инициатив превосходства, реали-

зованные в мире в период с 1989 по 2015 г. [6].

Данные *табл. 1* показывают, что в конце XX – начале XXI в. было сравнительно небольшое количество стран, где осознавали необходимость развития национальной системы образования и повышения ее конкурентоспособности в глобальном контексте. Современная повестка изменилась – большинство развитых, и развивающихся стран сформировали свои инициативы превосходства и стали всесторонне поддерживать инновационное развитие высших учебных заведений. Также можно отметить, что США и Великобритания, университеты которых неизменно занимают лидирующие позиции в мировых образовательных рейтингах, не внедряли в указанный период программы дополнительного финансирования развития высшего образования, поскольку существующий уровень финансирования и так был достаточно высоким.

В *табл. 2* приведено сравнение объемов финансирования, выделенного в различных странах на поддержку высшего образования в рамках реализации инициатив превосходства. Из представленных данных видно, что разные

Объем выделенного финансирования в рамках государственных программ инициатив превосходства / Funding allocated for government excellence initiatives

Вузы		Центры совершенства	
Объем финансирования, млн долл.	Страны	Объем финансирования, млн долл.	Страны
≤ 20	Дания, Германия	1–5	Дания, Финляндия, Норвегия
20–100	Российская Федерация, Испания, Таиланд	5–10	Австралия, Германия, Гонконг, Южная Корея, Словения, Нигерия
≥ 100	КНР, Франция, Сингапур, Тайвань	≥ 10	Израиль, Япония

Источник / Source: Salmi J. Excellence Strategies and the Creation of World-Class Universities Global Perspectives on Higher Education [6].

программы рассматривали в качестве объектов поддержки либо высшие университеты в целом, либо отдельные их подразделения «центры совершенства», которые имели наибольший потенциал развития.

Анализируя источники финансирования инициатив превосходства, можно отметить, что в большинстве случаев дополнительное финансирование поступало исключительно из государственного бюджета с некоторыми особенностями в нескольких странах. Например, в Германии и КНР инициатива финансировалась федеральным правительством и правительствами регионов (земель), а во Франции для финансирования инициативы был создан отдельный эндаумент фонд.

Проведение анализа эффективности государственных программ развития высшего образования является сложной и комплексной задачей. Во-первых, модернизация национальной образовательной системы занимает, как правило, очень длительный временной период, а конкуренция на глобальном рынке образования имеет тенденцию к устойчивому росту. Во-вторых, оценка эффективности деятельности высших учебных заведений включает большое количество различных параметров. Реализованные инициативы превосходства во многих случаях действительно оказывали важный качественный эффект на развитие национальной образовательной системы, но попытки оценить их эффективность предпринимались редко.

В рамках данного исследования были определены индикаторы глобальной конкурентоспособности образовательных организаций, которые можно применить к анализу эффективности реализованных инициатив превосходства. Так, например, в качестве индикатора можно взять присутствие вузов страны в международных образовательных рейтингах. В *табл. 3* показаны страны, сгруппированные в зависимости от наличия реализованных инициатив превосходства в период с 2004 по 2015 г., и прирост количества вузов этих стран, присутствующих в топ-500 Шанхайского международного образовательного рейтинга ARWU за указанный период.

Данные *табл. 3* показывают, что многие из стран, реализовавшие государственные программы дополнительного финансирования ведущих вузов с целью повышения эффективности их деятельности и рейтинга международного признания, действительно добились прорывных результатов. А такие страны, как США и Великобритания, традиционно занимающие большинство топовых позиций в мировых рейтингах, за этот же период показали отрицательный результат.

Как уже отмечалось, говорить о прямой зависимости повышения уровня глобальной конкурентоспособности вузов от государственных инициатив дополнительной финансовой поддержки высшего образования не представляется возможным, однако мировой опыт показывает, что реализация качественных государственных программ действительно оказывает позитив-

Таблица 3 / Table 3

Прирост количества вузов, представленных в топ-500 международного образовательного рейтинга ARWU за период 2004–2016 гг. / Increase in the number of universities represented in the top 500 of the ARWU international educational ranking for the period 2004–2016

Страны	Количество вузов в топ-500 рейтинга ARWU, 2004 г.	Количество вузов в топ-500 рейтинга ARWU, 2016 г.	Прирост
Страны, реализовавшие инициативы превосходства в период 2004–2015 гг.			
КНР	16	54	+38
Австралия	14	23	+9
Саудовская Аравия	0	4	+4
Тайвань	5	9	+4
Малайзия	0	3	+3
Южная Корея	8	11	+3
Испания	9	12	+3
Новая Зеландия	3	4	+1
Россия	2	3	+1
Швеция	10	11	+1
Дания	5	5	0
Финляндия	5	5	0
Франция	22	22	0
Гонконг	5	5	0
Ирландия	3	3	0
Словения	1	1	0
Норвегия	4	3	-1
Израиль	7	5	-2
Канада	23	20	-3
Германия	43	38	-5
Страны, не реализовавшие инициативы превосходства в период 2004–2015 гг.			
Бразилия	4	6	+2
Чехия	1	1	0
Нидерланды	12	12	0
Бельгия	7	7	0
Австрия	5	5	0
Италия	23	19	-4
Великобритания	42	37	-5
Япония	36	16	-20
США	170	137	-33

Источник / Source: Academic Ranking of World Universities. URL: <http://www.shanghairanking.com/aboutarwu.html>.

ное влияние на развитие вузов, получивших поддержку, и рост уровня их международного признания. Однако анализ мировой практики говорит о том, что важной составляющей успеха в повышении уровня глобальной конкурентоспособности является не только наличие внешней программы финансовой поддержки, но и эффек-

тивное управление выделенными финансовыми средствами в соответствии с выбранной стратегией и приоритетами развития вуза. Поэтому университетам, стремящимся к глобальному лидерству, необходимо четко определять и финансово обеспечивать свои глобальные приоритеты и конкурентные преимущества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Horta N. Global and national prominent universities: internationalization, competitiveness and the role of the State. *High Education*. 2009;(58):387–405.
2. Yingjie W. Building the world-class university in a developing country: Universals, uniqueness, and cooperation. *Asia Pacific Education Review*. 2001;(2):3–9.
3. Сацик В.И. Детерминанты глобальной конкурентоспособности университетов: в поиске эффективной стратегии развития высшего образования на Украине. *Вопросы образования*. 2014;(1):134–161.
Satsik V.I. Determinants of the global competitiveness of universities: in search of an effective strategy for the development of higher education in Ukraine. *Voprosy obrazovaniya*. 2014;(1):134–161. (In Russ.).
4. Portnoi L. M., Bagley S. S. The AAUP's Role in a Globalized, Competitive Higher Education Landscape. URL: <https://www.questia.com/magazine/1P3-3877927681/the-aaup-s-role-in-a-globalized-competitive-higher>.
5. Salmi J. The challenge of establishing of world-class universities. Washington: World Bank; 2009.
6. Salmi J. Excellence Strategies and the Creation of World-Class Universities Global Perspectives on Higher Education. Sense Publishers, Rotterdam; 2016. DOI: 10.1007/978-94-6300-773-3_2

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лилия Васильевна Приходько — кандидат технических наук, доцент Департамента менеджмента и инноваций, Финансовый университет, Москва, Россия
LVPrikhodko@fa.ru

Екатерина Анатольевна Каменева — доктор экономических наук, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет, Москва, Россия
EAKameneva@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Lilia V. Prikhodko — Cand. Sci. (Eng.), Associate Professor, Department of Management and Innovation, Financial University, Moscow, Russia
LVPrikhodko@fa.ru

Ekaterina A. Kameneva — Doctor of Economics Sciences, Professor, Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Financial University, Moscow, Russia
EAKameneva@fa.ru

*Статья поступила 20.10.2020; принята к публикации 05.11.2020.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article received on 20.10.2020; accepted for publication on 05.11.2020.
The authors read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-19-24
УДК 342.8(045)

Развитие глобального гражданства как императив глобальной образовательной политики

Е.А. Антюхова

МГИМО МИД России, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-0860-4792>

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются вопросы становления и развития глобального образования и глобальной образовательной политики. Несмотря на то что понятие «гражданство» исторически ассоциировалось с правами и обязанностями тех, кто был связан определенной территорией и соответственно государством, граждане мира понимают необходимость брать на себя ответственность за благополучие человечества и планеты в целом. Поэтому развитие граждан мира можно считать конечной целью глобального образования и соответственно глобальной образовательной политики. Исследование базируется на учете методологических основ концепций ученых-глобалистов в области образования относительно терминологии глобального образования, международного образования, глобальных компетенций и глобального гражданства. Глобальное образование рассматривается как один из способов современного обучения, направленного на подготовку студентов к глобальной гражданственности в сложном взаимосвязанном мире с учетом формирования глобальных компетенций политической, экономической, социально-культурной и экологической направленности. В статье представлен ретроспективный анализ формирования и развития глобального образования с учетом состояния геополитического климата.

Ключевые слова: глобальная образовательная политика; высшее образование; глобальное образование; глобальное гражданство; глобальные компетенции; глобализация; права человека

Для цитирования: Антюхова Е.А. Развитие глобального гражданства как императив глобальной образовательной политики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):19-24. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-19-24

ORIGINAL PAPER

Development of Global Citizenship as an Imperative of Global Education Policy

E.A. Antyukhova

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-0860-4792>

ABSTRACT

This article examines the formation and development of global education and the corresponding global educational policy. Although the concept of citizenship has historically been associated with the rights and responsibilities of those who were bound by a certain territory and, consequently, by a state, citizens of the world understand the need to take responsibility for the well-being of humanity and the planet as a whole. Therefore, the development of world citizens can be considered the ultimate goal of global education and, consequently, global education policy. The research is based on taking into account the methodological foundations of the concepts of global scientists in the field of education regarding the terminology of global education, international education, global competencies and global citizenship. Global education is considered as one of the ways of modern teaching aimed at preparing students for global citizenship in a complex interconnected world, taking into account the formation of global competencies of political, economic, socio-cultural and environmental orientation. The article presents a retrospective analysis of the formation and development of global education, taking into account the state of the geopolitical climate.

Keywords: global educational policy; higher education; global education; global citizenship; global competencies; globalisation; human rights

For citation: Antyukhova E.A. Development of global citizenship as an imperative of global education policy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):19-24. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-19-24

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие широкой коалиции политиков в сфере образования, бизнеса, неправительственных организаций, частных фондов и отдельных ученых, специализирующихся на проблемах развития образования в мире, привело к формированию единой задачи внедрения глобального образования в абсолютном большинстве стран. Такое видение основано на выработке общего, согласованного подхода к решению разнообразных проблем, вызванных глобализацией (прежде всего, проблем окружающей среды, прав человека, социальной справедливости, содействия миру и устойчивому развитию). Глобальное образование вносит изменения в системы образования стран, различающихся по уровню социально-экономического развития, и сконцентрировано на том, чтобы дать молодым гражданам — студентам достаточные преимущества в конкурентной глобальной экономике и подготовить их к взаимосвязанному, но изменчивому миру.

В настоящее время бизнес, как правило, поддерживает или предлагает свои оригинальные решения (как это происходит, например, в образовании при развитии цифровых образовательных платформ). Показателен пример компании Google, которая планирует запустить программу Google Career Certificates [1], в рамках которой соискатели будут овладевать базовыми навыками, необходимыми для того, чтобы после окончания программы быстро устроиться на работу. Безусловно, такие инициативы мирового IT-гиганта найдут (и уже находят) последователей как в мире бизнеса, так и в области образования.

Благодаря различным заинтересованным акторам и их действиям и инициативам в глобальной образовательной политике возникает проблема, характеризующаяся нарастающей потребностью в изменении парадигмы высшего образования и профессиональной подготовки. Исторически принятая университетами ответственность за воспитание целостной личности с активной гражданской позицией, открытой к познанию и уважающей другие культуры, также остается в пределах глобальной образовательной парадигмы.

Отмечая, что в настоящее время глобальное образование не является обязательным на национальном уровне, мы учитываем тот факт, что существует объективная потребность

такого образования при формировании глобальных компетенций и поддержки института глобального гражданства, что и стало объектом дальнейшего исследования в данной статье.

ГЛОБАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ГЛОБАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И ГЛОБАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСТВО

Такие термины, как «глобальное образование», «международное образование», «глобальная компетенция» и «глобальное гражданство» часто используются, по мнению Y. Zhao [2], как тождественные из-за двойственности в определениях и отсутствия консенсуса в разъяснениях ученых-глобалистов в области образования.

Впервые глобальное образование как предмет исследования выделил J. M. Becker, который рассматривал мир как совокупность, характеризующуюся «взаимозависимостью, общими ценностями и общими проблемами», несмотря на различия внутри общностей людей, культур и наций [3]. Поэтому большинство ученых-глобалистов в сфере образования представляют глобальное образование как способ обучения, направленный на подготовку обучающихся всех возрастов и разных специальностей к жизни во взаимосвязанном мире.

Глобальное образование отражает постоянное, динамичное взаимодействие между глобальным и локальным. Так, варианты академической мобильности, демонстрируемые университетами, предлагающими студентам обучение в лучших образовательных организациях мира, одновременно рассматриваются и как ограничения, связанные с отсутствием возможности получить качественное образование по определенным сложным в обучении профессиям в той или иной стране.

Следует отметить значимость разделения между международным и глобальным образованием. Международное образование ориентировано на страны как отдельные системы образования, в то время как глобальное образование фокусируется на связях между странами. Кроме того, на практике, как правило, международное образование традиционно принимает форму изучения в университетах иностранного языка и регионалистики для тех студентов, которые заинтересованы в карьере на международной арене. А глобальное образование в идеале должно охватывать все предметные области в школах и университетах.

Глобальная компетенция рассматривается как знания, навыки и определенное мироощущение, необходимые для того, чтобы «жить, работать и взаимодействовать с людьми из разных культур и стран» [2] — а это и есть то, чему учит глобальное образование. Знание влечет за собой понимание, что все в мире взаимосвязано и взаимозависимо и распространение глобализации отражается на всех общностях, вне зависимости от уникальности разных культур.

К навыкам глобальной компетенции относятся: межкультурное общение, включая способность говорить на нескольких языках [4]; способность работать совместно с различными группами из местных и международных сообществ [5]; использование критического мышления и рефлексии для исследования проблем глобального значения [6]; способность «предпринимать личные и коллективные действия от имени человечества» посредством принятия решений, солидарности и участия в событиях национального и мирового масштаба [7]; уважение и открытость к различиям, разнообразию и множественным точкам зрения [8]; сочувствие [9] и приверженность правам человека [10]; социальная справедливость [11]; забота о мире и его будущем [2].

Указанные выше компетенции также представлены в терминологии глобального гражданства, особенно в части ответственности и активного участия в деятельности мирового сообщества. Поэтому обучение граждан мира можно считать конечной целью глобального образования.

РЕТРОСПЕКТИВА ГЛОБАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Безусловно, глобальное образование нельзя назвать исключительно новым явлением. Оно периодически получало активное распространение в течение трех этапов:

1. Сразу после Второй мировой войны до конца 1960-х гг. [12].

2. С конца 1960-х до начала 1990-х гг. [13].

3. С начала XXI в. и по настоящее время [13].

Каждый этап отличается тем, что знаменует некоторый новый или возобновленный интерес к глобальной политике в области образования.

Интересно, что W. C. Parker считает, что глобальное образование следует рассматривать исключительно в двух этапах — с конца

1960-х гг. и с начала XXI в. Но все же следует признать объективность подхода К. А. Туе (с которым согласны также и N. Dolby и A. Rahman [14]), что началом формирования глобальной образовательной политики следует считать период с окончания Второй мировой войны.

Следует отметить, что большие наработки в области глобальной образовательной политики были сделаны в США — именно здесь с середины 1950-х гг. стали принимать законодательные акты, направленные на учет принципов развития образования с учетом международной повестки. Как отмечают С. J. Frey и D. Whitehead [15], в условиях холодной войны 1950-х гг. американское правительство инвестировало бюджетные средства в образование в части изучения иностранных языков.

Благодаря различным заинтересованным акторам и их действиям и инициативам в глобальной образовательной политике возникает проблема, характеризующаяся нарастающей потребностью в изменении парадигмы высшего образования и профессиональной подготовки.

В 1961 г. в США был принят закон Фулбрайта–Хейса (Fulbright–Hays Act), который корректировался трижды в связи с изменением политических обстоятельств и конъюнктуры в глобальном образовании, предусматривающий улучшение и укрепление международных отношений США путем содействия лучшему взаимопониманию между народами мира посредством образовательных и культурных обменов. Согласно этому закону, в исследовательских и образовательных целях финансировались образовательные программы культурного обмена.

На втором этапе глобальное образование сосредоточилось в области изучения глобальных проблем, таких как права человека, окружающая среда, распространение ядерного оружия, рост народонаселения. В этот период именно американские программы критиковались консервативными политическими орга-

низациями на национальной и международной арене, поскольку формировались, по мнению W. Gaudelli [16], на основе угроз национальному суверенитету. В других странах были введены дисциплины «Глобальное образование» (Австралия, Канада, Великобритания и др.) и «Образование для международного понимания» (Южная Корея), целью которых стало изучение глобальных проблем для формирования ответственной гражданской позиции личности в постоянно меняющемся глобальном обществе. Выбор системы общего образования для обработки глобальных навыков объясняется тем, что школьное обучение рассматривается как основная сила, которая, по мнению L. Vurnouf [17], позволяет создать «климат лояльности между нациями».

Начало третьего этапа развития глобального образования в XXI в. сопровождалось становлением новой задачи — обеспечения национальной безопасности, с одной стороны, и сохранения мира — с другой. Нарастание промышленного производства стало существенно затрагивать природу, обострились экологические проблемы, которые из территориальных стали постепенно переходить в разряд глобальных, способных нарушить баланс окружающей среды на планете.

В итоге, социально-геополитический климат в начале XXI в. в совокупности с развитием глобализационных процессов способствовал определенному возрождению глобального образования и глобальной образовательной политики.

Если обратиться к восприятию глобального образования на государственном уровне, то следует отметить, что, например, в Японии с 1980-х гг. реализуется программа «Образование для глобального соревнования», инициированная бизнес-корпорациями и направленная на поддержку международных обменов и повышение результативности обучения иностранным языкам. С 2014 г. на основе практики американских грантов (Fulbright U. S. Student Program), немецкой (DAAD), английской (Study Abroad Studentships), бразильской (Science without Borders (SWB)), австралийской (New Colombo Plan) и других программ студенческой мобильности в России реализуется государственная программа «Глобальное образование» для финансирования обучения граждан, поступивших в ведущие университеты мира.

Безусловно, именно третий этап развития глобального образования характеризуется существенным ростом академической мобильности студентов и преподавателей. Этому способствовали как политические решения (визовая поддержка, прежде всего), так и модернизация транспортного сообщения, развитие кампусов и инфраструктуры университетов, оптимизация ценовой политики и предложение на конкурентный мировой рынок образовательных программ по востребованным в мире и уникальным специальностям.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ГРАЖДАНСТВА

Многогранность характеристик глобализации имеет распределение, как минимум, от идеологии свободной торговли к концепциям неокOLONIALИЗМА и транснационализма [18], поэтому изначальные представления о сущностном понимании позиции гражданина в глобализованном мире сложны, и с развитием представлений о глобализации и ее влиянии само понимание глобального гражданства со временем меняется.

В начале XXI в. возникло новое направление — глобальное гражданское образование (global citizenship education [19]). Именно новый этап развития общества способствует принятию изменений в организации взаимодействия между людьми с разной культурой. Поэтому следует более взвешенно подойти к вопросам формирования новых ориентиров в глобальном образовании с учетом изменений в интеллектуализации общества [20].

Глобальное гражданство следует рассматривать как «коммуникативное взаимодействие между политическими акторами» [21]. Здесь одну из главных ролей играет космополитизм, с учетом приоритета универсалистского взгляда на то, что все люди разделяют общие ценности, права и обязанности, и каждый человек должен осознавать ответственность за уважение достоинств всех людей и уважать действия, которые приносят пользу человечеству. Политическое космополитическое гражданство имеет целью продвижение глобального управления, которое «подчеркивает демократизацию и укрепление существующих международных институтов, таких как ООН» [17]. Моральное космополитическое гражданство поддержи-

вает идею универсальной глобальной этики, которая широко представлена в декларациях прав человека.

Образование для глобального гражданства (как противопоставление космополитическому представлению о единой глобальной культуре) включает и культурный релятивизм, в соответствии с которым люди признают, что их мировоззрение и культурные нормы не являются универсальными, и поэтому они учатся с уважением взаимодействовать с представителями разных слоев общества [22]. Использование данного подхода в обучении студентов чрезвычайно важно для балансирования и адекватной оценки культурной, национальной и транснациональной идентичности, что имеет важное значение из-за беспрецедентного роста иммиграции в мире и развития студенческой мобильности.

Для глобального образования также в настоящее время чрезвычайно актуальны вопросы экологии, которые дополняют космополитические аспекты, делая еще больший упор на глобальной устойчивости, но уже с позиции изучения и оценки изменений в действиях людей в отношении к природе и окружающей среде (в целом к планете Земля), устанавливая взаимозависимость экологии, глобального изменения климата и загрязнения воздуха и воды.

Исходя из основных характеристик глобальной образовательной политики, следует дополнительно выделить и неолиберальный аспект глобального гражданства, который ориентирован на следование принципам свободного рынка, конкуренции и дерегулирования в экономике. Образовательная программа с неолиберальной повесткой дня фокусируется на

компетенциях, необходимых студентам для достижения успеха на конкурентном глобальном рынке, так как в современной глобальной экономике люди борются за рабочие места, а компаниям нужны сотрудники, обладающие знаниями и навыками для эффективной работы со специалистами во всем мире. Неолиберальность в глобальном образовании проявляется в следовании концепции инвестиций в человеческий капитал, развитии экономики знаний и соответственно глобализации образовательных практик и стандартов.

Таким образом, реализуемое в рамках глобальной образовательной политики глобальное образование ориентировано на решение множества проблем, вызванных глобализацией и преследующих социальные, политические и экономические цели, стоящие иногда за противоположными, но в большей массе космополитичными призывами к интернационализации образования.

Выводы

В целом, как и в предыдущие этапы, в текущий период поддержка глобального образования исходит от национальных правительств, различных фондов поддержки студенческих и школьных программ, неправительственных организаций и бизнес-компаний. При этом их позиция может отличаться от общепринятой, но именно множественность взглядов, объединенных идеями глобального гражданства и формирования глобальных компетенций будущих граждан мира, защитников окружающей среды, осознающих себя частью общего человечества, определяют перспективы развития глобального образования в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Bariso J. Google Has a Plan to Disrupt the College Degree. Google's new certificate program takes only six months to complete and will be a fraction of the cost of college. URL: <https://www.inc.com/justin-bariso/google-plan-disrupt-college-degree-university-higher-education-certificate-project-management-data-analyst.html>.
2. Zhao Y. Preparing globally competent teachers: A new imperative for teacher education. *Journal of Teacher Education*. 2010;61(5):422–431.
3. Becker J. M. An examination of objectives, needs and priorities in international education in U.S. secondary and elementary schools. Washington, D.C.: Office of Education; 1969.
4. Cushner K. Intercultural competence for teaching and learning. In: B. D. Shaklee, S. Baily, eds. *Internationalising teacher education in the United States*. Lanham, MD: Roman & Littlefield Publishers; 2012.
5. O'Connor K., Zeichner K. Preparing U.S. teachers for critical global education. *Globalisation, Societies, and Education*. 2011;9(3–4):521–536.

6. Noddings N. Global citizenship: Promises and problems. In: N. Noddings, ed. *Educating citizens for global awareness*. New York: NY: Teachers College Press; 2005.
7. Tye K.A., ed. *Global education: School-based strategies*. Orange, California: Interdependence Press; 1990.
8. Hanvey R.G. An attainable global perspective. *Theory into Practice*. 1982;21(3):162–167.
9. Case R. Key elements of a global perspective. *Social Education*. 1993;57(6):318–325.
10. Landorf H. Toward a philosophy of global education. In: T.F. Kirkwood-Tucker, ed. *Visions in global education*. New York, NY: Peter Lang; 2009.
11. Oxley L., Morris P. Global citizenship: A typology for distinguishing its multiple conceptions. *British Journal of Educational Studies*. 2013;61(3):301–325.
12. Tye K.A. A history of the global education movement in the United States. In: T.F. Kirkwood-Tucker, ed. *Visions in global education*. New York, NY: Peter Lang; 2009.
13. Parker W.C. International education in U.S. public schools. *Globalisation, Societies, and Education*. 2011;9(3–4):487–501.
14. Dolby N., Rahman A. Research in international education. *Review of Educational Research*. 2008;78(3):676–726.
15. Frey C.J., Whitehead D. International education policies and the boundaries of global citizenship in the U.S. *Journal of Curriculum Studies*. 2009;41(2):269–290.
16. Gaudelli W. Critically theorising the global. *Theory and Research in Education*. 2013;41(4):552–565.
17. Burnouf L. Global Awareness and Perspectives in Global Education. *Canadian Social Studies*. 2004;38(3):1–12.
18. Suarez-Orozco M. M., Qin-Hillard D.B. Globalization: Culture and education in the new millennium. In: M.M. Suarez-Orozco, D.B. Win-Hillard, eds. *Globalisation: Culture and education in the new millennium*. Berkley, CA: University of California Press; 2004.
19. Davies I., Evans M., Reid A. Globalising Citizenship Education? A Critique of ‘Global Education’ and ‘Citizenship Education’. *British Journal of Educational Studies*. 2005;53(1):66–89.
20. Урсул А.Д. Становление образования глобального мира. Век глобализации. 2019;(2):49–60. Ursul A.D. the Development of education for global peace. *Age of globalisation*. 2019;(2):49–60. (In Russ.).
21. Fischer F. *Reframing public policy: Discursive politics and deliberative practices*. New York, NY: Oxford University Press, Inc.; 2003.
22. Landorf H., Rocco T.S., Nevin A. Creating permeable boundaries: Teaching and learning for social justice in a global society. *Teacher Education Quarterly*. 2007;34(1):41–56.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Андреевна Антюхова — кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
e.antyukhova@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Antyukhova — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of the World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia
e.antyukhova@gmail.com

Статья поступила 10.09.2020; принята к публикации 30.10.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.09.2020; accepted for publication on 30.10.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-25-31
УДК 327.83,621.382(045)

Роль информационных технологий в политическом и социально-экономическом развитии России

А.П. Ильин^а, Ю.И. Ильина^б

^а МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

^б Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-2122-0075>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-6007-0551>

АННОТАЦИЯ

Пандемия коронавируса, повергшая в шок мировую экономику, выявила слабость существующего мирохозяйственного уклада и привела к обострению противоречий прежде всего между глобальными акторами – Китаем и США. В таких условиях информационные технологии оказались ключевыми в борьбе с коронавирусом, а также необходимым условием для победы в экономической и военной гонке. Россия в силу своего геополитического положения не может остаться в роли стороннего наблюдателя и должна будет рано или поздно занять позицию в борьбе за мировое господство. Для того чтобы оказаться победителем, следует осуществлять долгосрочное планирование экономики, автоматизировать процесс принятия решений органами государственной власти и управления. Это, в свою очередь, требует проведения целого комплекса мероприятий, направленных на развитие, а по сути, на воссоздание отечественной радиоэлектронной промышленности. Воплощение в жизнь таких мер окажет непосредственное влияние на геополитическую роль России в условиях нового миропорядка.

Ключевые слова: Россия; Китай; США; интегральный уклад; информационные технологии; ЭВМ; импортозамещение; локализация; автоматизированные системы управления; радиоэлектронная промышленность

Для цитирования: Ильин А.П., Ильина Ю.И. Роль информационных технологий в политическом и социально-экономическом развитии России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):25-31. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-25-31

ORIGINAL PAPER

The Role of IT in the Political and Socio-Economic Development of Russia

A.P. Ilin^a, Yu.I. Ilina^b

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

^b Financial University, Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0002-2122-0075>; ^b <https://orcid.org/0000-0001-6007-0551>

ABSTRACT

The coronavirus pandemic, which shocked the world economy, revealed the weakness of the existing world economic system and led to an intensified struggle between global actors – China and the United States. In such circumstances, information technologies have proved to be a key technology in the fight against coronavirus and a necessary condition for winning the economic and military race. Russia, due to its geopolitical position, has to take a position in this struggle for world domination. If you want to be a winner's side, it is necessary to carry out long-term planning of the economy, digitize public services. It requires a whole range of measures aimed at developing the domestic IT industry. Finally, the implementation of these measures will have a direct impact on Russia's geopolitical role in the new world order.

Keywords: Russia; China; USA; integrated socio-economic system; information technologies; computers; import substitution; localization; automated management system; semiconductor industry

For citation: Ilin A.P., Ilina Y.I. The role of IT in the political and socio-Economic development of Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Bulletin of Financial University. Social sciences and Humanities*. 2020;10(6):25-31. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-25-31

Мировая пандемия новой коронавирусной инфекции отчетливо обозначила слабость Франции, Германии, Великобритании и США, считавшихся до этого мировыми лидерами как по продолжительности жизни населения (<https://www.worldometers.info/demographics/life-expectancy/>), размеру ВВП (<https://www.imf.org>), так и в сфере геополитического влияния.

В частности, во Франции еще за несколько лет до пандемии, был прекращен выпуск медицинских масок и ликвидированы их запасы на случай чрезвычайных ситуаций (<https://www.lci.fr/sante/coronavirus-epidemie-covid-19-pourquoi-la-france-est-en-penurie-de-masques-ffp2-2148489.html>), а также закрыт завод по производству медицинского кислорода (<https://reporterre.net/Coronavirus-une-usine-d-oxygene-fermee-par-un-fonds-speculatif-demande-sa-nationalisation>). Предприятия были вынесены в КНР и страны Юго-Восточной Азии.

В то же время некоторые развивающиеся страны — Китай, Россия, Турция, Иран — лучше справляются с кризисом, что выражается в относительно низком количестве зараженных и умерших (<https://coronavirus-monitor.ru/>).

Симптоматично, что на фоне ослабления технологического превосходства Запада обострилась санкционная война между США и Китаем, прежде всего в сфере информационных технологий [1]. В период пандемии значимость данных технологий как для борьбы с заболеванием, так и для обеспечения функционирования целых отраслей экономики, напрямую отразилось на уровне безработицы и доходах значительной части населения. Иными словами, от исхода этой «войны» будет зависеть, кто станет ведущей мировой державой и будет определять вектор развития человечества в ближайшие десятилетия.

Обострение экономической и политической борьбы между двумя глобальными акторами оказывает влияние на развитие информационных технологий и политику России в целом.

Продвижение информационных технологий определяется стратегией развития экономики, а она, в свою очередь, зависит от господствующей идеологии. По мнению С. Ю. Глазьева, из-за отсутствия четко сформулированной стратегии экономического развития, Россия

на сегодняшний день занимает позицию на периферии американской и китайской сфер влияния. Такая ситуация, по мнению экономиста, может привести к полной дерегуляции экономики и внутрисполитической дестабилизации в стране [2].

Глазьев считает, что Россия должна присоединиться к лагерю стран с интегральным укладом экономики, таким как Индия и Китай.

Идеологической основой данного уклада является приоритет общих интересов над частными. В политическом отношении данный принцип выражается в том, что граждане, вне зависимости от своего достатка, корпоративной или ведомственной принадлежности, в равной степени допущены к управлению государством и к распределению имущественных благ, являющихся национальным достоянием.

В экономическом отношении это обозначает стратегическое планирование развития экономики, которое может осуществляться в самых различных видах: как исключительного органами государственного управления (Китай), так и в форме устойчивого государственно-частного партнерства (Япония, Южная Корея).

Проводимая государством политика диверсификации внешнеторговых связей, именуемая «Поворот на Восток», уже дала определенные результаты. Так, по итогам 2019 г., товарооборот России и Китая составил 110,9 млрд долл. США, что значительно меньше объема российско-германской торговли за аналогичный период — 53,2 млрд долл. США (<http://customs.ru/press/federal/document/226112>).

Тема сотрудничества в сфере информационных технологий, за редким исключением, практически не получила своего развития. Россия остается рынком сбыта для китайской продукции. В отличие от других отраслей промышленности, здесь не реализуются проекты по локализации производства и трансферу технологий.

Некоторые российские производители до сих пор вынуждены размещать заказы на тайваньском заводе TSMC, рискуя попасть под очередную волну санкций со стороны Вашингтона и лишиться единственной производственной площадки, тогда как китайская сторона обладает всеми возможностями для выполнения требуемых работ.

Взаимодействие с другими потенциальными партнерами, такими как Индия, Бразилия,

Южная Африка, Иран или Турция, ведется с еще более низкой интенсивностью.

Как уже говорилось, информационные технологии лежат в основе процветания современного государства, а в основе развития самих технологий должна быть четкая и реалистичная государственная стратегия. Иного пути попросту нет, так как в России ведущие разработчики радиоэлектронной продукции («МЦСТ», «Байкал электроникс», «Микрон», «Элвис», «Миландр», «Ангстрем») являются государственными предприятиями или контролируются государством либо генерируют большую часть прибыли за счет государственного заказа¹.

Государственная стратегия развития была принята относительно недавно, в январе 2020 г., несмотря на то, что потребность в этом возникла значительно раньше. При анализе указанного документа возникает целый ряд вопросов. Во-первых, он ставит весьма амбициозные, практически невыполнимые задачи, в частности создать «технологии, специальные материалы, технологическое и контрольно-измерительное оборудование для производства фотошаблонов с проектными нормами 250 нм, 180 нм, 90 нм, 65 нм и 28 нм, а также решения для проектных норм 22–20 нм, 16–14 нм и менее для сверхбольших интегральных схем».

Кроме того, российская программа предусматривает не только внедрение новых технических процессов, но и создание импортозамещающих аналогов оборудования, необходимого для производства таких печатных плат.

Такие цели в современных условиях могут быть достигнуты только если для их реализации Минпромторгом будет выделяться очень серьезная по российским (но недостаточная по мировым) меркам сумма в размере примерно 160 млрд руб. в год (чуть более 2 млрд долл. США) (<https://budget.minpromtorg.gov.ru/citizens/post/view/gospodderzhkaraadioelektronnoy-promyshlennosti-uvlichitsya-v-11-raz>). В то время как лишь прямые инвестиции тайваньского гиганта TSMC во внедрение новых технологических процессов производства печатных плат составят около

6,7 млрд долл. США (<https://semiwiki.com/forum/index.php?>).

Задачи «Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года» по своей амбициозности сопоставимы с задачами первых сталинских пятилеток. Их выполнение возможно лишь при условии принятия комплексной межотраслевой программы перехода к интегральному способу хозяйствования.

Главные цели такой программы должны быть политическими, а не экономическими, в том числе — создание программных и аппаратных средств для предоставления всем гражданам полной и достоверной информации о деятельности органов государственной власти, государственных и негосударственных хозяйствующих субъектов. Что, в свою очередь, должно обеспечить непосредственный народный контроль над работой государственных органов, госслужащих, а также хозяйствующих субъектов.

Информационные технологии лежат в основе процветания современного государства, а в основе развития самих технологий должна быть четкая и реалистичная государственная стратегия.

Отметим, что попытки создания такой системы в нашей стране уже имели место. Так, в 1963–1965 гг. в СССР академиком В. М. Глушковым был создан проект общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС). Данный проект предполагал, в частности, создание единой государственной сети вычислительных центров (ЕГСВЦ), состоявшей примерно из 100 вычислительных центров, объединенных широкополосными каналами связи и распределенных по территории страны. Каждый из территориальных центров соединялся с ВЦ крупных предприятий, министерств и кустовых ВЦ по обслуживанию небольших предприятий [3].

Система ОГАС предполагала создание общесоюзной информационной сети (своего рода

¹ Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.01.2020 № 20-р.

аналога интернета), позволявшей государственным, научным и производственным учреждениям получать доступ к информации, необходимой для управления экономикой страны, в частности, для корректировки пятилетних планов.

Сегодня создание аналогичной системы, наполненной еще более широким кругом решаемых задач, является не только возможным, но и объективно востребованным. Данная задача осознается и поддерживается нынешними правящими кругами России, созданы специальные должности ответственных за цифровизацию, т.е. внедрение информационных технологий в различные сферы деятельности органов государственной власти.

Сторонники левых взглядов считают, что система, подобная ОГАС, не может быть создана в государстве с капиталистическим строем, а только при плановой экономике, видимо, в советском понимании данного термина. В качестве основного аргумента выдвигается конкуренция хозяйствующих субъектов и наличие коммерческой тайны [3].

В то же время в современной России ведется активный процесс создания ведомственных, межведомственных и федеральных баз данных, информационных систем, а также автоматизированных систем управления (АСУ). Среди них — Государственная информационная система о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП) ([https://roskazna.gov.ru/gis/gosudarstvennaya-informacionnaya-sistema-o-gosudarstvennykh-i-municipalnykh-platezhakh-\(gis-gmp\)](https://roskazna.gov.ru/gis/gosudarstvennaya-informacionnaya-sistema-o-gosudarstvennykh-i-municipalnykh-platezhakh-(gis-gmp))), Единая информационная система в сфере закупок (ЕИС) (<https://roskazna.gov.ru/gis/oos/>), ряд информационно-аналитических систем Федерального казначейства (ИАС ФК) (<https://roskazna.gov.ru/gis/informacionno-analiticheskie-sistemy-federalnogo-kaznachejstva/>), Система удаленного финансового документооборота (СУФД-online) (<https://roskazna.gov.ru/gis/sufd-onlajn/>).

Отдельно следует отметить государственную автоматизированную систему (ГАСУ) «Управление». Она, в отличие от названных выше, имеет особое значение, так как на нее возложена задача реализации функций федеральной информационной системы стратегического планирования².

Однако на сегодняшний день уровень цифровизации в сфере государственного управления и экономики далек от идеала. Так, федеральный и региональные порталы государственных услуг являются, по большому счету, справочными площадками с функцией заполнения форм заявлений в электронной форме, а для оказания государственных и муниципальных услуг по-прежнему требуют очного присутствия гражданина и предъявления документов в бумажной форме на той или иной стадии процесса. До сих пор не достигнута полная интеграция между ведомственными базами данных, базами данных частных компаний и органов государственной власти (Росстат, ФНС, МВД и пр.).

Весьма актуально применение АСУ и для укрепления прямой демократии. Данная мера была бы особенно эффективна на муниципальном уровне, где граждане могли бы решать проблемы, непосредственно связанные с их жизнью. В Москве уже существует некое подобие такой системы под названием «Активный гражданин». Однако функционал ее является весьма ограниченным, а решения не имеют нормативного (обязывающего) характера.

Цифровизация сферы государственных услуг, экономики, а также избирательного процесса связана с двумя проблемами: защитой системы от взлома и утечки персональных данных избирателей, а также необходимостью создания огромной, взаимосвязанной информационной инфраструктуры, причем, с использованием отечественного аппаратного и программного обеспечения.

Необходимы масштабированные государственные инвестиции в фундаментальную науку, в частности, в исследования в сфере высшей математики, кибернетики, физики, химии, материаловедения. Именно такой подход поможет создать собственное оборудование для производства электроники (а также, возможно, целого ряда ЭВМ, приспособленных для решения как общих, так и специальных задач), сэкономить большое количество бюджетных средств и послужит созданию рабочих мест для тысяч высококвалифицированных специалистов.

Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий предпринимательской деятельности (протокол № 1 от 05.04.2016).

² Концепция развития государственной автоматизированной информационной системы «Управление». Утверждена

Данный вариант является, по сути, единственно возможным, если брать в расчет то, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе геополитическое противостояние Китая и США будет только обостряться. При этом ожидаемый результат может быть достигнут при соблюдении ряда условий: выделения достаточных бюджетных ассигнований для фундаментальных исследований, а также для найма достаточного количества специалистов, способных осуществлять техническую поддержку выпускаемой продукции; введения жестких ограничений на закупку импортной вычислительной техники и ПО; введения обязательных квот на закупку отечественной продукции; снятия ограничений на свободное распространение технических решений, созданных по заказу органов государственной власти, а также на свободное распространение ПО, написанного еще в СССР, которое продолжает использоваться и сегодня.

Как уже отмечалось выше, Минпромторг планирует увеличение господдержки радиоэлектронной промышленности в 11 раз (<https://budget.minpromtorg.gov.ru/citizens/post/view/gospodderzhka-radioelektronnoy-promyshlennosti-velichit-sya-v-11-raz>). Тем не менее важно, чтобы учреждения — распорядители средств — имели достаточную свободу для финансового маневра, в частности могли предложить новые вакансии с конкурентными зарплатами. Это особенно важно на этапе массового внедрения отечественной продукции, так как дефицит квалифицированной технической поддержки напрямую сказывается на мотивации потребителя приобретать эту продукцию в дальнейшем.

В 2016 г. были предприняты меры в отношении ограничений на закупки импортной продукции: создан Реестр отечественного программного обеспечения (<https://reestr.minsvyaz.ru/reestr/>), принято постановление Правительства РФ о введении запрета на закупки импортного ПО для государственных и муниципальных нужд (<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71152170>). Нормативная база в данном направлении продолжает совершенствоваться и по сей день, закрывая «лазейки» для импортных продуктов, одной из которых, в частности, являлась идея локализации импортного ПО с последующим внесением его в Реестр ([https://www.tadviser.](https://www.tadviser.ru/index.php)

[ru/index.php](https://www.tadviser.ru/index.php)). Однако ситуация в данной сфере еще очень далека от идеала.

В 2019 г. был создан Единый реестр российской радиоэлектронной продукции (<https://gisp.gov.ru/documents/10546664>). Однако запрет на закупки импортной продукции в части «железа» был введен лишь в отношении систем хранения данных (СХД) (<https://www.tadviser.ru/index.php>). При этом предложения Минпромторга по ограничению и запрету закупок импортной техники, внесенные в мае 2020 г., остаются на стадии рассмотрения (<https://rg.ru/2020/05/19/minpromtorg-predlozhit-ogranichit-goszakupki-importnoj-elektroniki.html>). Что же касается гарантированного плана закупок, разработанного в 2016–2018 гг., то он был выполнен лишь частично в отношении производителей микропроцессоров «Эльбрус» и «Байкал» и перестал носить статус «гарантированного» к выполнению, как следствие — производители процессоров не могут организовать производство в соответствии с этим планом.

При этом импортозамещение в государственных органах и компаниях с государственным участием выполняется медленно и с большим трудом, продолжают закупки вычислительной техники на зарубежных процессорах. Так, ряд государственных органов и компаний с государственным участием продолжает саботировать курс на импортозамещение. Например, МВД в мае 2020 г. заключило контракт на поставку импортной техники вместо ЭВМ на базе отечественных микропроцессоров (https://www.cnews.ru/news/top/2020-05-15_mvd_na_milliard_zakupilo). Дочерняя компания ПАО «Газпром», «Газпром проектирование», отказалась от закупки импортного ПО Autodesk и техподдержки только после того, как данная новость получила широкое распространение в СМИ (<https://svo.spb.ru/1abzats/posle-publikacii-cnews-dochka-gazproma-otmenila-zakupku-zarubezhnogo-pona-200-mln/>).

Критически важной составляющей процесса импортозамещения является обеспечение эффективной координации работы предприятий радиоэлектронной отрасли. Это позволило бы расширить ассортимент предлагаемой продукции, улучшить качество технической поддержки, оптимизировать использование аппаратных ресурсов.

Определенная работа в данном направлении ведется. Так, в 2020 г. НИИ «Восход» был запущен на постоянной основе испытательный стенд для тестирования совместимости отечественного аппаратного и программного обеспечения. Однако оговаривается, что российские процессоры будут присутствовать только на персональных компьютерах, но не на серверах (<https://www.tadviser.ru/index.php/>).

При этом серверные решения разработаны как самой АО «МЦСТ», компанией — производителем «Эльбрусов» (<http://www.mcst.ru/e8c-swtx>), так и сторонними производителями — компаниями ПАО ИЭНУМ им. И. С. Брука, Норси-Транс, Промобит, Депо. Имеется возможность использовать микропроцессоры «Эльбрус» совместно с интерконнектом «Ангара», созданным НИЦЭВТ на базе интегральной схемы ЕС-8430 (<http://angara.nicevt.ru>).

Серверные решения уже реализуются в ряде крупных компаний, таких как ФГБУ НИИ «Восход», «Элтеза» (<https://www.ao-avtomatika.ru/media/news/produktsiya-kontserna-avtomatika-osnovannaya-na-protssorakh-elbrusvnedryaetsya-na-rzhd-/>). Но в то же время закупки данной продукции идут крайне низкими темпами. Несмотря на создание супервычислителей на отечественной элементной базе (разработка ИЭНУМ) и наличие потребностей в этом, на сегодня не известно об их крупных поставках для суперкомпьютерных применений. Тем не менее в ближайшее время должно начаться строительство Инновационного научно-технологического центра МГУ «Воробьевы горы» (<https://www.msu.ru/projects/msuid/o-proekte-nauchno-tekhnologicheskoy-doliny-mgu-vorobevy-gory.php>) с кластером «Инфотех», где могли бы разместиться такие машины.

Отдельно следует сказать и о координации между предприятиями радиоэлектронной промышленности и государственными и частным конструкторскими бюро в области станкостроения, а также — станкостроительными предприятиями. Очевидно, что идея спроектировать и построить в России литографическое оборудование для производства интегральных схем по современным техпроцессам является чрезмерно оптимистичной.

Наиболее реалистичным вариантом выглядит закупка литографических машин в КНР, которая на сегодняшний день смогла вплотную приблизиться к созданию машин собст-

венной конструкции, способных производить печатные платы по техпроцессу 28 нанометров (<https://www.globaltimes.cn/content/1190799.shtml>).

Отдельное внимание стоит уделить процессу изучения истории развития отечественных ЭВМ и популяризации этих знаний. К сожалению, до сих пор в нашей стране не экспонируется (за исключением, возможно, закрытых ведомственных музеев) ни одной машины типа «БЭСМ-6», «Эльбрус-1КБ» или даже самых массовых моделей ЕС ЭВМ с возможностью их демонстрации в работе. Не говоря уже об интереснейших по своей архитектуре ЭВМ военного назначения, вроде БЦВМ «Пламя», ЭВМ «К340А», стрельбового комплекса «Аргунь» и др.

Не собирается и не публикуется в общедоступных источниках информация о ПО, созданном для данных ЭВМ, не ведется работа по созданию эмуляторов с открытым исходным кодом. Такая работа могла бы привлечь внимание молодежи к отечественной радиоэлектронной отрасли, развенчать мифы об ее отсталости.

Подводя итоги, необходимо сделать основные выводы. Реформирование органов государственной власти, экономический рост, и, в конце концов, переход к интегральному укладу невозможен без достижения необходимого уровня развития информационных технологий, что выражается в создании интегрированных информационных систем, объединенных единой автоматизированной системой управления.

Такие системы должны быть построены исключительно на отечественной аппаратной и программной базе, иначе создается угроза суверенитету России.

В свою очередь, для выполнения целей «Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года» могут быть предприняты дополнительные меры.

Во-первых, можно ввести временный, либо постоянный запрет на закупку ЭВМ на зарубежной элементной базе для государственных органов, казенных и бюджетных учреждений, а также для коммерческих юридических лиц, где Российская Федерация является единственным, либо мажоритарным акционером.

Во-вторых, необходимо кардинально увеличить обязательные квоты для закупки таких устройств.

В-третьих, изменить порядок выделения государственных субсидий на НИОКР, связанные с созданием новых моделей электронной техники. Их размер не должен быть обусловлен заключенными договорами на поставку.

В-четвертых, рассмотреть вопрос о возможности размещения заказов по техпроцессу 28 нм и выше в КНР, с последующей их локализацией с использованием сначала китайского литографического оборудования, а затем и его отечественных аналогов.

В-пятых, выделить дополнительные средства на создание полноценной музейной

коллекции функционирующих ЭВМ военного и гражданского назначения СССР, стран СЭВ и России или их реконструированных копий, а также снять юридические ограничения на распространение ПО и технической документации, за исключением материалов, являющихся государственной тайной.

В-шестых, разрешить организациям — исполнителям работ по государственным контрактам использовать разработки, осуществленные в ходе таких работ в коммерческих целях, за исключением отнесенных к государственной тайне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Rennemo A. With China Sanctions, America Pushes the Limits of Its Financial Power. URL: <https://thediplomat.com/2020/06/with-china-sanctions-america-pushes-the-limits-of-its-financial-power/>.
2. Глазьев С. Ю. Какая идеология поднимет Россию. Персональный сайт С. Ю. Глазьева, 2018. URL: <https://glazev.ru/articles/136-chelovek-i-obshhestvo/56640-kakaja-ideologija-podnimet-rossiju>. Glazyev S. Yu. What ideology will lift Russia. Personal site of S. Yu. Glazyev, 2018. URL: <https://glazev.ru/articles/136-chelovek-i-obshhestvo/56640-kakaja-ideologija-podnimet-rossiju>. (In Russ.).
3. Абышев Н. ОГАС. Опередившая время. URL: <https://vestnikburi.com/ogas-operedivshaya-vremya/>. Abyshv N. OGAS. Ahead of its time. URL: <https://vestnikburi.com/ogas-operedivshaya-vremya/>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Петрович Ильин — сотрудник Управления материально-технического и организационного обеспечения, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
a.p.ilyin@rector.msu.ru

Юлия Игоревна Ильина — исследователь-преподаватель в области политологии, международных отношений и регионоведения, Финансовый университет, Москва, Россия
a_khr1@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alexander P. Ilin — an employee of the Office of Logistics and Organizational Support at Lomonosov Moscow State University
a.p.ilyin@rector.msu.ru

Yulia I. Ilina — researcher-instructor in political sciences and international relations, Financial University, Moscow, Russia
a_khr1@mail.ru

Статья поступила 05.10.2020; принята к публикации 30.10.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 05.10.2020; accepted for publication on 30.10.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-32-38
УДК 1.128(045)

Патриотизм и смысложизненные приоритеты российского общества в контексте смысла существования

А.А. Озеров

Военный университет Министерства обороны РФ; Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4356-5322>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению понятия «патриотизм» и смысложизненных приоритетов российского общества в контексте смысла существования. Используя социально-философский инструментарий, автор анализирует особенности состояния современного социума, личностное и социальное измерение поисков проблемы смысла существования. Особое внимание уделяется внутриличностным механизмам восприятия смысла жизни, специфике формирования патриотизма. Способствовать формированию у подрастающего поколения осмысленного мировоззрения может система смысложизненных приоритетов – так называемая смысложизненная матрица. С помощью достижений современной социологии она позволит более детально проработать образовательно-воспитательные процессы для разных возрастов и различных регионов – с учетом территориальных особенностей. Как представляется, именно в связи с разнородностью оценок и суждений цифровизированная версия смысложизненной матрицы способна стать унифицирующим фактором. На основе данных, полученных с разных территорий, могут быть разработаны как общие, так и отдельные критерии формирования целостной матрицы, способной наглядно представлять смысложизненные характеристики и предлагать те или иные рекомендации образовательно-воспитательного характера. Помимо этого, на данный момент важным условием успешного развития патриотически настроенной личности является анализ содержания патриотизма. Он должен соответствовать реалиям и тенденциям современной эпохи.

Ключевые слова: социология; социум; смысл жизни; личность; философия; патриотизм

Для цитирования: Озеров А.А. Патриотизм и смысложизненные приоритеты российского общества в контексте смысла существования. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):32-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-32-38

ORIGINAL PAPER

Patriotism and Life-meaning Priorities of Russian Society in the Context of the Meaning of Existence

A.A. Ozerov

Military University; Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4356-5322>

ABSTRACT

The article considers patriotism and life-meaning priorities of Russian society in the context of the meaning of existence. Using the socio-philosophical tools, the author examines the peculiarities of the state of modern society, the personal and social dimension of the search for the problem of the meaning of existence. The author paid particular attention to the intrapersonal mechanisms of perception of the meaning of life, the specificity of the formation of patriotism. The system of life-meaning priorities – the so-called life-meaning matrix-can contribute to the formation of a meaningful worldview in the younger generation. With the help of the achievements of modern sociology, it will allow for a more detailed study of educational processes for different ages and different regions, considering territorial features. It seems that precisely because of the heterogeneity of assessments and judgments, the digitized version of the life-meaning matrix can become a unifying factor. Based on data obtained from different territories, both General and separate criteria for forming an integral matrix can be developed that can clearly represent life-meaning characteristics and offer certain recommendations of an educational nature. Besides, the analysis of the content of patriotism is an essential condition for the successful development of a patriotic personality. It should correspond to the realities and trends of the modern era.

Keywords: sociology; society; the meaning of life; personality; philosophy; patriotism

For citation: Ozerov A.A. Patriotism and life-meaning priorities of Russian society in the context of the meaning of existence. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):32-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-32-38

Задача поиска смысла жизни непосредственно затрагивает личность и социум, соприкасаясь со многими проблемами современности, включая недостаточный уровень патриотизма, рост правонарушений среди различных слоев населения и т.п. Данный вопрос в настоящее время приобретает особую важность, поскольку многие процессы социума могут быть измерены на основе уже принятых поправок в Конституцию Российской Федерации, где упоминается важность семейных и традиционных ценностей [1]. Как представляется, такие меры, непосредственно связанные со смысло-жизненной проблематикой, будут способствовать оздоровлению народного самосознания, искоренению негативных явлений социума, улучшению особенностей восприятия данного вопроса на уровне индивида, что в дальнейшем можно будет подтвердить, основываясь на социологических исследованиях.

Смысл жизни человека может заключаться в следующем:

Во-первых, устремленность человека к смыслу сама по себе является ценностью для выживания. Если индивид уже имеет понимание о смысле, он, как правило, не задается дальнейшими вопросами поиска смысла как такового. При этом смысл помогает найти ответ на вопрос «для чего жить?» в сложных обстоятельствах и в таком случае остается нерушимым фактором жизнедеятельности, на который не влияют внешние условия.

Во-вторых, смысл не дается извне, его необходимо найти самому. Внешняя среда и рекомендации различных социальных институтов могут только подтолкнуть человека к принятию определенных решений, но не могут сделать это за него. Основная роль по выработке смысла принадлежит самой личности, проводимым ею логическим операциям, среди которых имеет место так называемый дедуктивный вывод. Смысл в данном отношении может быть представлен в качестве целостного образа, который всецело и за короткое время воспринимается познающей личностью. Немалое значение здесь имеет и интуиция индивида.

Одновременно с созданием предпосылок для формирования продуктивных смысло-жизненных приоритетов на территории России, необходимо большое внимание уделять разрешению социально-экономической проблематики, укреплению социальной справедливости, формированию креативного общества, развитию науки в це-

лом. «Модернизация России невозможна без сильной науки», — пишет Т.В. Наумова [2]. Здесь можно добавить, что развивать следует именно социально-философскую область современного научного знания.

На следующем этапе, когда будет сформирована эффективная система социальной поддержки населения, и, соответственно, повышена его сознательность и финансовая грамотность, можно приступить к развитию образовательных и воспитательных методик, в значительной степени основанных на цифровых технологиях и данных социологической науки.

В процессе создания образовательных и воспитательных средств формирования развитой и социально ответственной личности в условиях гражданского общества¹, основываясь на данных социологических исследований, важно также учитывать исторические особенности государства. По всей видимости, России необходима идея (не идеология), способная сплотить людей, основанная на историческом становлении страны. В существенной степени в этом могут способствовать историко-социальные знания. К тому же немаловажным фактором в данном отношении является то, что Россия находится на стыке Европы и Азии, ее население крайне разнообразно и имеет различные подходы к смысло-жизненным вопросам.

Патриотизм может способствовать сплочению народа и стать одним из ключевых компонентов смысло-жизненной матрицы. Как отмечает Г.Д. Ковригина, «без связки сверху и снизу — нет целенаправленного движения в сторону патриотизма жителей одного федерального округа, так же как и жителей всей России. Духовная основа связи поколений выступает, по нашему мнению, именно в патриотизме» [3]. Действительно, компонент, сплывающий поколения, способствовал бы улучшению социальной обстановки в государстве, таким образом создавались бы предпосылки для уважительного отношения к пожилым людям, и, в равной степени — к подрастающему поколению, которое, в свою очередь, было бы в большей степени мотивировано на положительную и плодотворную деятельность. О роли мотивации молодежи пишут многие исследователи. К примеру, С.Е. Приходько отмечает: «Важно, чтобы молодое поколение имело устойчивую

¹ Бачинин В.А., Сандуров Ю.А. История западной социологии. Учебник. СПб.: Лань; 2002.

ценностную основу личности, отражающую реалии современной жизни и базирующуюся на позитивной мотивации» [4].

Кроме того, на данный момент важным условием успешного развития патриотически настроенной личности является анализ содержания патриотизма как такового. Он должен соответствовать реалиям и тенденциям современной эпохи. Это также отмечается в некоторых исследованиях. В частности, А. В. Понеделков пишет о том, что «появление качественно нового типа мировой культуры ставит перед Российским государством задачу переформулирования содержательного понятия патриотизма, его идейного наполнения» [5].

Некоторые исследователи утверждают, что в процессе воспитания патриотизма у подрастающего поколения важно уделять внимание семейным ценностям, поскольку именно семья играет значительную роль как фактор, «скрепляющий» разные поколения. Об этом свидетельствуют данные социологических исследований. Утверждается также, что семья является одним из наиболее важных факторов создания нравственных ориентиров, необходимых для первичной социализации. Как указывает А. С. Чебурков, «семья должна выполнять свои воспитательные функции; родителям необходимо принимать активное участие в патриотическом воспитании своих детей... Помимо этого образовательные учреждения должны воспитывать в молодых людях такие качества, как гражданское отношение к обществу, бережное отношение к природе, правовое сознание, гуманное отношение к окружающим, чувство патриотизма» [6]. С. В. Пашков отмечает, что «воспитание патриотов может быть успешным лишь тогда, когда история народа становится историей рода, историей конкретной семьи. Тогда происходит единение таких важных идей — «мое» и «наше». В этом обобществлении кроется секрет появления общинно-коллективистского духа русского народа, его готовности к самопожертвованию во имя Отечества» [7].

Идентичность, по мнению В. Л. Артёмова, «категории врожденная, безвременная, внутренне присуща вековому характеру народа (М. М. Мчедлов). Национальная идентичность определяется рядом устойчивых и всеобъемлющих параметров: общий язык, общая культура, отложившееся в национальной памяти единство исторической судьбы» [8].

Существенную роль в развитии патриотизма как такового играют смысложизненные при-

оритеты, а также идеологическая система или смысложизненная матрица. Остановимся на них более подробно.

В процессе исторического развития предполагалось, что, чем проще идея, которая представлена в качестве символа или лозунга определенной идеологической системы, тем в большей степени имеется вероятность увеличения количества ее сторонников. Однако в ходе упрощения идеи подлинная информация становится основополагающей, и взгляды людей в связи с этим могут претерпевать изменения, разрушая существовавшие ранее традиции и обычаи. Идеологическая система может идти вразрез с существующими в обществе взглядами, в связи с чем необходима ее корректировка.

Можно рассматривать гибкие и жесткие системы, влияющие на формирование смысложизненной матрицы, опосредующие то, каким образом человек ищет смысл существования. К гибким может быть отнесена система ценностей, основанная на распространении идей, связанных с процессом глобализации. К жестким системам относятся обычаи и традиции, основанные на религиозных взглядах, языческой мифологии и т. п.

Роль смысложизненной матрицы заключается в анализе существующей карты гибких и жестких систем, присутствующих на той или иной территории и формирующих смысложизненные предпочтения в целом. Анализируя разнородные статистические данные, можно предложить рекомендации, направленные на оздоровление социальной группы, этноса, общности, населения определенной территории или всего социума.

Некоторые исследователи предлагают рассматривать три уровня смысложизненных ценностей.

Первый уровень включает в себя ценности трансцендентного, согласно которым жизнь может быть осмыслена с учетом факта ее конечности. На этом уровне может быть также найден смысл смерти. Ценности трансцендентного в некотором роде способствуют сплочению социума, создают систему идей, влияющую на эмоциональные особенности индивидов.

Второй уровень, тесным образом связанный с первым, содержит в себе социально-культурные ценности, к которым относятся государство, политические идеалы, а также историческая специфика. Сюда можно отнести диалектику частного и общего, стремление находить смысл в работе и жизни на благо обществу.

Третий уровень включает ценности личности, ее повседневного бытия. Ценности подобного рода уникальны и неповторимы для каждого исторического периода, тем не менее, в значительной мере к ним могут быть отнесены некие универсальные для каждой эпохи основания: крепкое здоровье и долголетие, стоицизм, полезная жизнедеятельность, доброта и т.п.

В системе смысложизненных приоритетов российского социума можно обнаружить наиболее важные духовно-нравственные ценности: красоту, истину, веру, доброту, ответственность, любовь. Поступки индивида могут совершаться в соответствии с данными ценностями или же быть эгоистичными и им не соответствовать. В таком случае можно вести речь о недостаточном качестве образования и (или) воспитания данной личности.

Низкий уровень развития ценностей некоторых индивидов непосредственно связан с дефектами совестливости и ответственности. Если человек длительное время был безответственным, можно говорить о недостатке или полном отсутствии ценностей. Как правило, у таких людей в процессе взросления был недостаток эффективной личностной социализации. Большое значение здесь также имеет недостаточное либо дефектное воспитание.

Нигилистически настроенный индивид, как правило, полностью отрицает не только требования совести, но также нормы морали, приличия, ответственности, доброты и т.д. Правильное воспитание способно исправить проблемы такой крайне деформированной личности, но далеко не всегда. В значительной степени это будет зависеть от работы специализированных социальных институтов, деятельность которых направлена на коррекцию личностных отклонений.

У индивидов с нигилистическими наклонностями может присутствовать искаженное восприятие смысла жизни и его поисков. Такие люди, как правило, никогда не задаются вопросами истины, смысла жизни, добра и зла. Для них важна сиюминутная выгода, а их упрощенное мировосприятие может негативно влиять на государство и общество. В связи с этим может быть предложено осуществление мер по выявлению лиц с деформациями личности (нигилистические наклонности), а в дальнейшем — планирование деятельности по их коррекции с использованием специально разработанных образовательных методик.

Существует несколько моментов, которые в своей совокупности определяют бессмысленность жизни нигилистически настроенного индивида.

Прежде всего, это отсутствие продуктивной деятельности, которая порождает состояние, когда человек не желает испытывать положительные эмоции. В связи с этим, в процессе создания воспитательных и образовательных методик необходимо уделять внимание повышению занятости населения.

Состояние бездеятельности может приводить к различным психологическим отклонениям, таким, как депрессия, раздражительность и т.п. В существенной мере это связано с отсутствием целей. Личность в таком случае либо ориентируется на задачи, продиктованные ей извне, либо просто оказывается неспособной планировать собственную жизнь.

Ощущение отстраненности, нигилизм, низкий уровень самооценки также являются факторами, снижающими способность человека искать смысл существования.

Если рассматривать противоположное состояние личности, характеризующее ее высокой степенью вовлеченности в деятельность социума, можно отметить следующее.

Во-первых, это спонтанный интерес к людям и стремление к активной деятельности. При осмысленной жизни человек любознателен, а его жизненная позиция, как правило, имеет оптимистический оттенок. Интерес и смысл способствуют поддержанию высокой морально-нравственной позиции личности.

Во-вторых, это положительные эмоции. Если их много в жизни индивида, можно говорить о наличии мировоззрения, которое способствует прогрессу социума в целом и развитию личности, в частности.

В-третьих, это целеустремленность. Имеется в виду взаимосвязь жизненных целей и поиск смысла существования. Смысл проявляется во внешних и внутренних целях личности. В качестве примера можно привести человека определенной профессии, для которого трудовая деятельность и является смыслом жизни. Очень часто для матери это забота о ребенке, его качественное воспитание и развитие.

В-четвертых, это осознание собственной ценности и призвания в ходе взаимодействия с другими людьми. К примеру, продуктивная деятельность, взаимовыручка, высокие профес-

сиональные навыки способны повышать самооценку, придавая жизни осмысленность. При этом человек «кристаллизует» в собственном сознании приемлемые для него ценности и отвергает неприемлемые нормы и правила, тем самым постепенно создавая свое мировоззрение.

Высокая самооценка личности также связана с состоянием здоровья человека, хорошей физической подготовкой. Здесь можно согласиться с И.Г. Андреевой, которая утверждает, что «Сохранение и укрепление здоровья, увеличение продолжительности активной жизни во многом зависят от формирования у подрастающего поколения мотивации к ведению здорового образа жизни» [9].

На наш взгляд, меры по улучшению физической подготовленности должны приниматься не только в отношении подрастающего поколения, но и взрослых. Хорошее достижение в этом плане — нормы ГТО, которые может сдать каждый желающий. Процесс участия молодежи и подрастающего поколения в интеллектуальных и подвижных играх также является фактором, повышающим самооценку. Как отмечает И.А. Байкин, «без игры немислимо становление подлинной личности» [10].

В-пятых, это возможность принятия действительности такой, какая она есть, умение находить во всем полезное, что может стать источником оптимизма.

Предпринимая попытки решения смысловых проблематики в рамках философской науки, можно рассмотреть такие подходы, как теоцентризм, космоцентризм, социцентризм и антропоцентризм. Охарактеризуем их более подробно.

В рамках **теоцентризма** проблема смысла жизни определяется путем признания того, что жизнь индивида подчинена божественным закономерностям. Это прослеживается в рамках таких ранних религиозных систем, как буддизм, конфуцианство, иудаизм. На начальных этапах своего развития религия была тесным образом связана с мифологией, обычаями и традициями племен, поэтому нередко божественное провидение в значительной степени определяло быт людей, при этом далеко не всегда способствовало поиску смысла существования. То же самое можно сказать и о жителях Римской Империи, где нормы языческой мифологии были установлены законодательно.

Тем не менее, уже во времена Древнего Рима и Древней Греции можно заметить повышенный

интерес к смыслу существования среди выдающихся философов того времени.

Значительный вклад в научное рассмотрение проблемы смысла жизни внесли русские социологи и философы, для которых он нередко был представлен в качестве постоянного устремления к абсолютному, божественному началу. Среди философов, наиболее полно раскрывших данную проблему, В. Соловьев и Н. Бердяев. Интересна позиция первого, согласно которой теургический процесс (на индивидуально-родовом уровне) движется к божественному, как к собственному идеалу и прообразу. В. Соловьев считал, что поиски смысла существования с отрицанием божественного начала лишены какой-либо ценности. Н. Бердяев был уверен, что смысл жизни — в творчестве, сопряженном с религиозными поисками.

В рамках **космоцентризма** представлены идеи таких философов, как Н. Федоров и Н. Вернадский. Их идеи всецело описывали процессы вселенной и наибольшую ценность получили в отечественной философской мысли. По Н. Федорову, «философия общего дела» — это возможность воскресения каждого человека, его возрождения как бесконечно ценного и неповторимого существа. Обществу необходимо пригласить людей к духовному и физическому воскресению, к жизни в разных средах, в Космосе, на других планетах.

Н. Вернадский был убежден в том, что разум — сила космического и планетарного масштаба, а смысл существования состоит в преобразовании Космоса и Земли. Подобных идей придерживался и К. Циолковский.

Согласно **социоцентризму**, смысл существования личности заключается в ее служении обществу (это также могут быть класс, партия, сословие и т.п.).

В системе **антропоцентризма** смысл жизни раскрывается в пределах личности человека, внутри сознания индивида. К примеру, психоанализ рассматривает возможность самореализации человека (Адлер, Хорни). К. Юнг создал теорию поведения подростков, которые трудно поддаются воспитанию, — «самореализация и невротизм». Он использовал понятие «самость» в качестве архетипа наиболее выраженного процесса самореализации. Экзистенциализм, представленный, главным образом, трудами Сартра, смысл жизни рассматривал в качестве реализации собственного проекта. Этот исследователь был убежден, что личность в процессе своей жизнедеятельности

стремится к достижению собственной сущности, результату трудов всей своей жизни.

Наиболее полномасштабно идея смысла жизни представлена в **логотерапии**, когда смысл способен скорректировать личностные проблемы. Эта идея была предложена В. Франклом, который на первое место ставил именно стремление найти смысл существования.

Данное стремление выступает в качестве первостепенной мотивирующей силы личностного роста в процессе социализации и как самостоятельное явление.

В эпоху повсеместной цифровизации и развития Интернета для человека важна постановка целей и их достижение. Деятельность сама по себе способна в какой-то степени разрешить смысловую проблематику, ослабив экзистенциальное напряжение личности в ее устремлениях к лучшей жизни. Об этом же свидетельствует и современная психология, в качестве терапевтического средства предлагая трудотерапию в различных ее проявлениях. Современные образовательные и воспитательные методики, вне всякого сомнения, могут взять на вооружение основные положения логотерапии, концепций Сартра, антропо- и социоцентризма.

Продуктивную деятельность в качестве смысла жизни рассматривают и стоики. Они считают также, что человек должен мужественно встречать и переносить трудности и стремиться к собственным целям.

Одними из разновидностей социальных отклонений является эскапизм и дауншифтинг. Как представляется, причиной таких явлений может быть экзистенциальный вакуум индивида, не-

достаточный уровень воспитания и образования личности. Подобные явления в социальной среде в свое время рассматривали К. Маркс и В. Франкл. Последний отмечал, что такой подход к жизни, в существенной мере противоположный стоицизму, может стать причиной неврозов, депрессий и других отклонений. Стоицизм же, наоборот, призывает мужественно воспринимать жизнь, относиться к ней рационально и вдумчиво. Взамен В. Франкл предлагал уникальный подход к поиску смысла существования, в основе которого — философия ответственности человека. Если личность имеет представление, ради чего и кого стоит добиваться целей, это придает ей внутреннюю силу и решимость, порождая оптимизм вопреки жизненным сложностям. Оптимизм подобного рода может нести в себе оттенки трагичности, но это лишь вследствие необходимости признания факта наличия зла в мире и его негативных проявлений в природе.

Франкл отмечал, что ради поиска смысла человеку иногда необходимо бороться, используя для поддержки свою систему ценностей, придающих жизни осмысленность и гармоничность. Большое значение здесь также играет совесть человека, которая поддерживает его на пути к высшему смыслу и вознаграждает за добродетельность, ответственность и стремление к истине.

Сегодня, в условиях преобразования Конституции Российской Федерации, принятия мер, направленных на патриотическое воспитание граждан России, создание полноценной личности, способной формировать суждения и оценки, связанные с пониманием общественных процессов и явлений, осмыслением происходящего, востребовано как никогда ранее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Замахина Т. Ключевые предложения. Президент предложил новые поправки в Конституцию. *Российская газета. Столичный выпуск*. 02.03.2020. № 45(8099).
2. Наумова Т.В. Готова ли наука к модернизации России? *Социально-гуманитарные знания*. 2014;(5):38–53.
3. Ковригина Г.Д. Социально-философские основы патриотизма. *Этносоциум и международная культура*. 2019;1(127):16–22.
4. Приходько С.Е. Патриотизм и молодежь в современном мире. *Студенческая наука XXI века*. 2016;1–1(8):116–117.
5. Понедельков А.В. Патриотизм как основа современной национальной безопасности. *Вестник Поволжского института управления*. 2015;5(50):6–10.
6. Чебурков А.С. Социокультурные проблемы патриотизма. Формирование патриотизма у современной молодежи. Актуальные проблемы социальной коммуникации: матер. I Междунар. науч.-практ. конф., Нижний Новгород, 20 мая 2010 г. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева; 2010.
7. Пашков С.В. Патриотизм как национальная духовная идея: нравственное содержание патриотизма в трактовке В.С. Соловьева. Психология и педагогика социального воспитания: матер. III Всерос. науч.-

практ. конф., Кострома, 03–05 марта 2020 г. А.Г. Кирпичник, А.Г. Самохвалова, ред. Кострома: Костромской госуд. ун-т; 2020.

8. Артёмов В.Л. Патриотизм и национальная идентичность. О воспитании патриотизма. Высшее образование для XXI века: матер. XIV междунар. науч. конф., Москва, 14–17 декабря 2017 г. М.: Московский гуманитарный ун-т; 2017.
9. Андреева И.Г. Содержание образования в свете государственной политики сохранения здоровья нации. *Педагогика*. 2012;(10):31–39.
10. Байкин И.А. Социологические аспекты самореализации студенческой молодежи. *Социально-гуманитарные знания*. 2014;(6):108–115.

REFERENCES

1. Zamakhina T. Key proposals. The President proposed new amendments to the Constitution. *Rossiyskaya gazeta. Stolichnyu vypusk*. 2020;45(8099). (In Russ.).
2. Naumova T.V. Is science Ready to modernize Russia? *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*. 2014;(5):38–53. (In Russ.).
3. Kovrigina G.D. Socio-philosophical foundations of patriotism. *Etnosotsium i mezhdunarodnaya kul'tura*. 2019;1(127):16–22. (In Russ.).
4. Prikhodko S.E. Patriotism and youth in the modern world. *Studencheskaya nauka XXI veka*. 2016;1–1(8):116–117. (In Russ.).
5. Ponedelkov A.V. Patriotism as the basis of modern national security. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*. 2015;5(50):6–10. (In Russ.).
6. Cheburkov A.S. Sociocultural problems of patriotism. Formation of patriotism among modern youth. In: *Actual problems of social communication: mater. I International scientific and practical conference, Nizhny Novgorod, 20 May 2010*. Nizhny Novgorod: Publishing house of Nizhny Novgorod State Technical University; 2010. (In Russ.).
7. Pashkov S.V. Patriotism as a national spiritual idea: the moral content of patriotism in the interpretation of V.S. Solovyov. In: *Psychology and pedagogy of social education: Materials of III Conference, Kostroma, 03–05 March 2020*. A.G. Kirpichnik, A.G. Samokhvalova, eds. Kostroma: Kostroma State University; 2020. (In Russ.).
8. Artemov V.L. Patriotism and national identity. About the education of patriotism. In: *Higher education for the 21st century: Materials of XIV International Scientific Conference, Moscow, 14–17 December 2017*. Moscow: Moscow Humanitarian University; 2017. (In Russ.).
9. Andreeva I.G. The content of education in the light of the state policy of preserving the health of the nation. *Pedagogika*. 2012;10:31–39. (In Russ.).
10. Baykin I.A. Sociological aspects of self-realization of student youth. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*. 2014;(6):108–115. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Алексеевич Озеров — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Военного университета; доцент Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
aozerov.campus@muh.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Ozerov — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Religion of the Military University; Associate Professor, Department of Sociology, History, and Philosophy, Financial University
aozerov.campus@muh.ru

Статья поступила 05.10.2020; принята к публикации 30.10.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 05.10.2020; accepted for publication on 30.10.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-39-48
УДК 329(045)

Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала*

Е. В. Бродовская^а, Р. В. Пырма^б, А. Ю. Домбровская^с

^{а, с} Финансовый университет, Москва, Россия; Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия;

^б Финансовый университет, Москва, Россия

^а <http://orcid.org/0000-0001-5549-8107>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>;

^с <http://orcid.org/0000-0002-2015-2349>

АННОТАЦИЯ

В условиях внешнего информационного давления и активизации внутренних внесистемных сил формируются условия для реализации эффекта «стоячей волны», при котором рост протестного потенциала достигает своего максимума и актуализируется под влиянием событий-триггеров. Среди таких событий особое место принадлежит электоральному циклу и транзиту власти. Коммуникационные и общественно-политические эффекты влияния цифровизации на процессы политической социализации и гражданского становления российской молодежи в настоящее время приобрели ярко выраженный характер. Во-первых, наблюдается более широкая, по сравнению с поколением родителей, вовлеченность молодых людей в гражданские и политические практики.

Во-вторых, фиксируется перенос молодыми россиянами гражданского и политического активизма в цифровое пространство. В-третьих, регистрируется высокая скорость переключения гражданской активности представителей молодого поколения в политические форматы, онлайн-стратегий – в реальные практики, конвенциональных форм активизма – в неконвенциональные формы [1]. Исходя из этого авторы статьи провели выявление закономерностей актуализации деструктивного потенциала гражданской активности молодежи в современной России с учетом онлайн-фактора.

Ключевые слова: гражданский активизм; молодежь; установка; структура ролей; факторы; события-триггеры; протестный потенциал; деструктивный потенциал; сценарий

Для цитирования: Бродовская Е. В., Пырма Р. В., Домбровская А. Ю. Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):39-48. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-39-48

ORIGINAL PAPER

Civil Activism of Youth in Russia: The Structure of Roles, the Formation of Attitudes Factors, Triggers of Protest Potential Growth**

E. V. Brodovskaya^а, R. V. Pyрма^б, A. Yu. Dombrovskaya^с

^{а, с} Financial University, Moscow, Russia; Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia;

^б Financial University, Moscow, Russia

^а <http://orcid.org/0000-0001-5549-8107>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>;

^с <http://orcid.org/0000-0002-2015-2349>

ABSTRACT

In conditions of external information pressure and activation of internal extra-systemic forces, conditions are formed for the implementation of the “standing wave” effect, in which the growth of the protest potential reaches its maximum and is actualized under the influence of trigger events. Among such events, a special place

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article is based on the results of the research carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

© Бродовская Е. В., Пырма Р. В., Домбровская А. Ю., 2020

belongs to the electoral cycle and the transit of power. The communication and socio-political effects of the impact of digitalization on the processes of political socialization and civil formation of Russian youth have now become pronounced. First, there is a broader, in comparison with the generation of parents, the involvement of young people in civic and political practices. Second, the transfer of civic and political activism to the digital space by young Russians is recorded. Third, a high rate of switching of civic activism of representatives of the younger generation into political formats, online strategies – into real practices, conventional forms of activism – into unconventional forms is registered [1]. Based on this, the authors of the article identified patterns of actualization of the destructive potential of youth civic engagement in modern Russia, taking into account the online factor.

Keywords: civic activism; youth; attitude; role structure; factors; trigger events; protest potential; destructive potential; scenario

For citation: Brodovskaya E.V., Pyrma R.V., Dombrovskaya A. Yu. Civil activism of youth in Russia: The structure of roles, the formation of attitudes factors, triggers of protest potential growth. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):39-48. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-39-48

СТЕПЕНЬ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Исследования гражданского и политического активизма «выросли» из исследований социальных движений, где изучались широкие политические действия, приводящие к общественным трансформациям. В 1960-е гг. Л. Милбрэт, рассматривая человека как единицу анализа, объяснил политическое участие гражданина с точки зрения деятельности с возрастающим уровнем усилий и приверженности. При этом он отмечал, что те граждане, которые находятся на более высоких уровнях, все еще участвуют в мероприятиях более низкого уровня, и что политическая активность является кумулятивной. Иерархия Л. Милбрэта распределила 13 политических действий на три повышающихся уровня участия и снижающихся уровней участников: *зрительские действия* (самый низкий уровень усилий и приверженности и с наибольшим количеством участников), *переходные действия* (средний уровень) и *гладиаторские действия* (самый высокий уровень усилий и приверженности и с наименьшим количеством участников) [2, 3]. Иерархия политической активности Л. Милбрэта наглядно показана на рисунке (рис. 1).

Примеры поведения зрителей низкого уровня включают ношение политических атрибутов (вышивок, шевронов, значков и др.), размещение знаков кампании во дворе и т. д. Переходная деятельность требует больше усилий, ее примерами являются участие в политическом митинге или демонстрации, оказание финансовой поддержки. Гладиаторская деятельность требует значительных усилий, таких как участие в организации политической партии, при-

ход к власти в процессе политической борьбы. Таким образом, Л. Милбрэт обозначает путь возрастающего участия в политической жизни. В традиционном активизме деятельность зрителя требует наименьших усилий в принятии решений и избираемых действиях, небольшого количества времени и средств. Переходные действия ложатся большим бременем на участников, требуя больше интеллектуальных и физических усилий на пользу общего дела. Гладиаторские действия требуют наибольших личных усилий и привлечения ресурсов, погружения в политическую деятельность.

Исследователи отмечают, что с появлением цифровых технологий ландшафт социальных движений изменился [4]. Новые инструменты цифровых коммуникаций создают преимущества, проблемы и эффекты, которые стимулируют новые модели поведения и формы активности.

Д. Джордж и Д. Лейднер считают, что, по сравнению с традиционным активизмом, современный мир цифрового активизма является более широким, действенным и непосредственным. Они конструируют иерархию цифрового активизма, исходя из принципа приложения усилий и обладания ресурсами. В качестве основы для цифрового активизма ими используется расширенная иерархия политического участия Л. Милбрэта, которая подразделяет активность на зрительскую, переходную и гладиаторскую деятельность (рис. 2).

Исследователи выделяют как сходства, так и различия между иерархией Л. Милбрэта и иерархией цифрового активизма. Во-первых, обе структуры иллюстрируют большое количество пассивных действий на зритель-

Рис. 1 / Fig. 1. Модель иерархии политического участия Л. Милбрата / Model of the hierarchy of political participation by L. Milbrath

Источник / Source: составлено по [3] / compiled by [3].

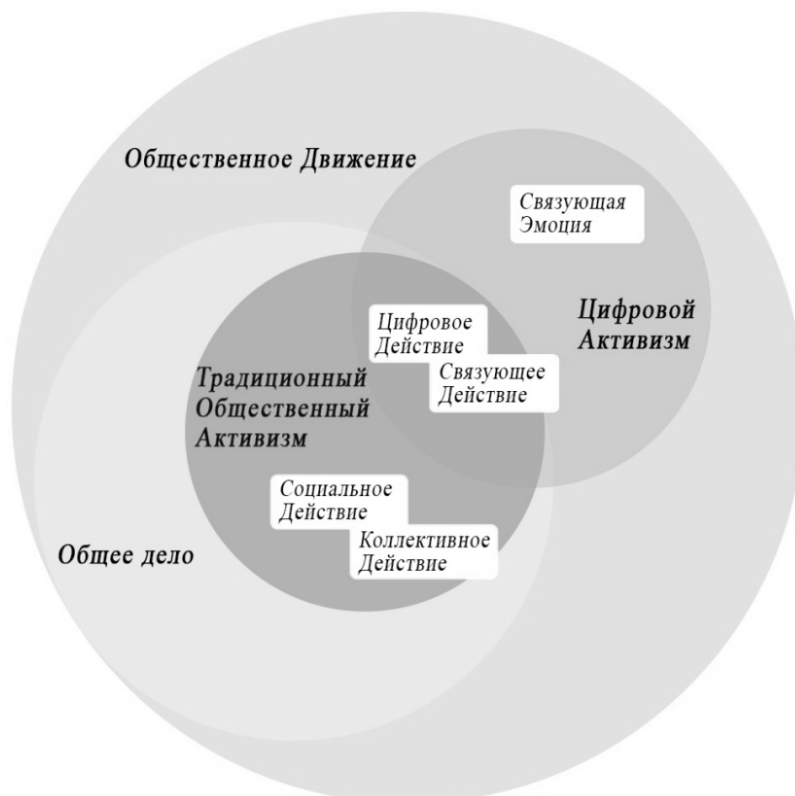

Рис. 2 / Fig. 2. Взаимодействие традиционного и цифрового активизма / Interaction of traditional and digital activism

Источник / Source: George J.J., Leidner D.E. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism [5].

ском уровне. Во-вторых, иерархии отражают то, что субъекты на более высоких уровнях участия все еще действуют на более низких уровнях. Однако есть два основных различия. В отличие от концепции Л. Милбрата, иерархия цифрового активизма включает в себя как отдельных лиц, так и организации. Отдельные действия составляют организационные практики, и организации со временем меняются из-за постепенных изменений в индивидуальном поведении [6, 7]. Другим отличием между двумя иерархиями является традиционная точка зрения Л. Милбрата на политическую активность, которая фокусируется на усилиях по мере продвижения вверх в структуре, в то время как цифровой активизм зависит от цифровых коммуникаций.

Воздействия между двумя структурами также различны. Иерархия Л. Милбрата сопоставляет результативность действий с уровнями. Зрительские действия оказывают незначительное влияние, в то время как гладиаторские — наибольшее. В цифровой активности основные воздействия могут быть обнаружены на каждом уровне. Например, хакер, раскрыв конфиденциальную информацию с небольшими усилиями, способен создать значимый повод для гражданского возмущения, а распространение ретвитов о времени и месте демонстрации может мобилизовать миллионы участников протеста. Иерархия Л. Милбрата увеличивается с усилием, в то время как уровни иерархии цифрового активизма варьируются в зависимости от доступных цифровых ресурсов. Цифровые ресурсы включают доступность цифровых коммуникаций: мобильная связь, интернет, социальные сети, мессенджеры и технические навыки [8].

Иерархия цифрового активизма [9] состоит из трех групп, включающих десять видов активностей (рис. 3).

Цифровые зрительские действия осуществляют «зрители». Они формируют наибольший объем действий в цифровой активности, что привлекает большинство людей. К уровню зрителей относится большинство пользователей социальных сетей. Согласно исследованиям, в качестве зрителей в какой-то момент почти две трети пользователей социальных сетей участвовали в политике [10]. Цифровая зрительская деятельность включает кликтивизм, мета-голосование и утверждение.

Кликтивизм означает приятие информации, одобрение распространяемого контента на сайтах Интернета, в социальных сетях и мессенджерах. Для этого требуется мало усилий, достаточно доступа к цифровым коммуникациям. Кликтивизм считается одной из самых низких форм вовлечения, потому что он обязательный и безличный [11]. Однако на организационном и символическом уровне восприятия множество кликов и лайков могут придать действующему актору больше легитимности, валидности и авторитета [12].

Мета-голосование — это обмен, ретвит, репост и комментирование поста в социальной сети, созданного другим пользователем, своего рода «эхо-камера» Интернета [11]. Оно усиливает идеи, ценности и информацию через реакцию других. В отличие от кликтивизма, при мета-голосовании (как форме реакции на других) лайки и ретвиты могут привести к различным результатам и демонстрируют немного более высокую степень усилий и приверженности [13].

Цифровые переходные действия занимают промежуточное положение между действиями зрителей и гладиаторов. Они требуют больше ресурсов, чем действия зрителей, и, как правило, оказывают более сильное влияние, но не дотягивают до «гладиаторских боев». Примером переходной деятельности являются политический консьюмеризм (покупка товаров по политическим мотивам), цифровые петиции (направление онлайн-обращений граждан к органам власти), боттивизм (создание виртуальных активистов для работы в социальных сетях) и электронное финансирование (внесение или сбор средств на кампанию).

Цифровые «гладиаторские» действия воплощают прямой акт влияния. Участники не стремятся воздействовать на изменения, они «делают» изменения. Одни из них являются частью организованных групп, другие — членами открытого сообщества. Традиционные гладиаторские действия имеют тенденцию сосредотачиваться на политических партиях и кандидате.

Хактивизм направлен на правительства, организации и отдельных лиц для достижения социальных или политических целей. Хакерство инициируется событием или политикой, ситуацией противоборства элит. Хактивисты

Рис. 3 / Fig. 3. Иерархия цифрового активизма / The hierarchy of digital activism

Источник / Source: George J.J., Leidner D.E. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism [5].

делятся на три категории: кибертеррористы, гражданские и патриотические хакеры [14,15].

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Стратегия прикладного исследования носит гибридный характер, опирается на сочетание позитивистской и интерпретаторской традиций при реализации прикладных политических исследований. Данное сочетание обеспечивается комбинацией количественных и качественных методов, позволяющих исследовать ориентации, предпочтения, модели поведения в реальной и цифровой средах.

Эмпирическая модель исследования включает в себя следующие компоненты.

1. Массовый опрос в формате онлайн-анкетирования российской молодежи (1600 респондентов в возрасте от 15 до 29 лет, выборка репрезентативна по полу, возрасту, территориальной принадлежности).

2. Глубинное интервью с представителями молодежных общественных организаций РФ (30 информантов в возрасте от 15 до 29 лет из различных федеральных округов).

3. Социально-медийный анализ (SMA) информационных потоков гражданского акти-

визма. Инструмент: интернет-сервис автоматизированного мониторинга социальных медиа (IQBuzz) (1 млн аккумулированных сообщений, 30 наиболее популярных социальных медиа, глубина выгрузки — период с 01.01.2020 по 01.10.2020, язык русский, геолокация — Рунет).

4. Когнитивное картирование информационного потока, посвященного гражданскому активизму (530 сообщений, 12 релевантных онлайн-сообществ, механическая выборка, период — с 01.05.2020 по 01.07.2020).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: РОЛЕВАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ГРАЖДАНСКИМ ИНИЦИАТИВАМ

40% молодых россиян имеют высокий лидерский потенциал и опыт координации гражданских инициатив, т.е. они не просто объединяли свои усилия с другими гражданами, но и выступали в качестве драйверов реализации гражданской инициативы.

На основе кластерного анализа массива данных всероссийского массового опроса молодежи были выделены следующие группы респондентов: «акторы» (38,3%), «вовлечен-

ные» (23,4%), «кликтивисты» («зрители», 23,5%), «выключенные» (14,9%). Современные онлайн-форматы социальной активности масштабировали вовлеченность российской молодежи в гражданские практики. Вместе с «актерами», респонденты, также нацеленные на решение общих социальных задач, составляют более 60%.

«Акторы» — респонденты с лидерским потенциалом и опытом координации гражданских инициатив.

С точки зрения отношения к сложившемуся политическому порядку, респонденты с лидерским потенциалом и опытом координации гражданских инициатив дифференцируются на две противоположные группы: «актеры лояльные» (25,7%) и «актеры оппозиционные» (12,6%).

На основе кластерного анализа массива данных всероссийского массового опроса молодежи были выделены следующие группы респондентов: «актеры» (38,3%), «вовлеченные» (23,4%), «кликтивисты» («зрители», 23,5%), «выключенные» (14,9%).

«Акторы лояльные» предпочитают реализовывать свою активность в пространстве гражданских инициатив, при этом выражая предельно конструктивную (готовность к диалогу и партнерству) и конвенциональную (строгое в рамках закона) позицию по отношению к действующей власти. Они ориентированы на ценности социального порядка, политической стабильности и устойчивого развития. Данный кластер наиболее чувствителен к теме реализации такого права, как «равенство всех перед законом и судом». При этом его представители характеризуются низким уровнем протестного потенциала и игнорированием несанкционированных массовых акций. В основном это молодые женщины 25–29 лет с высшим образованием из Уральского, Сибирского и Южного федеральных округов со снижающимся уровнем материального достатка. Это респонденты, которые руководствуются социальными

смыслами, прежде всего стремлением помочь другим людям.

«Акторы оппозиционные» — наиболее политизированная часть опрошенной молодежи России, которая вовлекает единомышленников преимущественно в экологические и политические проекты/акции. Это наиболее неконвенционально настроенная молодежь, готовая принять участие в несанкционированных акциях протеста как онлайн, так и офлайн. «Акторы оппозиционные» в наибольшей степени, чем другие кластеры, сфокусированы на таких правах, как «свобода мысли и свобода слова», «свобода массовой информации», «свобода и личная неприкосновенность», «неприкосновенность частной жизни», «свобода общественных объединений». Они в большей мере ориентированы на свободы и гораздо в меньшей — на обязанности граждан. В частности, они считают, что часть обязанностей гражданина РФ можно не исполнять (воинская служба, выплата налогов, забота об историческом наследии).

Их ценностные ориентиры довольно прагматичны и эгоистичны: «попасть в элиту общества» и «иметь много свободного времени». При довольно неплохом уровне материального достатка и оптимистических взглядах на финансовое будущее они чаще всего дают весьма низкие оценки состоянию дел в стране. Данный кластер молодежи представлен в основном молодыми мужчинами 20–24 лет со средним общим образованием из Приволжского и Северо-Западного федеральных округов.

«Вовлеченные» — готовы участвовать.

«Вовлеченные» имеют сходные черты как с первым, так и со вторым кластерами.

С «актерами лояльными» «вовлеченных» роднят конструктивность и готовность к конвенциональным форматам гражданской активности.

С «актерами оппозиционными» «вовлеченные» разделяют низкую оценку ситуации в стране, а также озабоченность проблемами коррупции и взяточничества.

Вместе с тем «вовлеченные» в большей степени ориентированы на гражданскую активность, чаще всего не готовы участвовать в политических проектах/акциях, нацелены на партнерскую модель взаимодействия власти и гражданского общества. «Вовлеченные» готовы участвовать в проектах по сохранению

культуры и развитию системы здравоохранения чаще, чем представители остальных кластеров. Триада политических ценностей важных для данного кластера: «равенство всех перед законом и судом», «свобода мысли и свобода слова», «свобода массовой информации», безусловно, приближает их к кластеру «акторов оппозиционных» и потенциально может быть основой для объединения усилий между их представителями. Но прагматизм, достигательные ценности (бизнес, высокий материальный статус) и большая нормативность стратегий «вовлеченных» снижают вероятность их объединения с «актерами оппозиционными» [15].

Как правило, «вовлеченные» — это молодые люди и девушки (поровну) моложе 20 лет из Северо-Кавказского, Северо-Западного и Приволжского федеральных регионов, получающие высшее образование и имеющие прагматические установки на построение собственного бизнеса и достижение положения богатого человека.

«Кликтивисты» («зрители») — миросоциалы, ориентированные на заботу о себе и своем ближайшем окружении, мало нацеленные на решение общих социальных задач.

«Кликтивисты» вдвое чаще проявляют готовность участвовать в гражданских инициативах онлайн, чем офлайн. В целом «зрители» ориентированы конструктивно, однако чаще других кластеров проявляют готовность откликнуться на социально-медийные призывы принять участие в гражданских акциях. Вместе с тем их обязательное условие — чтобы собрания были исключительно санкционированными. «Кликтивисты» ориентированы на популистские политические ценности: «счастье, мир, процветание». Среди политических прав наибольшее внимание «зрителей» сосредоточено на таких позициях, как «равенство всех перед законом и судом», «свобода мысли и свобода слова», «свобода массовой информации».

Данный кластер — это преимущественно девушки моложе 20 лет из Сибирского и Центрального федеральных округов, получающие высшее образование, со стабильным материальным положением, мечтающие о счастливой семье и материальном достатке.

«Выключенные» удовлетворены жизнью, игнорируют социально-медийные призывы.

Характерным свойством «выключенных» из гражданской активности российской молодежи является их удовлетворенность ситуацией в стране и в своей жизни, они оптимистичны в оценке положения дел в России и в своей семье. У «выключенных» более размыта артикуляция социальных проблем, чем у представителей остальных кластеров, их беспокоят проблемы бедности и коррупции. Больше остальных их также заботит состояние окружающей среды.

«Выключенные» фактически игнорируют социально-медийные призывы принять участие в протестных акциях, их не интересует гражданская и политическая повестка. Данный кластер представлен преимущественно молодыми женщинами 20–29 лет из Центрального, Северо-Кавказского и Сибирского федеральных округов, имеющими среднее общее и высшее образование (поровну), чья основная ценностная доминанта — семья.

Таким образом, авторы определили следующие зависимости:

- между ценностными профилями и типом гражданской активности. Конвенциональность и конструктивность «лояльных акторов» сопряжены с осознанием важности ценностей социального порядка, сохранения культуры, исторической памяти, взаимопомощи и порядочности;
- между ориентацией на конфликтную модель и отказом от выполнения гражданских обязанностей. У «оппозиционных акторов» приемлемый уровень конфликта при взаимодействии гражданского общества с государством коррелирует с дистанцированием от выполнения ряда гражданских обязанностей;
- между вовлеченностью в информационную повестку и вектором оценки. Внимание к проблемам коррупции, наблюдаемое у «вовлеченных» или потенциальных гражданских активистов, соотносится с выраженной негативной оценкой в отношении положения дел в стране;
- между преимущественно цифровой средой проявления интереса к проблематике гражданского активизма и «зрительским» форматом поведения у *кликтивистской части* молодых россиян;
- между предельной микросоциальностью, социальной атомизированностью и предельным дистанцированием от любой граждан-

ской активности у группы «выключенных» молодых россиян.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Авторами выделены следующие факторы формирования неконвенциональных установок гражданского активизма.

У лидеров и активистов общественных организаций:

- прагматизм и материальная выгода;
 - правовой нигилизм и пренебрежительное отношение к законам страны;
 - восприятие протестных акций как наиболее эффективного метода привлечения внимания к проблеме/объединению/персоне.
- У рядовых членов и сторонников общественных организаций:
- относительная депривация — высокий уровень неудовлетворенности положением дел в стране;
 - недоверие к органам власти;
 - давление внешних и внутренних социально-медийных потоков протестного содержания;
 - вовлеченность в реализацию экологических проектов.

Определены особенности цифровой инфраструктуры гражданского активизма:

- среди цифровых сообществ гражданского активизма наиболее влиятельными являются онлайн-сетевые группы экологической направленности (например, «Экология. Защита природы. Защита животных», «Экология России») и правозащитные сообщества (например, «Права человека»);
- такие онлайн-сетевые группы характеризует большой объем участников (подписчиков), значительная представленность микролидеров и топикстартеров с аудиторией более 100 человек;
- подобным онлайн-сетевым группам свойственны достаточно высокие показатели пользовательского резонанса в отношении публикуемого контента, использование интуитивных технологий воздействия на поведенческие установки сторонников;
- цифровые группы данной направленности наиболее эффективны в преобразовании гражданской активности в политический активизм.

Определены события-триггеры роста протестного потенциала в молодежной среде:

- события, причины и последствия которых конструируются инфлюенсерами цифровой среды с позиций критики действующей власти и ее решений (усиление ограничительных мер в связи с пандемией COVID-19, обсуждение возможностей внесения поправок в Конституцию (критике подлежала невозможность проголосовать по отдельным пунктам), арест бывшего губернатора Хабаровского края и др.);

- события-прецеденты, демонстрирующие примеры гражданской консолидации и массового протеста в условиях электоральных кампаний и транзита власти (например, часть протестно настроенной молодежи выражает референтность и лояльность в отношении протестного движения в Республике Беларусь);

- события, связанные с резонансным нарушением гражданских/политических прав: общим знаменателем для «лояльных» и «опозиционных» гражданских активистов является чувствительность к теме реализации такого права, как «равенство всех перед законом и судом», поэтому в предстоящие электоральные циклы (2021, 2024 гг.) возможна протестная мобилизация вокруг данной темы, т.е. событием-триггером, способным на время консолидировать позиции «лояльных» и «опозиционных» акторов, может стать подобное «делу Голунова».

Таким образом, учитывая все вышесказанное, можно предположить, что:

- первыми на протестную мобилизацию откликнутся «опозиционные» акторы; с одной стороны, их доля невелика (12,6%), но даже вне процесса активной мобилизации представители данного кластера демонстрируют черты, присущие прекариату (потенциально опасному классу), среди которых: деструктивность, неконвенциональность, эгоцентричность;

- активность и опыт по координации гражданских инициатив «лидеров-критиков» потенциально могут на время притянуть к ним «лояльных акторов» и часть «вовлеченных» молодых россиян;

- учитывая конструктивность и неконвенциональность установок большинства представителей кластеров «акторов лояльных» и «вовлеченных», можно сказать, что такие массовые протесты будут иметь мир-

ный и затяжной характер (как в Хабаровске или Республике Беларусь летом-осенью 2020 г.);

• на фоне «мирного» протеста осложняется противодействие радикальным деструктивным действиям, в информационном ос-

вещении радикалы мимикрируют под конвенционалов;

• в зоне риска включения в протестную мобилизацию также находятся «кликтивисты», ведомые и легко вовлекаемые «актерами оппозиционными» и/или «вовлеченными».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Расторгуев С.В. Экстремизм в молодежной среде современной России: Виды, факторы распространения, мягкие технологии профилактики. *Политическая наука*. 2018;(4):124–145.
Rastorguev S.V. Extremism among the youth of modern Russia: Types, factors of propagation, soft technologies of prevention. *Political science (RU)*. 2018;(4):124–145. (In Russ.).
2. Milbrath L. W. Political participation: How and why do people get involved in politics? Chicago: Rand McNally; 1965.
3. Milbrath L. W. Political participation. In: *The handbook of political behavior*. S. L. Long, ed. Boston, MA: Springer; 1981:197–240.
4. Bimber B. The study of information technology and civic engagement. *Political Communication*. 2000;17(4):329–333.
5. George J. J., Leidner D. E. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism. *Information and Organization*. 2019;29(3):100–249.
6. Шатилов А. Б. «Поколенческие разрывы» как фактор роста конфликтности в современном российском обществе. *Власть*. 2019;27(4):26–32.
Shatilov A. B. Generational gaps as a factor of increasing conflicts in modern Russian society. *Vlast*. 2019;27(4):26–32. (In Russ.).
7. Orlikowski W. J. Knowing in practice: Enacting a collective capability in distributed organizing. *Organization Science*. 2002;13(3):249.
8. Selander L., Jarvenpaa S. L. Digital action repertoires and transforming a social movement organization. *MIS Quarterly*. 2016;40(2):331–352.
9. Vaast E., Safadi H., Lapointe L., Negoita B. Social media affordances for connective action — an examination of microblogging use during the Gulf of Mexico oil spill. *MIS Quarterly*. 2017;41(4):1179–1205.
10. Majchrzak A., Faraj S., Kane G. C., Azad B. The contradictory influence of social media affordances on online communal knowledge sharing. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2013;19(1):38–55.
11. Baym N. K. Data not seen: The uses and shortcomings of social media metrics. *First Monday*. 2013;18(10). URL: <https://doi.org/10.5210/fm.v18i10.4873>.
12. Kane G. C., Johnson J., Majchrzak A. Emergent life cycle: The tension between knowledge change and knowledge retention in open online coproduction communities. *Management Science*. 2014;60(12):3026–3048.
13. Dahan M. Hacking for the homeland: Patriotic hackers versus hacktivists. International conference on information warfare and security. United Kingdom: Academic Conferences International Limited; 2013.
14. Johnson P., Robinson P. Civic hackathons: Innovation, procurement, or civic engagement? *Review of Policy Research*. 2014;31(4):349–357.
15. Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):139–158.
Titov V. V. Strategies of Youth Social Protest on the Russian Internet (RuNet): a Comparative Analysis of Generations Y and Z. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2020;(3):139–158. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Викторовна Бродовская — доктор политических наук, профессор Департамента политологии, Финансовый университет; заведующая кафедрой социально-политических исследований и технологий Института истории и политики, главный научный сотрудник Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия brodovskaya@inbox.ru

Роман Васильевич Пырма — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
pyrma@mail.ru

Анна Юрьевна Домбровская — доктор социологических наук, профессор Департамента политологии, Финансовый университет; доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия
an-doc@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Brodovskaya — Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Sciences, Financial University; Head of the Department of Social and Political Research and Technologies, Institute for History and Politics, Chief Researcher, Institute of Advanced Study, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
brodovskaya@inbox.ru

Roman V. Pyрма — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
pyrma@mail.ru

Anna Yu. Dombrovskaya — Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Political Sciences, Financial University; Associate Professor, Department of Social and Political Research and Technologies, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
an-doc@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Бродовская Е. В. — общее научное руководство исследованием, разработка методологических и методических основ эмпирического анализа, интерпретация результатов, формулировка общих выводов.

Пырма Р. В. — разработка теоретической основы исследования, организация сбора и анализа эмпирических данных, обзор научных публикаций по теме статьи.

Домбровская А. Ю. — координация процесса сбора эмпирических данных, создание объяснительных моделей эмпирических фактов исследования, подготовка разделов статьи, описывающих дизайн и результаты исследования.

Authors' declared contribution:

Brodovskaya E. V. — general scientific management of research, development of methodological and methodological foundations of empirical analysis, interpretation of results, formulation of general conclusions.

Pyрма R. V. — development of a theoretical basis for research, organization of collection and analysis of empirical data, review of scientific publications on the topic of the article.

Dombrovskaya A. Yu. — coordinating the process of collecting empirical data, creating explanatory models of empirical research facts, preparing sections of the article describing the design and research results.

Статья поступила 10.10.2020; принята к публикации 05.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.10.2020; accepted for publication on 05.11.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-49-55
УДК 355.237(045)

Цифровые компетенции в модели актуальных компетенций управленческих кадров

Г.В. Можяева^а, Л.Д. Александрова^б, В.Н. Пуляева^с

^{а, б, с} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-6500-9327>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-4896-9959>;

^с <https://orcid.org/0000-0001-8012-0368>

АННОТАЦИЯ

Цифровая трансформация экономики и общества, происходящая в настоящий момент во всем мире, предъявляет высокие требования к специалистам всех сфер деятельности в части владения IT-навыками, кибербезопасности и работы с персональными данными. Критически важными цифровые компетенции становятся для управленческих кадров, от которых зависит, сможет ли организация реализовать цели своей деятельности в новой цифровой среде, будет ли она конкурентоспособной. В этой связи актуальным представляется изучение специфики цифровых компетенций, их сущности и основных составляющих. Целью настоящего исследования является разработка модели компетенций управленцев, включающей в себя цифровой блок. Авторами проведен опрос среди выпускников и экспертов-работодателей Президентской программы подготовки управленческих кадров ($n=197$). В результате опроса были выявлены наиболее важные, по мнению респондентов, компетенции, на основании чего разработана модель с тремя уровнями освоения и индикаторами для каждого из уровней. Представленная модель компетенций может быть полезна при разработке образовательных программ, оценке кандидатов при отборе в кадровый резерв и для других управленческих функций. **Ключевые слова:** цифровые компетенции; модель компетенций; цифровая экономика; управленческие решения; социально-экономические системы; цифровая зрелость; цифровая трансформация

Для цитирования: Можяева Г.В., Александрова Л.Д., Пуляева В.Н. Цифровые компетенции в модели актуальных компетенций управленческих кадров. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):49-55. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-49-55

ORIGINAL PAPER

Digital Competencies in the Model of Relevant Competencies of Managerial Personnel

G.V. Mozhaeva^а, L.D. Aleksandrova^б, V.N. Pulyaeva^с

^{а, б, с} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-6500-9327>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-4896-9959>;

^с <https://orcid.org/0000-0001-8012-0368>

ABSTRACT

The digital transformation of the economy and society, which is currently taking place all over the world, presents high demands on specialists in all areas of activity in terms of IT skills, cybersecurity and work with personal data. Digital competencies are becoming critically important for management personnel, on which it depends whether an organization will be able to achieve its goals in the new digital environment, whether it will be competitive. In this regard, it seems relevant to study the specifics of digital competencies, their essence and principal components. The purpose of this study is to develop a model of managerial competencies, which includes a digital block. The authors surveyed alumni and expert employers of the President's Management Training Program ($n = 197$). As a result of the survey, we identified the most relevant competencies in the opinion of the respondents. Based on these findings, we designed a model with three levels of development and indicators for each of the levels. The presented model of competencies can be useful in the development of educational programs, assessment of candidates for selection to the personnel reserve and other management functions. **Keywords:** digital competencies; competency model; digital economy; management decisions; socio-economic systems; digital maturity; digital transformation

For citation: Mozhaeva G.V., Aleksandrova L.D., Pulyaeva V.N. Digital competencies in the model of relevant competencies of managerial personnel. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):49-55. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-49-55

ВВЕДЕНИЕ

В условиях цифровой трансформации социально-экономической системы и различных направлений деятельности управленцев актуализируется необходимость ускорения процессов цифровизации экономики. Особо значимыми становятся задачи достижения конкурентоспособных позиций в формирующемся пространстве новой мировой экономики, а также подготовки высококвалифицированных управленческих кадров, обладающих профессиональными и цифровыми компетенциями (www.sberbank.ru).

Цифровые компетенции — доказанная способность использовать знания, умения, навыки в областях, связанных с различными ИТ-направлениями и ИТ-сервисами, личностные качества, ценности и установки для эффективного решения задач цифровой трансформации и цифровой экономики [1].

На сегодняшний день технологии активно внедряются во все сферы бизнеса и экономики, на микро- и макроуровнях и на долгосрочную перспективу. Многие компании уже используют предиктивную аналитику, машинное обучение, искусственный интеллект, сервисизацию управленческих систем [2], различные платформенные решения, формирующие цифровые сервисные экосистемы. Одновременно технологии позволяют автоматизировать основные и вспомогательные бизнес-процессы, а взаимодействие работников и организации теперь осуществляется не только через профильных сотрудников, но и с помощью специально созданных чат-ботов и роботов. Как во всем мире, так и в России компании стремятся оптимизировать бизнес, внедрять инновационный менеджмент и различные практики управления развитием организации, используя новейшие цифровые инструменты и развивая цифровые компетенции (deloitte.ru).

В этой связи современные вызовы цифровизации требуют качественной проработки модели компетенций, которая ориентирована на развитие не только профессиональных современных цифровых навыков, но и на такие, которые тесно связаны с «мягкими» и лидерскими компетенциями [3].

МЕТОДЫ

Для разработки данной модели необходимо провести комплексное исследование востребованных компетенций работников экономической сферы, проанализировать тренды развития цифровых компетенций и спроектировать модели опере-

жающей подготовки управленческих кадров для решения актуальных задач элементов цифровой экономики, информационного общества и экономики знаний. В качестве основных тенденций развития компетенций в условиях цифровизации экономики необходимо выделить следующие:

- формирование и внедрение в систему образования требований к базовым компетенциям цифровой экономики;
- увеличение количества выпускников высшего образования, обладающих компетенциями в области информационных технологий;
- увеличение доли населения, обладающего цифровыми навыками;
- формирование у государственных служащих, сотрудников государственных компаний обязательных фундаментальных компетенций в области цифровой экономики (с использованием онлайн-сервисов и интерфейсов);
- обеспечение владения знаниями в области информационной безопасности [1];
- ориентация на инновационные средства и технологии, которые повышают качество решения управленческих задач;
- открытость и доступность образования для получения компетенций на всех уровнях: возрастном, информационном, институциональном, культурном и т.д.;
- расширение возможностей для построения индивидуальной траектории развития.

Основываясь на данных тенденциях, в рамках исследования авторы провели сравнительный анализ инструментов оценки цифровых компетенций, представленных Европейским союзом: DigCompEdu (2017), исследования, проведенного в Ирландии по цифровому опыту INDEX (2020), содержанию норвежской модели компетенций Krumsvik (2011) и др. Критерием отбора инструментов оценки было наличие описания компетенций, определение их содержания и уровней их освоения, а также цель их применения. Было проведено сравнение различных моделей оценки цифровых компетенций, проанализированы общие и отличительные критерии.

Таким образом, в основе концепции актуализации цифровых компетенций заложена идея перехода к цифровому обществу, развитию цифровой экономики в Российской Федерации, инициации общественно значимых инновационных проектов и инициатив, а также координации взаимодействия между бизнес-сообществом в сфере цифровой экономики, научно-образовательными организациями, иными сообществами и органами государственной

власти (https://www.burning-glass.com/wp-content/uploads/New_Foundational_Skills.pdf).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В рамках настоящего исследования был проведен опрос руководителей компаний-работодателей и выпускников Президентской программы подготовки управленческих кадров. В опросе приняли участие 151 выпускник и 46 руководителей компаний-работодателей.

Для опроса была использована разработанная авторами карта компетенций, состоящая из 8 блоков: профессиональные, управленческие, социальные, цифровые, предпринимательские, этические, личностные и экологические. По важности максимальное среднее значение набрали профессиональные компетенции — как в группе выпускников, так и в группе работодателей.

На втором месте по важности находится блок цифровых компетенций в обеих группах респондентов. Наименьшее количество баллов получили экологические компетенции. Это может свидетельствовать о том, что российское профессиональное сообщество пока не готово к экологической повестке. Кроме того, эксперты не считают, что предпринимательские компетенции являются важными для руководителей.

Среди управленческих компетенций наименее важными оказались «оценка подчиненных» и «обратная связь» — по мнению экспертов-руководителей, и оценка подчиненных — по мнению выпускников. Среди цифровых самой важной компетенцией названа «Умение ставить задачи специалистам в области анализа данных и принимать решения». Среди личностных компетенций меньше всего ценится рискованность. Из социальных компетенций меньше всего баллов набрали межкультурное взаимодействие и навыки фасилитации. Среди предпринимательских респонденты наиболее высоко оценили компетенцию «Умение оценивать риск и принимать решения». Среди экологических — «Обеспечение безопасности на производстве». Среди этических — «Антикоррупционное поведение».

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ КОМПЕТЕНЦИЙ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ

Новые компетенции, адаптивность, мобильность, инновационность, являются системными элементами конкурентоспособности среди управленческих кадров в результате развития цифровой экономики. Перечисленные аспекты становятся глобальными

преимуществами, которыми обладают лица, принимающие решения, и топ-менеджеры мировых стран-лидеров. Управлять экономическими системами с ростом влияния информационных технологий становится сложнее, поэтому появляется необходимость углубляться и осваивать ряд ключевых навыков, необходимых для экспертности и так называемой «цифровой зрелости» [3]. Именно поэтому возникает необходимость построения матриц компетенций.

Подходы к разработке модели компетенций основаны на анализе уровней освоения и популярности компетенций, необходимых для эффективного управления и интеграции корпоративных знаний в систему цифровой экономики. В модели структурированы компетенции, средний балл которых выше среднего балла по соответствующему блоку компетенций, по мнению экспертов и выпускников Президентской программы.

Разработка модели компетенций базировалась также на Методических рекомендациях (<http://www.fa.ru/fil/smolensk/dbo/pmtp/Documents>), которые описывают три типа компетенций. Согласно Методическим рекомендациям, профессиональные компетенции (hard skills) представляют собой навыки в профессиональной (отраслевой) сфере и являются специфическими для каждой профессии. Данные компетенции необходимо разрабатывать под определенную должность и/или структурное подразделение (производство, финансы, маркетинг и т.д.). Управленческие, социальные, предпринимательские, экологические, этические, а также личностные качества представляют собой совокупность социальных компетенций или гибких навыков (soft skills). Цифровые компетенции соответствуют третьему типу по Методическим рекомендациям — цифровым компетенциям. Также предлагается выделить три уровня освоения компетенций по результатам программ подготовки управленческих кадров: базовый, продвинутый и высокий (см. таблицу).

Понимание специфики цифровых компетенций и их востребованность позволит грамотно распределять ресурсы предприятия, своевременно выводить на рынок необходимые продукты (проекты) и получать желаемые экономические эффекты в результате эффективной деятельности на целевых рынках.

Необходимо отметить, что для оценки уровня освоения компетенций по данной модели, должны использоваться различные подходы и инструменты. Так, на базовом уровне компетенции усваиваются в результате прохождения теоретического блока

Модель актуальных компетенций управленческих кадров* /
Model of actual competencies of management personnel*

Компетенция	Базовый уровень	Продвинутый	Высокий
Управленческие компетенции			
Планирование	Знает принципы организационного планирования	Умеет применять принципы организационного планирования и может планировать работу своего подразделения	Владеет принципами организационного планирования, может планировать работу своего подразделения и организации
Организация работы подчиненных	Знает, как организовать работу подчиненных для решения оперативных задач	Умеет организовать работу подчиненных для решения оперативных задач	Владеет навыками организации работы подчиненных для решения оперативных и среднесрочных задач
Управление проектами	Знает основы управления проектами	Умеет управлять проектами и использует проектный подход в своей работе	Владеет навыками управления проектами и использует проектный подход в своей работе, выступает руководителем проекта
Управление процессами	Знает основы управления процессами	Умеет управлять процессами и использует процессный подход в своей работе	Владеет навыками управления процессами и использует процессный подход в своей работе, выступает владельцем бизнес-процесса
Личностные качества			
Целеустремленность	Знает правила целеполагания и умеет ставить цели в профессиональной сфере	Умеет ставить цели в профессиональной сфере и достигать их в большинстве случаев	Владеет инструментами постановки цели в профессиональной сфере и достигает их наиболее рациональным путем за короткие сроки
Адаптивность	Знает о способах развития гибкости, но не всегда способен быстро адаптироваться к новым условиям работы своего подразделения	Умеет быстро адаптироваться к новым условиям работы своего подразделения	Владеет способностью быстро адаптироваться к новым условиям работы своего подразделения и к новым условиям работы
Стрессоустойчивость	Знает о методах профилактики и преодоления стресса, но не всегда способен справляться со стрессом	Практически всегда справляется со стрессовыми ситуациями самостоятельно	Умеет рационально организовать время работы и отдыха для себя и своих подчиненных, организует профилактические мероприятия для предотвращения стресса у себя и подчиненных
Принятие решений	Знает основы и подходы к принятию управленческих решений	Умеет применять подходы к принятию управленческих решений для своих узкопрофессиональных задач	Владеет инструментами для принятия управленческих решений, умеет применять их для широкого круга профессиональных и управленческих задач
Владение техниками тайм-менеджмента	Знает основы тайм-менеджмента	Умеет использовать принципы тайм-менеджмента и иногда применяет их на практике	Владеет инструментами тайм-менеджмента и всегда применяет их на практике
Социальные компетенции			
Эффективное общение разными способами (устно, письменно)	Знает основы эффективных коммуникаций и иногда их эффективно осуществляет одним из способов	Умеет эффективно коммуницировать и часто осуществляет это разными способами	Владеет инструментами эффективных коммуникаций и всегда демонстрирует это всеми способами
Публичные выступления	Знает основы публичных выступлений, иногда демонстрирует успешные выступления	Умеет публично выступать, часто демонстрирует успешные выступления	Владеет навыками успешных выступлений

Продолжение таблицы

Компетенция	Базовый уровень	Продвинутый	Высокий
Управление конфликтами	Знает основы управления конфликтами	Умеет управлять конфликтами и иногда демонстрирует эффективное управление конфликтами	Владеет навыками управления конфликтами, всегда умеет предотвращать и управлять конфликтами.
Развитие подчиненных и передача знаний (наставничество)	Знает основы наставничества	Умеет передавать знания и развивать подчиненных	Владеет технологиями наставничества и способен передавать знания и развивать подчиненных, используя индивидуальный подход
Предпринимательские компетенции			
Разработка и реализация бизнес-стратегии	Знает основы разработки и реализации бизнес-стратегии	Умеет разрабатывать и реализовывать бизнес-стратегии и стратегию подразделения	Реализует бизнес-стратегии и стратегии организации
Умение оценивать риск и принимать решения	Знает основы риск-менеджмента	Умеет определять риски	Владеет знаниями в риск-менеджменте и способен принимать оптимальные решения
Умение генерировать идеи и превращать их в бизнес-проекты	Знает о различных подходах к генерированию и реализации бизнес-идей	Умеет генерировать и реализовывать бизнес-идеи	Владеет различными подходами к генерированию и реализации бизнес-идей, умеет воплощать бизнес-идеи в реальные бизнес-проекты
Экологические компетенции			
Обеспечение безопасности на производстве	Знает основы обеспечения безопасности на производстве	Умеет обеспечивать безопасность на производстве, организовать безопасную работу своего подразделения	Владеет знаниями по обеспечению безопасности на производстве, проводит инструктаж по технике безопасности подчиненных, принимает зачет по технике безопасности у своих подчиненных
Этические компетенции			
Этичное поведение	Знает основы этичного поведения	Умеет этично себя вести в коллективе	Всегда проявляет этичное поведение
Следование принципам корпоративной этики	Знает принципы корпоративного поведения	Умеет следовать принципам корпоративного поведения	Всегда соответствует принципам корпоративного поведения
Антикоррупционное поведение	Знает основы антикоррупционного поведения	Умеет предотвратить антикоррупционное поведение	Владеет знаниями об антикоррупционном поведении и всегда его демонстрирует
Цифровые компетенции			
Умение взаимодействовать и организовывать совместную работу посредством различных цифровых технологий	Знает о том, как взаимодействовать и организовывать совместную работу посредством различных цифровых технологий	Умеет взаимодействовать и организовывать совместную работу посредством различных цифровых технологий, взаимодействовать с коллегами посредством различных цифровых технологий	Владеет знаниями о взаимодействии и организации совместной работы посредством различных цифровых технологий, умеет взаимодействовать с коллегами и организовать совместную работу подчиненных и/или подразделений посредством различных цифровых технологий
Умение ставить задачи специалистам в области анализа данных и принимать решения	Знает, как ставить задачи специалистам в области анализа данных и применения информационных технологий	Умеет ставить задачи специалистам в области анализа данных и применения информационных технологий и часто делает это на практике	Владеет инструментами анализа данных и применения информационных технологий и всегда ищет новые информационно-коммуникационные инструменты для решения профессиональных задач, совершенствует их на практике

Компетенция	Базовый уровень	Продвинутый	Высокий
Информационная цифровая грамотность	Знает основы цифровой грамотности	Умеет грамотно и часто применять цифровые инструменты на практике	Владеет цифровой грамотностью, на основе этих знаний решает профессиональные задачи, применяет их на практике
Умение создавать цифровой контент	Знает, как создавать цифровой контент	Умеет создавать цифровой контент и знает, как его можно применить в деятельности организации	Владеет инструментами по созданию цифрового контента и создает его с целью совершенствования деятельности организации
Умение обеспечить информационную безопасность	Знает, как обеспечить информационную безопасность	Умеет обеспечить информационную безопасность и применяет эти знания на практике	Владеет знаниями в области информационной безопасности и применяет эти знания на практике, совершенствует свои знания и предлагает новые решения
Умение принимать решения на основе анализа данных	Знает, как работать с данными	Умеет работать с данными и часто применяет эти знания для решения проблем	Владеет способами принятия решений на основе анализа данных, предлагает готовые решения и применяет различные программы для анализа данных

* Модель представлена в сокращенном формате / The model is presented in an abbreviated format.

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

обучения, и их освоение может быть проверено с помощью устного или письменного экзамена в виде опроса и/или тестирования. Продвинутый уровень компетенций, помимо теоретических знаний, предполагает приобретение некоторых практических навыков по каждой компетенции и, следовательно, достигается посредством практико-ориентированного обучения с применением интерактивных форм. Оценить компетенции на продвинутом уровне можно с помощью индивидуальной или групповой проектной работы, разбора практических ситуаций и задач. Третий, высокий уровень освоения компетенций, приобретается в результате стажировки и практической работы управленца. Оценить освоение компетенций на высоком уровне можно с помощью таких современных методов оценки персонала, как «360 градусов» и ассесмент-центр.

ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Необходимо отметить, что проведенное исследование позволило выделить актуальные компетенции для руководителей современных российских организаций. Среди актуальных компетенций управленческих кадров особое место занимают

цифровые, важность которых обусловлена цифровой трансформацией экономики и общества. Используя разработанную авторами модель компетенций, можно проводить отбор персонала в организации или претендентов в кадровый резерв и для дальнейшего обучения и развития. Данная модель позволяет оценить спектр знаний и навыков управленцев, необходимых им для эффективного руководства своей организацией и принятия результативных управленческих решений, отследить уровни дифференциации различных видов компетенций, определить движение по персональной траектории развития и согласованность личностных, профессиональных и цифровых компетенций.

Возможность применения цифровых компетенций и опыта в условиях развития цифровой экономики характеризует управленческие кадры как экспертов и профессионалов, способных управлять инновационными проектами и выстраивать новый экономический уклад, который будет способствовать формированию долгосрочного конкурентного преимущества России и эффективно решать задачи технологического и экономического развития страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кондаков А.М. Разработка базовой модели компетенций цифровой экономики. URL: <https://profstandart.rosmintrud.ru/upload/medialibrary/908/O%20разработке%20базовой%20модели.pdf>.

2. Грибанов Ю.И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции. URL: <https://unecon.ru/sites/default/files/dissgribanovui.pdf>.
3. Васильева Е.В., Пуляева В.Н., Юдина В.А. Развитие цифровых компетенций государственных гражданских служащих Российской Федерации. *Бизнес-информатика*. 2018;4(46):28–42.

REFERENCES

1. Kondakov A.M. Development of a basic competency model for the digital economy. URL: <https://profstandart.rosmintrud.ru/upload/medialibrary/908/O%20razrabotke%20bazovoi%20modeli.pdf>. (In Russ.).
2. Gribanov Yu.I. Digital transformation of socio-economic systems based on the development of the institution of service integration. URL: <https://unecon.ru/sites/default/files/dissgribanovui.pdf>. (In Russ.).
3. Vasileva E.V., Pulyaeva V.N., Judina V.A. Development of digital competencies of state civil servants of the Russian Federation. *Biznes-informatika*. 2018;4(46):28–42. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Галина Васильевна Можаяева — кандидат исторических наук, доцент, директор Института онлайн-образования, Финансовый университет, Москва, Россия

GVMozhaeva@fa.ru

Людмила Дмитриевна Александрова — кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Института онлайн-образования, Финансовый университет, Москва, Россия

LDAleksandrova@fa.ru

Валентина Николаевна Пуляева — кандидат экономических наук, доцент Департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия

VNPulyaeva@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Galina V. Mozhaeva — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Director of the Institute of Online Education, Financial University, Moscow, Russia

GVMozhaeva@fa.ru

Ljudmila D. Aleksandrova — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director of the Institute of Online Education, Financial University, Moscow, Russia

LDAleksandrova@fa.ru

Valentina N. Pulyaeva — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Psychology and Development of Human Capital, Financial University, Moscow, Russia

VNPulyaeva@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

Можаяева Г.В. — теоретическая концепция исследования, руководство исследовательской группой, разработка модели актуальных компетенций управленческих кадров, сбор данных для исследования.

Александрова Л.Д. — анализ и интерпретация данных исследования, экспертиза компетентностного подхода.

Пуляева В.Н. — разработка инструментария и сбор данных для исследования, разработка модели актуальных компетенций управленческих кадров.

Authors' declared contributions:

Mozhaeva G.V. — the theoretical concept of research, the leadership of a research group, development of a model of actual competencies of management personnel, collection of data for research.

Aleksandrova L.D. — analysis and interpretation of research data, the expertise of the competence approach.

Pulyaeva V.N. — development of tools and data collection for research, development of a model of the current competencies of management personnel.

Статья поступила 03.10.2020; принята к публикации 30.10.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 03.10.2020; accepted for publication on 30.10.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-56-60
УДК 316.77(045)

Проблема соотношения виртуальности и реальности и их влияние на межкультурную коммуникацию*

Д. Ю. Кушнир^а, О. В. Шевченко^б

^{а, б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-5334-8823>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-4883-603X>

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ понятия «виртуальная реальность», показана связь данного понятия с понятием «реальность», проведен обзор их исторической совокупности. Идея виртуальности и ее отношение к реальности разрабатывались в античной, восточной, схоластической философии и получили широкое распространение в последние несколько десятилетий. Виртуальная реальность рассматривается в качестве репрезентативной технологии, в которой условия, обстоятельства и контекст производства реальности могут быть относительно очевидны. Однако по сравнению с «традиционными» социокультурными системами ее конструирование упрощено. Также в работе выявлено влияние виртуализации современного общества на процессы, происходящие в рамках межкультурной коммуникации. В ходе анализа было выявлено, что виртуальная реальность в разных условиях может быть составной частью, видом, аспектом особенностью реальности. Ее характеристики неразличимы, накладываются друг на друга, что влияет на культурную самоидентификацию индивида и, как следствие, на межкультурную коммуникацию.

Ключевые слова: виртуальная реальность; уровни реальности; информационные коммуникационные технологии; репрезентация; межкультурная коммуникация

Для цитирования: Кушнир Д. Ю., Шевченко О. В. Проблема соотношения виртуальности и реальности и их влияние на межкультурную коммуникацию. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):56-60. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-56-60

ORIGINAL PAPER

The Problem of the Relationship between Virtuality and Reality and their Impact on Intercultural Communication*

D. Yu. Kushnir^а, O.V. Shevchenko^б

^{а, б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-5334-8823>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-4883-603X>

ABSTRACT

The article presents an analysis of the concept of “virtual reality”, shows the connection of this concept with the concept of reality, and provides an overview of their historical complex. The idea of virtuality and its relation to reality was developed in ancient, oriental, scholastic philosophy and has become widespread in the last few decades. Virtual reality is viewed as a representative technology in which the conditions, circumstances and context of the production of reality can be relatively obvious. However, in comparison with “traditional” sociocultural systems, its construction is simplified. We also revealed the influence of the virtualization of today’s society on the processes taking place in the framework of intercultural communication. Virtual communities are replacing traditional ones and transforming existing cultural identities. Individuals become technological, homogenized entities that do not function in time or space. The relevance of the article is due to the need to identify the differences between virtual reality and reality. During the analysis, we revealed that virtual reality in different conditions could be an integral part, type, aspect of virtual reality.

* Статья подготовлена по результатам исследований, выделенных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета в 2020 г.

** The article was prepared based on the results of research allocated at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University in 2020.

Its characteristics are indistinguishable, superimposed on each other, which affects the cultural identity of the individual and, as a result, on intercultural communication.

Keywords: virtual reality; levels of reality; information and communication technologies; representation; intercultural communication

For citation: Kushnir D. Yu., Shevchenko O.V. The problem of the relationship between virtuality and reality and their impact on intercultural communication. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):56-60. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-56-60

В последнее время в связи со сформировавшимся глобальным информационным пространством произошли значительные изменения, в ходе которых, с одной стороны, появились новые репрезентативные (когнитивные, коммуникативные, культурные и информационные) технологии, а, с другой стороны, выросло значение репрезентативной или символической функции традиционных технологий. Такие термины, как «постиндустриальное», «знание», «информация» относятся к типу общества, в котором технологии являются доминирующим фактором воспроизводства человеческой жизни. В связи с этим возросла роль такого понятия, как «виртуальность» [1, 2]. Изменяется само содержание понятия «виртуальная реальность».

Без всякого сомнения, можно сказать, что одной из основных тем философского мышления было определение и характеристика реальности. Природа и границы реальности, действительное разграничение между реальным и нереальным — фундаментальные онтологические вопросы. Фундаментальной проблемой является правильная характеристика тех аспектов или форм реальности, которые в настоящее время можно идентифицировать как бывшую характеристику виртуальности или виртуальных сущностей в истории онтологии. Несмотря на то, что понятие «виртуальная реальность» стало широко известно и популярно сравнительно недавно — во времена появления компьютеров и сети Интернет — те идеи, которые послужили появлению данного феномена, возникли намного раньше.

Когда философское мировоззрение пришло на смену мифологическому, изменилась оценка переживаемых ситуаций, получивших фундаментальное значение. Первыми философами были изучены и раскрыты понятие бытия, сложное функционирование познания, уровни и иерархия сущностей, структура человеческого опыта. Это породило представления о множественном мире, наполненном разными

сущностями, которые могут существовать на разных уровнях бытия, и о множественности миров, наполненных принципиально разными сущностями.

В данном случае можно разграничить виды/уровни реальности. В качестве основного вопроса выделим следующий: каким образом должны проходить идентификация и охват тех частей опыта или знания, которые бесспорны, реальны в полной мере и поддаются несомненной определенности? Данные части знания относятся к внутреннему ядру реальности, которое окружено менее ценными сферами. Внешние сферы кажутся также частью реальности для людей, которые недостаточно критичны в своих наблюдениях и/или мышлении. Для философа такая реальность является видимостью, которую можно разрушить тщательными наблюдениями или правильными аргументами. Сфера реальности, эфемерность ее полноты — это сфера того, что сейчас носит название «виртуальная реальность».

В материалистической традиции античности важную роль играла оценка различных чувственных переживаний. Данный вопрос поднимали в своих трудах такие философы, как Гераклит, Аристотель, Феопраст. Два мира Платона (несовершенный чувственный мир и совершенный мир идеальных форм) представляют сферы виртуальности и реальности в очень ясной форме. Формирующая мир платоновская виртуальность — это эфемерная и условная реальность, которая является несовершенной копией истинной реальности. В этом мире знание имеет строгие ограничения, в связи с чем мы можем только формировать различные мнения о сфере виртуальности, и здесь невозможно достичь абсолютной истины.

Главным вкладом Аристотеля в эту проблему было учение о различии между двумя уровнями бытия — действительностью и потенциальностью. Потенциальное бытие лишено полноты, поэтому его можно назвать аристотелевской виртуальностью. Однако, согласно Аристоте-

лю, и действительное, и потенциальное бытие обусловлены каждой сущностью, а это значит, что реальность и виртуальность распределены между сущностями мира вместо их концентрации в отдельных мирах. Таким образом, аристотелевская виртуальность — это индивидуальное свойство сущностей.

В обоих случаях реальность — это структурированная конструкция, и ее составляющие имеют различные степени или меры определенности, совершенства, случайности, постоянства, ценности и т.д. Составляющая, часть или версия реальности, которая не имеет максимальной меры в социально заданных факторах, определяющих реальность, или которая способна потерять свое максимальное значение, может быть рассмотрена позже как виртуальность.

В виртуальной форме бытия актуальность и потенциальность неразрывно переплетаются. Виртуальность — это потенциальность, рассматриваемая вместе с ее актуализацией [3]. По сравнению с реальностью, виртуальность — это реальность с мерой, которая не имеет абсолютного характера, но имеет относительную природу. «Классическая» концепция актуальности и потенциальности может рассматриваться как два «предельных значения» на отрезке, который представляет собой расширенную область виртуальности между двумя «крайностями»: абсолютной актуальности и абсолютной потенциальности.

Все сущности, созданные с помощью технологий, являются виртуальными. Причина заключается в самой природе представления, так как нет изображения без знаков, которые имеют двойную природу. Мы можем идентифицировать что-то как знак тогда и только тогда, когда эти две способности по своей природе присутствуют одновременно, например, буквы и потенциальные концепции, заложенные в них. Между этими двумя видами сущностей или контекстов должна возникать взаимосвязь для создания репрезентаций. Репрезентация — это существование такого отношения. Любой вид отношений является источником природы вещи. Представления обязательно производят такие виртуальные сущности. Репрезентации имеют определенные онтологические характеры: онтологию отношений или взаимосвязей, которая в предложенном смысле является онтологией виртуальных сущностей.

Появление современной идеологии и мировоззрения создало принципиально новый

контекст для онтологического мышления. Это эпоха становления современного индивидуума, автономной личности. Современный индивид хотел обладать реальной, неоспоримой, определенной, эффективно функционирующей властью — властью над реальностью. В результате этих изменений основные структурные элементы, такие как индивид, его власть и объект этой власти (природа, другой индивид, собственность и т.д.) рассматривались как реальность в полном объеме.

В ходе развития отличия объективной реальности от субъективной стали значимыми: важную роль стало играть определение в качестве реальности «внешнего» или «внутреннего» мира воспринимающего. Это приводит к расколу в онтологической традиции (аналогично возникновению материалистической традиции в античности). Были сформированы традиции современного материализма (внешний мир, природа, общество являются активными агентами) и субъективного идеализма (определяющую роль играют индивидуальные способности: восприятие, интенциональность, мышление, воля и т.д.). Виртуальные возможные миры были перемещены во «внутреннюю» часть личности и стали важным источником ее индивидуального и множественного характера.

В постмодернистской традиции стало очевидно, что реализация эффективного контроля над индивидуализированными мирами имеет неизбежные недостатки и непреодолимые границы. Фундаментальный постмодернистский идеал — это децентрированная онтология, в которой разрушается граница между реальностью и виртуальностью. Не существует одной реальности или реальности не существует вовсе, мы можем говорить только о гиперреальности, в которой различие между реальным и нереальным размыто [4, 5]. В этом мире изображения и знаки, симуляции и симулякры не имеют референций, их можно рассматривать только как реальные сущности. Значение и роль места, индивида, различных материальных и интеллектуальных сущностей разрушаются, они заменяются их взаимосвязями и сетями. Вместо реальности или виртуальности для постмодернистского человека значима сама конструкция. Образ маскирует отсутствие реальности и подменяет ее.

Постмодернистский мир имеет множественную природу. Постмодернистский взгляд на

реальность и виртуальность — это индивидуализированная (и, очевидно, множественная) симуляция их идеалов. Постмодернистские реальность и виртуальность представляют собой специфическую и конкретную смесь восприятия, воли и разума и имеют ярко выраженную индивидуалистическую природу. Постмодернистский мир открыт, чтобы включать все и ничего не исключать. Постмодернистская личность — преувеличенная, она распространяется по всему миру. Постмодернистскую виртуальность можно описать как реальность и наоборот. Эта ситуация создается, с одной стороны, из-за повсеместного распространения реальности, а, с другой стороны, из-за исчезновения границы между реальностью и виртуальностью, — они утратили свое самостоятельное значение, и было бы лучше заменить оба этих понятия чем-то другим, возможно, «гиперреальностью». Это означает, что для постмодернистского человека вместо реальности или виртуальности значима сама конструкция.

Виртуальная реальность рассматривается как настоящая, успешная, непосредственная, эмпирически обоснованная и относительно хорошо понятная технология создания реальности. Это репрезентативная технология, в которой условия, обстоятельства и контекст производства реальности могут быть относительно очевидны. Однако в ней создание реальности упрощено по сравнению с «традиционными» социокультурными системами. Человек формирует из своих переживаний целостную систему реальности и рассматривает себя как ее часть, создает вокруг себя целый мир. Однако, если мировоззрение оказывается неудачным или неполным, с какой-либо точки зрения (конструкция оказывается неисключительной, сомнительной, непостоянной), то оно будет объявлено виртуальностью, а не реальностью в полном объеме.

Особенности информационных коммуникационных технологий в корне меняют то, как люди видят себя и свое отношение к реальному и виртуальному пространству. Благодаря развитию коммуникационных технологий изменяется социокультурная среда, усложняется процесс культурной самоидентификации человека, происходит «структурная трансформация жизненных миров» [6]. Индивиды создают и реформируют свою идентичность посредством выбора, и благодаря рефлексивному характеру

современной самоидентификации повседневные решения и поведение становятся все более релевантными. В таких условиях современные технологии должны способствовать культурной самоидентификации, особенно индивидов, проживающих в другой стране и оторванных от культурной среды. Они упрощают межкультурную коммуникацию, в отличие от прошлого, когда это можно было сделать, только физически погрузившись в среду общения.

Развитие информационных коммуникационных технологий влияет на переоценку фундаментальной природы и роли человечества во вселенной. Самая глубокая философская проблема, возникающая в связи с информационными коммуникационными технологиями, касается не столько того, как они расширяют возможности человека, или что они позволяют делать. Она состоит в том, как коммуникационные технологии побуждают человека переосмысливать, кем он является, и как он должен взаимодействовать с другими. Когда искусственные агенты (в том числе искусственные компаньоны и интеллектуальные системы на основе программного обеспечения) станут такими же обычными товарами, как автомобили, мы примем эту новую концептуальную революцию гораздо охотнее.

Также стоит отметить, что для того, чтобы быть полноценным, материальный объект, человек, производство, политический акт должны найти подтверждение в виртуальном пространстве, и чем выше его популярность в сети Интернет, тем более он значим и информационно реалистичен.

При обзоре исторической совокупности реальности и виртуальности становится очевидным, что виртуальность может являться разновидностью, составной частью, аспектом или особенностью реальности. В обычном контексте эти характеристики виртуальности четко не различимы, они регулярно накладываются друг на друга. Современные технологии реинтологизируют мир — создают принципиально новую среду обитания, в которой сущности обладают не физическими, а информационно-коммуникативными свойствами, что, в свою очередь, влияет на трансформацию «социальных пространств и коммуникативных границ, которые на протяжении тысячелетий очерчивали социоэкологический каркас существования людей» [6].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. URL: <http://newschoolhistories.org/wp-content/uploads/2019/03/Berger-social-construction-of-reality.pdf>.
2. Lukacs G. The Ontology of Social Being. URL: https://scholar.google.com/scholar?cluster=17793022491965405752&hl=ru&as_sdt=2005&scioldt=0,5.
3. Ropolyi L. On the Nature of the Internet. Discourse on the Philosophy of the Internet; Typotex: Budapest, Hungary; 2006.
4. Горный Е. Онтология виртуальной личности. Новосибирск; 2004.
Gorny E. Ontology of the virtual personality. Novosibirsk; 2004. (In Russ.).
5. Nunes M. Baudrillard in Cyberspace: Internet, Virtuality and Postmodernity. URL: https://scholar.google.com/scholar_lookup?title=Baudrillard+in+Cyberspace:+Internet,+Virtuality+and+Postmodernity&author=Nunes,+M.&publication_year=1995&journal=Style&volume=29&pages=314%E2%80%93327.
6. Большунов А. Я., Большунова С. А., Тюриков А. Г. Межкультурная коммуникация: вызовы глобальной трансформации жизненных миров. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):6–9. DOI: doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-6-9
Bolshunov A. Ya., Bolshunova S. A., Tyurikov A. G. Intercultural Communication: Challenges of the Global Transformation of Life Worlds. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):6–9. (In Russ.). DOI: doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-6-9.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дария Юрьевна Кушнир — ассистент Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

DYUKushnir@fa.ru

Ольга Викторовна Шевченко — доцент Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

OVShevchenko@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Daria Yu. Kushnir — Assistant at the Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

DYUKushnir@fa.ru

Olga V. Shevchenko — Associate Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

OVShevchenko@fa.ru

Статья поступила 20.10.2020; принята к публикации 30.10.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.10.2020; accepted for publication on 30.10.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-61-65
УДК 341.655(045)

Санкции и односторонние ограничительные меры: проблема различия терминов и тождественности явлений

И.С. Пятибратов

Финансовый университет, Центр политической информации, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-3652-8483>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются подходы российских и зарубежных авторов к определению понятия «санкции». Большое число разнящихся методов говорит о том, что в политической и юридической науке до сих пор нет общего мнения о том, как дефинировать данное понятие. Кроме того, автор анализирует различные определения понятий «санкции», «ограничительные меры» и их аналогов. В данной ситуации также наблюдается расхождение в подходах. В своей работе автор приходит к выводу о том, что при анализе политических рисков подобное разведение терминов является контрпродуктивным, соглашаясь с исследователями, которые считают, что существенной разницы между санкциями международных организаций и мерами отдельных государств нет.

Ключевые слова: санкции; международные санкции; ограничительные меры; контрмеры; ООН

Для цитирования: Пятибратов И.С. Санкции и односторонние ограничительные меры: проблема различия терминов и тождественности явлений. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):61-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-61-65

ORIGINAL PAPER

Sanctions and Unilateral Restrictive Measures: The Problem of Differences in Terms and Identity of Phenomena

I.S. Pyatibratov

Financial University, Political Information Center, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3652-8483>

ABSTRACT

The article considers approaches to the definition of sanctions by Russian and foreign authors. A large number of differing approaches suggests that there is still no consensus in political and legal science on how to define sanctions. The article also considers various approaches to the relationship between the concepts of “sanctions” and “restrictive measures”, as well as their analogues. There is also a divergence of approaches regarding this topic. The author comes to the conclusion that when analyzing political risks, such a separation of terms is counterproductive, agreeing with researchers who believe that there is no essential difference between the sanctions of international organizations and the measures of individual states.

Keywords: sanctions; international sanctions; restrictive measures; countermeasures; UN

For citation: Pyatibratov I.S. Sanctions and unilateral restrictive measures: The problem of differences in terms and identity of phenomena. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):61-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-61-65

Широкий охват темы иностранных санкций в российском публичном поле, а также высокая оценка их рискогенности российским научным и экспертным сообществами не оставляет сомнений в актуальности проблематики иностранных санкций для России. В том числе — в контексте анализа рисков. При этом в России нет развернутых научных работ, затрагивающих тему анализа санкций как фактора политического риска. Но прежде, чем начать работу в рамках данной проблематики, необходимо решить задачу операционализации понятий «санкции» и «ограничительные меры».

Д. Кунц в своей работе 1960 г. замечает, что в широком смысле слова санкции являются реакцией представителей закона на нарушение правопорядка [1]. Это социально организованные меры, применяемые вне зависимости от желания объекта санкций и с возможностью использования физической силы. Учитывая то, что санкции в таком представлении являются неотъемлемой частью любой легальной системы принуждения, не приходится удивляться тому, что проблематика санкций остается актуальной в теории и практике международной юриспруденции.

После 1914 г., по мнению Д. Кунца, проблематика международных санкций была актуальна как никогда, потому что их видели как возможный инструмент предотвращения войн. Первой попыткой формирования международного института, имеющего право выдвигать санкции, стала Лига наций. Но попытка была неудачной, так как нанизывание распространённых и мало к чему обязывающих норм на неизменные с довоенных времен институты стран — участниц Лиги наций оказались неэффективными, что ярко проявилось в 1930-е гг., а пиком демонстрации слабости данной системы стала Вторая мировая война.

Реакцией на последствия Второй мировой стало создание ООН, задачей которой в первую очередь был контроль использования силы в международных отношениях. Ключевым отличием ООН от Лиги наций стала централизация решения вопросов о введении или не введении санкций и выборе санкций в рамках Совета безопасности ООН. Кроме того, страны — члены ООН обязаны подчиняться ее законам. Это сделало ООН более эффектив-

ным инструментом. Система санкций, согласно хартии ООН, приобрела следующий вид: только коллективные санкции, одобряемые исключительно Советом безопасности; никаких индивидуальных санкций с применением военной силы.

В своей работе 1967 г. Й. Гальтунг определяет санкции как действия одного или нескольких международных акторов («отправителей») против одного или нескольких других акторов («получателей»), предпринятые по одной или обеим из следующих целей: наказать их, лишив чего-то ценного, и заставить подчиниться определенным нормам, которые важны для «отправителей» [2]. Отметим, что Й. Гальтунг считает гораздо более важным элемент подчинения, а не наказания, так как оценивает его более эффективным в целом. В то же время автор признает, что негативные санкции (наказание) применяются в международной практике гораздо чаще.

Работа Й. Гальтунга ценна не только тем, что он предлагает свое определение термина «санкции», но и тем, что в ней содержится развернутая схема классификации санкций. В то же время автор обращает внимание на тот факт, что в условиях современной политики и международных отношений подавляющее большинство из предложенных им типов санкций неприменимы, в связи с чем считает целесообразным сосредоточиться на негативных коллективных внешних санкциях, преимущественно — экономических. Это очень важное замечание, так как, рассматривая подходы к пониманию санкций, большинство авторов говорят в первую очередь об экономических способах воздействия.

По мнению В. А. Василенко, представленному в работе 1980 г., международно-правовые санкции — система как невооруженных, так и вооруженных принудительных мер, которые могут применяться децентрализованно и централизованно против субъектов международного права, нарушающих международный правопорядок [3]. Автор отмечает, что международные санкции всегда применяются в ответ на нарушение, а не превентивно. В то же время автор признает тот факт, что многие виды международных санкций обладают качествами, которые в обычных обстоятельствах считались бы нарушением суверенных прав объекта санкций.

В.А. Василенко также обращает внимание на важную деталь: международными санкциями нельзя считать насильственные меры, предпринимаемые государством — объектом санкций в ответ на эти санкции. Это является новым правонарушением. Санкции всегда являются односторонними и не могут иметь последствий для вводящей санкции стороны.

Д. Болдуин предложил подход, согласно которому к санкциям относятся вообще любые формы международного принуждения, вплоть до экономических форм ведения войны [4]. В его понимании экономическое содержание вовсе не обязательно для санкций, так как санкциями считаются и эмиграционные запреты.

В 1985, 1990 и 2007 гг. издавалась хрестоматийная работа в сфере санкционных исследований «Новый анализ экономических санкций» за авторством Г. Хафбауэра и его коллег [5]. В данной работе авторы предлагают понимать под санкциями намеренные действия государства, коалиции таких государств или международных организаций по сокращению, ограничению или выходу из таможенных, торговых или финансовых отношений со страной-объектом.

К.В. Крицкий считает, что отождествлять термины «санкции», «меры» и «контрмеры» неправильно, так как это легитимизирует односторонне принимаемые меры таких стран, как США, ложно приравнивая их к санкциям ООН [6].

Такую же дихотомию проводит А.В. Калинин, разделяя санкции ООН — не связанные с использованием вооруженных сил меры принуждения и экстерриториальные меры отдельных государств в отношении других государств [7].

Ю.Н. Жданов пишет о том, что принудительные меры по принципу субъекта, их применяющего, делятся на санкции международных организаций и контрмеры отдельных государств [8]. Автор считает, что использование термина «санкции» для описания мер, принятых одной страной в отношении другой некорректно, так как создает впечатление власти одной страны над другой. В то же время Ю.Н. Жданов признает, что на практике термины часто используются как взаимозаменяемые, и что в России четкая дихотомия между ними отсутствует.

Добавим, что отсутствует четкая дихотомия и, например, в официальных глоссариях ЕС, где

термины «санкции» и «ограничительные меры» используются взаимозаменяемо (http://eeas.europa.eu/archives/docs/cfsp/sanctions/docs/index_en.pdf).

Реакцией на последствия Второй мировой стало создание ООН, задачей которой в первую очередь был контроль использования силы в международных отношениях. Ключевым отличием ООН от Лиги наций стала централизация решения вопросов о введении или не введении санкций и выборе санкций в рамках Совета безопасности ООН.

И.И. Лукашук в работе 2004 г. утверждает, что санкции являются мерами принуждения, которые используются именно международными организациями [9]. Автор проводит границу между санкциями, применяемыми международными организациями, и мерами индивидуального государственного принуждения, вводимыми отдельными странами. В то же время И.И. Лукашук отмечает, что эффективность санкций зависит в первую очередь от политики и мощи крупных государств — членов организации. Также автор обращает внимание на тот факт, что, хотя в научном сообществе санкциями предпочитают называть меры международных государств, в реальной политике термин используется и отдельными государствами для обозначения собственных ограничительных мер.

Ф. Гюмейли считает, что санкции — это политически мотивированные наказания, последовавшие за нарушением международных норм и обязательств. Автор предлагает собственную типологию санкций, разделяя их по мотивам на принуждение, сдерживание и сигнализирование [10].

М.Г. Дораев отмечает, что одно из ранних пониманий международных санкций сводилось к действиям членов международного сообщества против имеющих и потенциальных нарушений правопорядка [11]. В то же время автор замечает, что Комиссия по международному

праву ООН зарезервировала термин «санкции» для действий ООН, оставив отдельным государствам термин «меры». Но М.Г. Дораев признает, что для обозначения односторонних принудительных мер используют разные термины, что делает понятия «санкции» и «ограничительные меры» практически взаимозаменяемыми. Другим важным замечанием автора является то, что для стран-реципиентов никакой разницы между санкциями, вводимыми отдельными странами, и санкциями, вводимыми международными организациями, де-факто нет. Не предлагая собственной дефиниции, М.Г. Дораев считает, что она должна отвечать нескольким критериям: охватывать любые виды мер международного принуждения экономического характера; отражать изменения в практике их применения.

М. В. Кешнер поддерживает данный подход, считая международными санкциями все действия государств, в том числе и экстерриториальные, которыми они реагируют на действия других государств. Более того, автор замечает, что взаимозаменяемыми на практике являются не только термины «санкции» и «меры», но и «экономическое принуждение» и «экономическое управление» [12].

С. Г. Рогожина в своей статье высказывает мнение о том, что санкции в современной практике и понимании могут вводиться страной или блоком стран (как ЕС и НАТО) [13]. Также автор приводит четыре основных подхода к значению термина: меры, применяемые к правонарушителю; структурная часть общей нормы права; акты прокурорского реагирования; меры воздействия на государство, нарушившее нормы международного права и свои обязательства.

А. А. Бородаенко, проанализировав понятия «санкции» и «меры» в международном праве пришла к выводу о том, что на уровне меж-

дународных организаций термины «меры» и «санкции» отождествляются и свободно заменяют друг друга [14]. В то же время она обращает внимание на большую стилистическую приемлемость термина «меры», так как он подчеркивает особый статус участников международного диалога. Автор заключает, что работа над правовыми актами международных отношений все еще находится в процессе формирования, в связи с чем использование мультитерминологии приемлемо.

Таким образом, можно констатировать, что консенсуса в отношении понятия «санкции» в научном сообществе нет. При этом дихотомия между санкциями отдельных государств и санкциями международных организаций становится все более размытой — вплоть до несущественности. Так, С. В. Маринич считает, что исполнение санкций в любом случае проходит на уровне отдельных государств, а не организации [15]. И не стоит упускать тот факт, что преимущественно вопросом санкций занимались и занимаются американские исследователи, использующие термин «санкции» универсально [16].

Терминология, очевидно, не является устойчивой, что проявляется, в том числе в разночтениях в вопросе взаимозаменяемости терминов «санкции» и «ограничительные меры». Практика международных отношений демонстрирует, что осуществлением санкций, даже групповых, в конечном счете, занимаются конкретные государства, а не сама ООН. Это делает разницу незначительной с сущностной точки зрения, ведь результат для страны, подвергнутой ограничениям, получается тот же. С учетом этих факторов термины «ограничительными меры» и «санкции» в контексте анализа политических рисков разводить не имеет смысла, так как это скорее вопрос юридической корректности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Kunz J. L. Sanctions in International Law. *The American Journal of International Law*. 1960;54(2):324–347.
2. Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions: With Examples from the Case of Rhodesia. *World Politics*. 1967;19(3):378–416.
3. Василенко В. А. Международно-правовые санкции. Киев: Вища Школа; 1982. Vasilenko V. A. International legal sanctions. Kiev, Head publishing house of the publishing association «Vischa School»; 1982. (In Russ.).
4. Baldwin D. A. The Sanctions Debate and the Logic of Choice. *International Security*. 1999;(24):80–107.
5. Hufbauer G. C. Economic sanctions reconsidered. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics; 2007.

6. Крицкий К.В. Термины «международные санкции» и «односторонние ограничительные меры». *Московский журнал международного права*. 2016;(2):204–213.
Kritsky K. V. The terms “international sanctions” and “unilateral restrictive measures”. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2016;(2):204–213. (In Russ.).
7. Калинин А.В. Экономические санкции ООН и односторонние экстратерриториальные меры экономического принуждения. *Юрист-международник*. 2005;(4):30–37.
Kalinin A. V. UN economic sanctions and unilateral extraterritorial measures of economic coercion. *Yurist-mezhdunarodnik*. 2005;(4):30–37. (In Russ.).
8. Жданов Ю.Н. Принудительные меры в международном праве. Автореф. ... д-ра юрид. наук. М.; 1999.
Zhdanov Yu. N. Coercive Measures in International Law. Author’s abstract. Moscow; 1999. (In Russ.).
9. Лукашук И.И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер; 2004.
Lukashuk I. I. International responsibility law. Moscow: Walters Kluver; 2004. (In Russ.).
10. Giumelli F. Coercing, Constraining and Signalling: Explaining UN and EU Sanctions after the Cold War. ECPR Press; 2011.
11. Дораев М.Г. Экономические санкции в праве США, Европейского Союза и России. М.: Инфотропик Медиа; 2016.
Doraev M. G. Economic sanctions in the law of the United States, the European Union and Russia. Moscow: Infotropic Media; 2016. (In Russ.).
12. Кешнер М.В. Экономические санкции в современном международном праве. М.: Проспект; 2015.
Keshner M. V. Economic sanctions in modern international law. Moscow: Publishing house “Prospect”; 2015. (In Russ.).
13. Рогожина С.Г. Санкция, общие вопросы теории. *Синергия наук*. 2020;(44):294–298.
Rogozhina S. G. Sanction, general questions of theory. *Sinergiya nauk*. 2020;(44):294–298. (In Russ.).
14. Бородаенко А.А. «Санкции» и «меры» в международном праве: проблема нормативного закрепления и толкования. *Теория и практика общественного развития*. 2018;(5):127–130.
Borodaenko A. A. “Sanctions” and “measures” in international law: the problem of normative consolidation and interpretation. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2018;(5):127–130. (In Russ.).
15. Маринич С.В. Экономические санкции в международном праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.; 1989.
Marynich S. V. Economic sanctions in international law. Author’s abstract. dis. Cand. jurid. sciences. Moscow; 1989. (In Russ.).
16. Conlon P. United Nations Sanctions Management: A Case of the Iraq Sanction Committee, 1990–1994. New York; 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иван Сергеевич Пятибратов — ассистент Департамента политологии, Финансовый университет; аналитик Центра политической информации, Москва, Россия
pyatibratovi@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ivan S. Pyatibratov — Assistant at the Department of Political Sciences, Financial University; Analyst at Centre for Political Information, Moscow, Russia
pyatibratovi@gmail.com

Статья поступила 15.10.2020; принята к публикации 08.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.10.2020; accepted for publication on 08.11.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Языковая политика в странах ближнего зарубежья

Н.В. Юдина^а, М.В. Мельничук^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-7305-6959>;

^б <https://orcid.org/0000-0002-7720-7443>

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены изменения, происходящие в языковой политике стран ближнего зарубежья, направленные на укрепление национальных интересов и снижение значимости русского языка. Авторами проанализирован ряд стран постсоветского пространства с разным уровнем интеграции русского языка, происходящей под влиянием как политических, так и экономических факторов. Целью статьи является определение значимости русского языка в языковой политике стран ближнего зарубежья. Для обозначения официальной позиции органов государственной власти в области распространения русского языка были изучены особенности проводимой политики в Республике Молдова, Грузии, Казахстане и странах Прибалтики. Методология проведенного исследования базируется на общенаучных методах познания: индукции, дедукции и методе сравнительного анализа, которые подкреплены графическим методом визуализации данных. Материалы, изложенные в статье, позволяют сделать вывод об изменении языковой политики стран ближнего зарубежья и закономерном смещении акцентов с преобладания и признания русского языка в развитии многонациональных культур исследуемых стран к укреплению значимости английского языка как инструмента интеграции в мировое экономическое пространство.

Ключевые слова: языковая политика; страны ближнего зарубежья; интеграция; национальные меньшинства; русский язык

Для цитирования: Юдина Н.В., Мельничук М.В. Языковая политика в странах ближнего зарубежья. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):66-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-66-71

Language policy in Former Soviet Republics

N.V. Yudina^а, M.V. Melnichuk^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-7305-6959>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7720-7443>

ABSTRACT

The article considers the changes in the language policy of the neighbouring countries aimed at strengthening national interests and reducing the importance of the Russian language. The authors analyze several post-Soviet countries with different levels of integration of the Russian language under the influence of both political and economic factors. The purpose of the article is to determine the significance of the Russian language in the language policy of neighbouring countries. To determine the official position of state authorities on the dissemination of the Russian language in neighbouring countries, we studied the specifics of the policy in the Republic of Moldova, Georgia, Kazakhstan and the Baltic States. The methodology of the research we based on general scientific methods of cognition: induction, deduction, and comparative analysis, which are supported by a graphical method of data visualization. The materials presented in the article allow us to conclude the change in the language.

Keywords: language policy; neighbouring countries; integration; national minorities; Russian language

For citation: Yudina N.V., Melnichuk M.V. Language policy in former soviet republics. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):66-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-66-71

Языковая политика по праву признается одним из главных элементов государственной политики, направленных на признание и использование официальных языков, включая национальные языки меньшинств. После распада Советского Союза в странах ближнего зарубежья была сформирована собственная языковая политика, при которой русский язык сохранил свою значимость и распространенность, поскольку продолжал использоваться значительной частью населения [1, 2]. Однако с течением времени в силу различных геополитических факторов значимость русского языка стала снижаться, а государственная национальная языковая политика претерпела трансформацию, в результате которой русскому языку отводилось все меньшее пространство [3, с. 165].

В постсоветской *Молдове* изменение языка стало результатом языкового планирования, направленного на выбор и стандартизацию официального языка одновременно с процессом обретения независимости и перехода к демократии. В то время как русский язык служил для официального общения, а также для неформального взаимодействия между людьми, он должен был быть заменен языком большинства — молдавским.

Официальный статус, предоставленный языку большинства, воспринимался как возможное препятствие для социальной интеграции и восходящей социальной мобильности меньшинств, принявших русский язык в качестве языка общения (болгар, гагаузов, русских и украинцев) [4].

В этой связи лингвистическое обеспечение законодательства предоставило русскому языку статус языка межнационального общения и, как повествуют литературные источники, разделило общество на множество изолированных общин, что способствовало возникновению определенного конфликта между языковыми сообществами и правящей элитой [4]. Данные причины послужили предпосылкой исключения русского языка из числа предметов, являющихся обязательными в общеобразовательных школах, однако сохранили возможность использования русского языка для общения с людьми из других постсоветских стран.

Язык, признанный мощным маркером национальной идентичности, стал решающим фактором в межэтнических отношениях в процессе

национального становления *Грузии*. Реформы 80-х гг. прошлого столетия привели к резкой политизации национализма, и языковая политика Грузии трансформировалась в национальное движение за политическую независимость. Государственные реформы стали отражать прозападную и проевропейскую политику грузинского правительства (http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.ojs-doi-10_14746_pp_2014_19_3_13/c/2937-2920.pdf).

И несмотря на то что Грузия на протяжении веков была многонациональной страной, современная языковая политика стала тяготеть к укреплению государственности благодаря ограничению распространения русского языка. С учетом проводимой Грузией языковой политики, переход к грузинскому языковому образованию стал основной целью языковых реформ. Внедрение государственного языка в общее образование предусмотрено законодательством страны. Согласно статьям 4 и 7 Закона Грузии «Об общем образовании» все граждане Грузии имеют право на получение общего образования на государственном или родном языке. Тот же закон, однако, требует, чтобы государственный язык использовался в качестве языка для ведения предметной деятельности.

Вместе с тем в Грузии знание русского языка рассматривается как преимущество. Язык является хорошим инструментом для поиска работы. Кроме того, русский язык позволяет изучать первоисточники научной и публицистической литературы. Русский язык по-прежнему преподается в школах [5], а в Тбилисском университете открыта русская секция для студентов из соседних стран, которые намерены изучать Кавказское регионоведение.

В *Прибалтике* после восстановления независимости в 1990-е гг. процент русскоязычного населения был довольно высоким, особенно в Латвии (45%) и Эстонии (55%) от общей численности населения (<https://core.ac.uk/download/pdf/85219184.pdf>).

Миграционные процессы значительно повлияли на состав населения Латвии. Латышский язык играет социально-языковую роль в государстве, тем не менее, русский язык сохраняет свое значение, значительно уступая при этом английскому. Важность этих языков в языковой ситуации определяется многочисленными взаимосвязанными факторами,

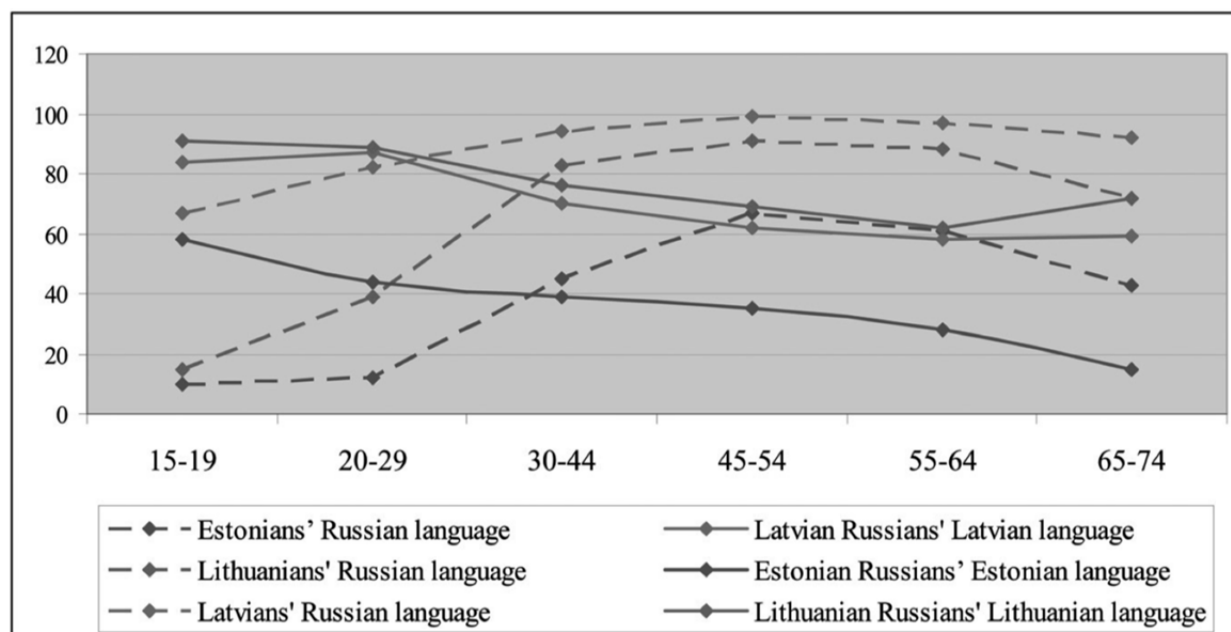

Рис. / Fig. Знание в зависимости от возраста (самооценка) активного языка в странах Балтии в 2011 г. (процент людей в каждой возрастной группе, которые утверждают, что владеют языком свободно или способны понимать, говорить и писать на опрашиваемом языке) / Knowledge by age (self-esteem) of active language in the Baltic States in 2011 (percentage of people in each age group who claim to be fluent in the language or able to understand, speak and write in the surveyed language)

Примечание: пунктирные линии – самооценка коренного населения русского языка; сплошные линии – самооценка носителями русского языка государственного языка принимающей страны.

Note: dotted lines – self-assessment of the indigenous population of the Russian language; solid lines – self-assessment by Russian speakers of the state language of the host country.

Источник / Source: URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/85219184.pdf>.

такими как владение языком среди населения, реальные социально-языковые функции языков, языковые установки и языковой статус [6]. Языки, конкурирующие с латышским, русским и английским, характеризуются несколькими особенностями (<https://core.ac.uk/download/pdf/85219184.pdf>):

- общие: оба являются «мегаязыками», широко используются в качестве международных и региональных средств общения, традиционно изучаются как языки L2;

- разные: (не) существование языковой самодостаточной языковой группы, шкала индивидуального билингвизма среди латышей, реальные социолингвистические функции, генезис контактной ситуации, лингвистическое отношение.

Повседневное использование языка является одним из аспектов языковой конкуренции [7], и конкурентоспособность латышского языка нельзя рассматривать как позитивную. Учитывая тот факт, что при общении с русскоязычными людьми латыши предпочитают

использовать русский язык, в то время как не все русскоязычные люди, знающие государственный язык, готовы его использовать [8], конкурентоспособность латышского языка может быть поставлена под угрозу.

Русский язык становится все более конкурентоспособным по сравнению с латышский языком, и современные миграционные тенденции усиливают эту конкуренцию.

Знание русского языка в прибалтийских странах представлено на *рисунке*. В Латвии знание государственного языка значительно возросло благодаря установленным требованиям к профессиональному языку, реформированной системе образования меньшинств, языковой подготовке взрослых и контролю за использованием языка в публичном пространстве.

Но лингвистические практики как русскоязычных, так и этнических латышей менялись довольно медленно: русский язык по-прежнему широко используется в полугосударственной и частной сферах, а также в межэтническом устном общении.

**Языковые практики русскоязычных в общении с носителями эстонского и латышского языков
(друзья и коллеги)**

Коммуникации на работе		Коммуникации с друзьями	
Эстонский русскими, %	Латвийский русскими, %	Эстонский русскими, %	Латвийский русскими, %
Только эстонский / латвийский	11,5	6	5
Смешанное использование	64	66	50
Только русский	24,5	28	45

Источник / Source: URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/85219184.pdf>.

Смешанное использование латышского и русского языков увеличилось на рабочих местах в пользу одноязычного общения (только на русском или только на латышском языке). В результате изменение лингвистической практики среди русскоязычных потребовало от латышей более частого переключения кода. Позиция русского языка в Латвии сильна на протяжении нескольких поколений, что может быть препятствием (мешающим русскоязычным овладеть латышским языком) или мостом (способствующим успешному общению посредством совместного использования русского языка).

Что касается Литвы, то события в этом государстве развивались несколько иначе. Учитывая, что, по данным переписи 1989 г., около 79% жителей принадлежали к коренному населению (в то время как этнические русские составляли лишь около 10%), вполне естественно, что языковая проблема в данной стране стояла менее остро, чем в Эстонии и Латвии. Соответственно, после обретения независимости Литва не ввела возрастных требований и не начала процесс натурализации, который был фактически обречен на провал в будущем. Это свидетельствует о том, что вопрос о языке в Литве носил менее политизированный характер. Знание родного языка стало обязательным, хотя оперировать на определенном уровне (в транспорте, магазинах и т.д.) на каких-либо других языках не было запрещено. Кроме того, литовское правительство приняло закон о необходимости обучения в средней школе всех желающих родному языку — независимо от их этнического происхождения (<https://core.ac.uk/download/pdf/85219184.pdf>).

В Эстонии инструментальная мотивация преобладает над интегративной ориентацией в стремлении овладеть национальным языком. Русские, владеющие эстонским языком, обычно считают свои знания государственного языка низкими. Уровень их владения эстонским языком статистически значимо связан с возрастом. Это указывает на важность личных (образовательных и экономических) ресурсов в этом отношении. Фактически владение эстонским языком в значительной степени связано с социальным статусом русскоязычных эстонцев и их уверенностью в собственных экономических перспективах (<https://rm.coe.int/language-education-policy-profile-estonia/16807b3c38>). При сравнении социального профиля тех, кто знает язык, и тех, кто обладает пассивной языковой компетенцией, очевидна более высокая социальная позиция первых (см. таблицу).

Этнические группы в *Казахстане*, говорящие на 124 языках (кроме казахского и русского), составляют всего 13,2% населения страны, и языковая ситуация явно сосредоточена вокруг двух мощных коммуникативных языков: казахского и русского. Гармоничная языковая политика изложена в проекте «Функционирование и развитие языков Казахстана на 2011–2020 годы», который обеспечивает полномасштабное функционирование государственного языка как важнейшего фактора укрепления национального единства и сохранения языков всех этносов, проживающих в Казахстане.

В настоящее время в Казахстане происходит решительная перестройка языков, особенно в изменении их доли в функционировании

и обучении. Очевидные изменения наблюдаются и в специфике применения русского языка. Кроме того, в соответствии с современными требованиями и глобализацией все больший приоритет отдается английскому языку. Русский язык занимает достаточно стабильное положение в Казахстане, а английский является языком успешной интеграции в мировую экономику и науку. Однако, помимо двух мировых языков — английского и русского — в Казахстане растет престиж китайского и турецкого языков [9].

Одним из основных направлений государственной языковой политики Казахстана является создание условий для овладения государственным языком всеми гражданами. С этой целью создаются центры обязательного бесплатного изучения государственного языка в соответствии с этническими, демографическими и профессиональными особенностями населения.

В рамках государственного планирования, а также развития государственной языковой политики в Казахстане приняты различные меры по казахизации нации. Во-первых, многочисленными нормативными актами, приказами и постановлениями о продлении функционирования казахского языка в так называемых контролируемых сферах коммуникации: государственное управление, делопроизводство, в том числе единая система электронного документооборота (которая затронула все предприятия и учреждения, независимо от формы собственности, сроки введения казахского языка в делопроизводство официально менялись несколько раз); вещание на казахском языке (по данным Министерства культуры, эфирное время на радио и телевидении на казахском

и русском языках в настоящее время равнозначно, однако качество программ казахского эфирного времени на казахском языке не составляет серьезной конкуренции русскому и пока не может существенно расширить свою аудиторию), а также создание во всех крупных учреждениях специальных отделов государственного языка со штатными переводчиками.

Во-вторых, проведена системная модернизация и расширение образовательной инфраструктуры на казахском языке, регламентация часов, отводимых на изучение казахского языка во всех типах и уровнях образовательных учреждений, повышение качества учебно-методической базы преподавания казахского языка (унификация типовых программ и системы обязательной аттестации владения казахским языком, лексикографическое сопровождение, массовое издание учебных материалов для различных категорий обучающихся), развитие интернет-ресурсов и дистанционного обучения, внедрение компьютерных обучающих программ в образовательный процесс и др. [10]

Таким образом, анализ развития языковой политики в странах ближнего зарубежья демонстрирует явную переориентацию государственной политики в сферу укрепления национальных интересов и снижения значимости русского языка. Данная тенденция представляется закономерной, поскольку новое поколение, определяющее современные тенденции государственной политики, больше ориентировано на прозападную интеграцию. Однако на протяжении длительного времени русский язык остается востребованным среди населения ближнего зарубежья и продолжает изучаться в образовательных учреждениях ряда стран.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильев А. Д. Российская языковая политика. 1991–2005 гг. Монография. Красноярск; 2008. 176 с.
2. Шепелёв А. Н. Роль языковой политики в современной России. *Вестник Тамбовского университета. Серия. Гуманитарные науки*. 2015;10(150):168–172.
3. Худоренко Е. А. Языковая политика России в контексте евразийской интеграции. *Политическая наука*. 2020;(2):163–182.
4. Bodean O., Soltan A. Language policy dimensions for social cohesion in Moldova: The case of gagauz autonomy. URL: https://www.vdu.lt/cris/bitstream/20.500.12259/870/1/ISSN_2335-2027_2014_N_4_PG_25-45.pdf.
5. Боргояков С. А., Бозиев Р. С. Языковое образование и национально-языковая политика России. *Педагогика*. 2018;(11):3–15.
6. Володарская Э. Ф. Модели языковой политики стран мира: сравнительно-типологический анализ. *Вопросы филологии*. 2009;1(31):24–45.

7. Низгулов Т.С. Юридические основы современной языковой политики России. Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: сборник. Пермский государственный национальный исследовательский университет; 2014.
8. Рязанцев С.В. Эмигранты из России: русская диаспора или русскоговорящие сообщества? *Социологические исследования*. 2016;(12):84–94.
9. Шамне Н.Л. Культурно-языковая и социальная адаптация мигрантов. *Власть*. 2013;(6):44–47.
10. Shelestyuk E. A review of literature on the language policy of imperial Russia and the modern linguistic situation. *Quaestio Rossica*. 2019;7(3):939–954.

REFERENCES

1. Vasilev A. D. Russian language policy 1991–2005. Monograph. Krasnoyarsk; 2008. 176 p. (In Russ.).
2. Shepelyov A. N. The role of language policy in modern Russia. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya. Gumanitarnye nauki*. 2015;10(150):168–172. (In Russ.).
3. Hudorenko E. A. Language policy of Russia in the context of Eurasian integration. *Politicheskaya nauka*. 2020;(2):163–182. (In Russ.).
4. Bodean Olesea, Soltan Angela. Language policy dimensions for social cohesion in Moldova: The case of gagauz autonomy. URL: https://www.vdu.lt/cris/bitstream/20.500.12259/870/1/ISSN_2335-2027_2014_N_4_PG_25-45.pdf.
5. Borgoyakov S. A., Bozиеv R. S. Language education and national language policy of Russia. *Pedagogika*. 2018;(11):3–15. (In Russ.).
6. Volodarskaya E. F. Models of the language policy of the countries of the world: a comparative typological analysis. *Voprosy filologii*. 2009;1(31):24–45. (In Russ.).
7. Nizgulov T. S. Legal foundations of modern language policy in Russia. Philology in the XXI century: methods, problems, ideas: collection. *Permskij gosudarstvennyj nacionalnyj issledovatel'skij universitet*; 2014. (In Russ.).
8. Ryazancev S. V. Emigrants from Russia: Russian Diaspora or Russian-Speaking Communities? *Sociologicheskie issledovaniya*. 2016;(12):84–94. (In Russ.).
9. Shamne N. L. Cultural, linguistic, and social adaptation of migrants. *Vlast*. 2013;(6):44–47. (In Russ.).
10. Shelestyuk E. A review of literature on the language policy of imperial Russia and the modern linguistic situation. *Quaestio Rossica*. 2019;7(3):939–954.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наталья Владимировна Юдина — доктор филологических наук, профессор, Финансовый университет, Москва, Россия
NVYudina@fa.ru

Марина Владимировна Мельничук — доктор экономических наук, кандидат педагогических наук, профессор, Финансовый университет, Москва, Россия
MVMelnichuk@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Natalia V. Yudina — Cand. Sci. (Philology), Professor, Financial University, Moscow, Russia
NVYudina@fa.ru

Marina V. Melnichuk — Cand. Sci. (Econ.), Professor, Financial University, Moscow, Russia
MVMelnichuk@fa.ru

Статья поступила 02.11.2020; принята к публикации 30.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 02.11.2020; accepted for publication on 30.11.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-72-75
УДК 32.019.51(045)

Проблема вовлечения иностранных обучающихся в позитивный для России дискурс*

А.А. Сучилина^а, Д.А. Шеховцова^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-0513-2331>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-6471-2291>

АННОТАЦИЯ

Рост академической мобильности создает дополнительные возможности для продвижения позитивного образа России в мире за счет вторичной политической социализации иностранных студентов. Исходя из тезиса о том, что уровень лояльности обучающихся по отношению к политическому курсу современной России напрямую зависит от степени их осведомленности о деятельности властей РФ, было проведено пилотажное исследование социально-политических установок иностранных студентов Финансового университета. Мониторинг показал, что стремление иностранных студентов интегрироваться в российский социум обусловлено не только представлением о месте России на современной политической арене, но и оценкой роли нашей страны в мировой истории и культуре.

Ключевые слова: академическая мобильность; иностранные студенты; пророссийский дискурс; политическая социализация; «мягкая сила»; культурный профиль; мониторинг общественно-политических установок

Для цитирования: Сучилина А.А., Шеховцова Д.А. Проблема вовлечения иностранных обучающихся в позитивный для России дискурс. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):72-75. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-72-75

ORIGINAL PAPER

The Problem of Involving International Students in a Positive Discourse for Russia**

A.A. Suchilina^а, D.A. Shehovtsova^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-0513-2331>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-6471-2291>

ABSTRACT

The growth of academic mobility creates additional opportunities for promoting a positive image of Russia in the world through the secondary political socialization of international students. We carried out a pilot study of the socio-political attitudes of international students at Financial University. It was based on the thesis that the level of student loyalty in relation to the political course of modern Russia directly depends on the degree of their awareness of the activities of the authorities of the Russian Federation. The monitoring showed that the desire of international students to integrate into Russian society is due not only to the idea of Russia's place in the modern political arena but also to the assessment of the role of our country in world history and culture.

Keywords: academic mobility; foreign students; pro-Russian discourse; political socialization; "Soft power"; cultural profile; monitoring of socio-political attitudes

For citation: Suchilina A.A., Shehovtsova D.A. The problem of involving international students in a positive discourse for Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):72-75. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-72-75

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2020 г.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University in 2020.

К числу преимуществ расширяющейся академической мобильности относятся не только получение дохода и продвижение российских вузов на мировом рынке образовательных услуг, но и возможность распространения позитивного для России дискурса за пределами ее территории, формирование пророссийски настроенных групп граждан — потенциальных агентов влияния. Для реализации этих задач необходимо обеспечить должную политическую социализацию иностранных студентов в период их обучения в РФ, а также создать прочные корпоративные связи на базе альма-матер.

В условиях информационных и санкционных войн образование становится действенным инструментом «мягкой силы» [1]. Важно прочно укоренить позитивный образ России в сознании иностранных обучающихся. Набор конкретных мероприятий зависит от культурного профиля студентов [2], но, в любом случае, необходимы превентивные действия по адаптации иностранных обучающихся в нормативно-ценностное поле российской цивилизации и недопущение их вовлечения в деструктивную активность.

Практика показывает, что молодежь является основной социальной базой протестных движений, в том числе, может пытаться участвовать в подобных акциях, находясь на территории других государств, особенно если имеет подобный бэкграунд на родине. Так, например, на прошедших в Москве в июле-августе 2019 г. несанкционированных митингах и пикетах «за свободные выборы в Мосгордуму», которые можно считать отработкой различных сценариев протестной активности и «подготовкой» к парламентским выборам 2021 г., были замечены, в том числе, иностранцы. Задача органов государственной власти и вузов состоит в том, чтобы минимизировать риски, эффективно противодействовать эверсионным политическим технологиям на своей территории, не допустить формирования протестных молодежных сетей, и, в частности, вовлечения в них иностранных студентов. Необходимо «сыграть на опережение», с первых дней нахождения иностранных студентов в российских вузах вовлечь их в позитивную провластную повестку, традиционную систему ценностных координат российского социума с тем, чтобы иностранные обучающиеся не только демонстрировали лояльность системе, но и становились ее приверженцами, ходили на акции, подобные «Бессмертному полку», а не «Бесконечному протесту».

В качестве одного из государственных приоритетов России на сегодняшний день заявлено развитие волонтерского движения и социально ориентированных некоммерческих организаций (НКО), нацеленных на

международное сотрудничество. Ряд вузов успешно использует волонтерские проекты для социализации иностранных обучающихся, в частности, медицинские учебные заведения. Иностранные студенты в России активно вовлекаются в медицинское волонтерство по линии всероссийской общественной организации «Волонтеры-медики», деятельность которой стала особенно заметной в условиях пандемии коронавируса. Участие студентов-иностранцев в волонтерском движении дает им возможность не только получать первичные профессиональные навыки, но и способствует самореализации, ускоряет процесс их социализации в России. В условиях коронавируса Ассоциация волонтерских центров запустила акцию «Мы вместе». Подобная деятельность, несомненно, служит и интересам политической социализации, создавая, с одной стороны, чувство сопричастности происходящему в российском социуме, культивируя традиционные ценностные установки — коллективизм, милосердие, взаимопомощь, с другой стороны, обеспечивая лояльность и одобрение повестки, формируемой органами власти и управления.

На обучение в Россию, как правило, приезжают молодые люди 17–18 лет, уже прошедшие этапы первичной социализации у себя на родине. Преодолев, в соответствии с теорией Д. Истопа и Дж. Дениса, фазы примитивной политизации, персонализации политики, идеализации власти и, наконец, деперсонализированных представлений о политике, политическое сознание подростка начинает приобретать систематизированный характер. К совершеннолетию человек, как правило, имеет более-менее сформировавшееся политическое мировоззрение, детерминирующее его поступки и высказывания, влияющее на выбор жизненного пути и приоритетов. Для этого возраста характерен юношеский максимализм с ярко выраженными политическими симпатиями и антипатиями в формате бинарных оппозиций.

Новый этап политической социализации студента, приехавшего на обучение, осложняется наличием стереотипов, уже сформированных ценностных ориентаций и приоритетов в иной культурной среде. В связи с чем актуализируется проблема мониторинга общественно-политических установок иностранных обучающихся и поиска модели эффективного вовлечения их в позитивный для РФ дискурс.

На примере иностранных обучающихся Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации было проведено пилотажное исследование, показавшее, что иностранные студенты — это молодые люди в возрасте от 17 до 26 лет, оценивающие

свое материальное положение преимущественно как среднее (40,5%), которые хорошо говорят, пишут и читают на русском языке (83,3%). Россию, как страну, предоставляющую образовательные услуги, студенты выбрали благодаря опыту близких и знакомых (66,7% респондентов имеют родственников или друзей, которые ранее получали образование в России и имеют положительный опыт пребывания в стране). Обучающиеся демонстрируют высокий уровень социально-психологической адаптации, участвуют в общественной жизни университета, успешно подвергаются вторичной социализации в контексте пророссийского дискурса. Тем не менее стоит отметить, что довольно существенная часть студентов не склонна вступать в какие-либо университетские и иные организации, клубы или студии (38,1%), ограничиваясь исключительно участием в мероприятиях. Во время пребывания в России внимание студентов главным образом направлено на обучение, тем не менее, они стремятся закрепиться на российском рынке труда: 16,7% учащихся работают неполный день, 4,8% стажируются, а 7,1% совмещают учебу и работу на полную ставку.

Для поиска эффективных методов политической социализации студентов был проведен мониторинг их социально-политических аттитюдов, показавший, что в систему ценностей иностранных обучающихся входят преимущественно такие принципы, как справедливость и равноправие (73,8%), а также максимальный круг личных прав и свобод (свобода слова, передвижения, торговли и предпринимательства — 54,8%).

Предполагая, что получение информации из российских СМИ ускоряет вовлечение обучающихся в позитивный для России дискурс, авторы уточнили перечень источников информации о России. 76,2% обучающихся при поиске информации о событиях, происходящих непосредственно в нашей стране, обращаются к российским источникам, в качестве ведущего из которых выступают интернет-ресурсы (90,5%). Доверием у студентов пользуются такие площадки, как РБК (33,3%), ТАСС (23,8%) и RussiaToday (23,8%). Стоит отметить, что большая доля респондентов не доверяет российскому телевидению (38,1%), тем не менее, студенты, обращаясь к данному виду источника, отдают предпочтение таким каналам как Первый (35,7%), Россия 24 (35,7%) и Россия 1 (26,2%). Указанные телеканалы пользуются особой популярностью у студентов африканского и постсоветского профилей [2]. В число наиболее часто используемых источников информации вошли российские блоги (33,3%), что может быть обусловлено влиянием однокурсников,

которые также выступают в роли источника информации — 54,8% иностранных студентов прислушиваются к мнению своих русских друзей и знакомых. Студенты следят за каналами таких блогеров, как Юрий Дудь (47,6%) и Алексей Навальный (26,2%). К источникам информации своей страны при изучении российской повестки обращается только 11,9% респондентов. Такой же процент студентов использует иные иностранные источники информации. Обучающиеся, использующие российские источники, склонны с большим одобрением оценивать внутривнутриполитический курс и международное положение современной России (81,3% к 60% и 71,9% к 60%, соответственно), что подтверждает гипотезу о зависимости степени лояльности от источника информации.

Результаты исследования показали, что в пророссийский дискурс, в первую очередь, вовлечены обучающиеся постсоветского и африканского профилей, которые чаще всего положительно оценивают деятельность общественно-политических институтов России. Особым уважением пользуются российская армия (87,6%), Президент Российской Федерации (76,2%), Правительство РФ (73,8%) и представители бизнеса (73,8%). Президента России учащиеся характеризуют как сильного лидера (73,8%), патриота (42,9%), хорошего политика (52,4%) с консервативными убеждениями (28,6%). Стоит отметить, что интегральный образ России в восприятии иностранных студентов позитивный: наша страна характеризуется как союзник (33,3%), источник помощи (31%), друг (31%) и третейский судья (21,4%). В то же время Россия не рассматривается как надежный бизнес-партнер, только 11,9% респондентов характеризует государство в данном ключе, преимущественно это студенты Узбекистана и Болгарии. 61,9% обучающихся придерживаются мнения, что Россия является сильным игроком на мировой арене, который может оказывать влияние на мировые экономические и политические процессы; 33,3% считают, что Россия имеет значимый вес на мировой арене, но пока не может оказывать существенное влияние на мировые процессы, однако способна воздействовать на конкретные страны, в частности, на Беларусь (69%), Казахстан (57,1%), Сирию (47,6%), Украину (40,5%) и Узбекистан (38,1%).

Кроме того, результаты исследования демонстрируют одобрение внешней политики Российской Федерации, так, например, на вопрос об отношении к действиям, направленным на урегулирование сирийского кризиса со стороны России, 52,4% высказали свое одобрение (14,3% затруднились ответить, 21,4% не слышали о каких-либо действиях, предпринимаемых Россией).

Исследование показало высокий уровень интереса обучающихся к событиям, происходящим внутри России: так, о проведенном летом 2020 г. голосовании о внесении изменений в Конституцию РФ слышало 92,9% респондентов, большая часть из которых читали высказывания экспертов на сей счет и имеют собственную точку зрения (67,5%). На вопрос об отношении к данной инициативе мнения респондентов разделились: только 7,5% высказали свое однозначное одобрение, 20% в целом согласны с изменениями, 15% студентов сомневаются в правильности введения поправок и 25% полностью не согласны с поправками. Стоит отметить, что 32,5% опрошенных воздержались от комментария данного события.

Образ России в сознании студентов дополняется представлением о ее роли в исторической ретроспективе, например, 76,2% опрошенных считают, что наша страна внесла решающий вклад в победу во Второй мировой войне. Обучающиеся обращают

внимание на факты сотрудничества России с их родной страной в этом и других исторических событиях: 38,1% респондентов на вопрос «Можете ли вы назвать историческое(–ие) событие(–я), в которых Россия была союзницей вашего государства?» ответили, что могут назвать целый ряд таких примеров, и 38,1% могут припомнить одно событие, когда Россия выступала в роли союзника их родной страны. Результаты проведенного исследования показали — иностранные студенты благоприятно настроены по отношению к России, что подтверждают планы большинства из них остаться после завершения обучения и продолжить образовательную или трудовую деятельность в РФ (80,9%). С одной стороны, эти данные свидетельствуют об эффективности существующих методов политической социализации иностранных студентов. С другой стороны, они идут в разрез с задачами политики «мягкой силы», предполагающей использование иностранных обучающихся как кадрового резерва РФ за рубежом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Осинина Д. Д. Отечественный и зарубежный подходы к работе со студентами-иностранцами: «кадровый резерв» VS «мягкой силы». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019; 9(6): 30–37.
2. Расторгуев С. В., Волхонская З. И. Методология исследования общественно-политических установок иностранных студентов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4): 6–13.

REFERENCES

1. Osinina D. D. Domestic and foreign approaches to working with foreign students: “Personnel reserve” vs “Soft power”. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019; 9(6): 30–37. (In Russ.).
2. Rastorguev S. V., Volkhonskaya Z. I. Methodology for the study of social and political attitudes of foreign students. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanitarian sciences. Financial University Bulletin*. 2020; 10(4): 6–13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анна Александровна Сучилина — доцент Департамента политологии, заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций по учебной работе, Финансовый университет, Москва, Россия
AASuchilina@fa.ru

Дарья Алексеевна Шеховцова — специалист по учебно-методической работе факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
DAShehovtsova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Anna A. Suchilina — Associate Professor, Department of Political Sciences, Deputy Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass, Financial University, Moscow, Russia
AASuchilina@fa.ru

Daria A. Shekhovtsova — a specialist in educational and methodological work, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
DAShehovtsova@fa.ru

Статья поступила 15.11.2020; принята к публикации 05.12.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.11.2020; accepted for publication on 05.12.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-76-80
УДК 32(045)

Историко-политические акцентировки в процессе пророссийской адаптации и социализации иностранных студентов*

А.Б. Шатилов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются историко-политические аспекты работы с иностранными обучающимися в плане их адаптации к российской действительности и формирования у них устойчивого позитивного отношения к Российской Федерации как к одному из лидеров мировой политики, экономики и образования. При этом анализируется специфика акцентировки в политической социализации студентов различного культурно-мировоззренческого профиля, предлагаются варианты поиска компромиссных, консолидирующих начал.

Ключевые слова: иностранные студенты; академическая мобильность; «мягкая сила»; адаптация; политическая социализация; культурно-мировоззренческий профиль; политическая культура

Для цитирования: Шатилов А.Б. Историко-политические акцентировки в процессе пророссийской адаптации и социализации иностранных студентов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):76-80. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-76-80

ORIGINAL PAPER

Historical and Accentuations Political in the Process of Pro-Russian Adaptation and Socialisation of International Students**

A.B. Shatilov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>

ABSTRACT

The article examines the historical and political aspects of working with international students in terms of their adaptation to Russian reality and the formation of a stable positive attitude towards the Russian Federation as one of the leaders of world politics, economics and education. At the same time, the specificity of the emphasis in the political socialisation of students of various cultural and world outlook profiles analysed by the author. Finally, the author offered options for finding compromise, consolidating principles.

Keywords: international students; academic mobility; “Soft power”; adaptation; political socialisation; cultural and ideological profile; political culture

For citation: Shatilov A.B. Historical and accentuations political in the process of pro-Russian adaptation and socialisation of international students. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):76-80. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-76-80

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2020 г.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University in 2020.

Последние годы ознаменовались резким, хотя и латентным обострением конкуренции между великими державами на международной арене. Более того, целый ряд исследователей и экспертов полагают, что речь идет о новой холодной войне, в которой уже не два, а три главных участника — США, КНР и Российская Федерация [1, 2]. При этом «правила игры», сложившиеся в настоящее время, схожи с прежними и подчиняются базовым правилам:

- Исключение прямого военного столкновения между «официальными» вооруженными силами во избежание даже самой вероятности начала «горячей» войны с возможным применением ядерного оружия.

- Использование в геополитическом противоборстве «чужих рук» (ЧВК, силового потенциала своих союзников, различного рода «партизанских» вооруженных формирований).

- Борьба за благоприятное общественное мнение в мировом сообществе, создание себе максимально позитивного имиджа и максимальная дискредитация оппонента(ов).

- Создание себе во внешней среде «пула доброжелателей», готовых вольно или невольно выступать в качестве проводников мировоззренческой и/или идеологической повестки, как на уровне своих государств, так и на наднациональном уровне.

При этом последние два пункта тесно увязаны с принципами «мягкой силы», которая предполагает активное использование в продвижении национальных интересов неполитических каналов и коммуникаций. В частности, в последние годы практически все великие державы концентрируют свои усилия на направлениях внешней образовательной политики и академической мобильности. Невзирая на гуманитарное обоснование подобной деятельности, их интерес к данным сферам сугубо прагматичен — подготовить из иностранных студентов (отчасти — из иностранных преподавателей) если не прямых агентов влияния, то, по крайней мере, лоялистов, доброжелательно настроенных по отношению к принимающей стране. США и ряд их союзников (Франция, Германия, Великобритания, Япония, Австралия) уже давно озаботились созданием такого «кадрового резерва», Китай реализует подобную политику с начала 2000-х гг., а вот Российская

Федерации лишь совсем недавно стала рассматривать сферу академической мобильности в политическом плане (до этого в постсоветское время доминировал сперва гуманитарный, а потом коммерческий подход) [3].

При этом процесс политической социализации и адаптации иностранных студентов требует очень тонкой настройки и дифференцированного подхода. Кроме того, в этом процессе стоит избегать нравоучительности, категоричности оценок и работы «на негативе». Диалог должен выстраиваться в позитивном и доверительном ключе, тезисы — подкрепляться фактами (желательно нестандартными и яркими). Необходимо продумать ответы на «неудобные» вопросы и контраргументацию. Одновременно важно найти консолидирующие начала с иностранными студентами, причем как в прошлом, так и настоящем, а затем сделать соответствующие акценты в образовательном процессе и процессе социализации.

В рамках НИР «Политическая социализация иностранных студентов, обучающихся в российских вузах», подготовленной в Финансовом университете в 2020 г., выделяется целый ряд культурно-мировоззренческих профилей иностранных студентов [4]. Для каждого из них можно предложить свои особые акцентировки с учетом специфики их политической культуры и текущих идеологических ориентаций.

К «западному профилю» можно отнести студентов из стран Западной и Центральной Европы, США, Канады, Австралии, а в качестве промежуточной группы — абитуриентов из республик Прибалтики. В целом их отношение к России является нейтрально-настороженным. Если брать этот профиль, то здесь важно донести до студентов следующие месседжи:

- Россия — страна, сделавшая свой «европейский» выбор еще при Петре I и Екатерине II, и лишь в силу упорного нежелания Запада интегрировать ее в свою «семью» вынужденная занимать оборонительные позиции.

- Россия традиционно является гарантом безопасности Европы, начиная с древности (когда русские земли приняли основной удар со стороны монголов, существенно ослабив их военный потенциал) до Второй мировой войны, когда именно Советский Союз выступил в качестве лидера антигитлеровской коалиции и заплатил наибольшую цену за победу над нацизмом (здесь же можно остано-

виться на теме боевого братства СССР, США, Великобритании, Франции).

- В настоящий момент Россия продолжает выступать в качестве «щита» Европы, являясь вот уже два десятилетия одним из лидеров борьбы с международным терроризмом.

- Россия исторически входит в европейское культурное, образовательное и научное пространство, более того, внесла значительный вклад в фундаментальное европейское наследие (русская классическая литература, балет, театр, космонавтика и др.).

- Современная Российская Федерация, невзирая на войну санкций, до сих пор активно взаимодействует с Западом, выполняя целый ряд важных миссий. В частности, обеспечивает энергетическую безопасность ЕС, выступает в роли одного из ведущих миротворцев в целом ряде «горячих точек» планеты и т.д.

- Российская Федерация, преодолев кризисный период «лихих 90-х», вновь вошла в число международных лидеров в политике, экономике, науке и технологиях (здесь имеет смысл привести конкретные и актуальные примеры).

«Латиноамериканский профиль» охватывает студентов из стран Южной и Центральной Америки. Их отношение к России является умеренно-благожелательным как к особой антизападной или незападной цивилизации.

В отношении этой группы требуется представить несколько иные акценты, более значимые и понятные для данной студенческой аудитории:

- Необходимо подчеркнуть основополагающую роль СССР в процессе деколонизации стран «третьего мира» во второй половине XX в.

- Привести примеры активной поддержки Советским Союзом освободительной борьбы в Южной и Центральной Америке (Куба, Никарагуа, Венесуэла, Чили, Гренада).

- Обозначить, что современная Россия, будучи преемницей СССР, и ныне выступает в качестве политической и духовной альтернативы либеральной глобализации «по-американски», отстаивает в мировой политике и экономике идеалы равенства и справедливости.

- При этом стоит подчеркнуть мощь и высокий статус Российской Федерации на международной арене, продемонстрировать

на примерах ее потенциал противодействия «цивилизации гринго».

К «*Постсоветскому профилю-1*» авторы НИР отнесли студентов из Украины, Беларуси, Молдовы (включая Приднестровье, ДНР, ЛНР). Установочное отношение у них к России от нейтрально-благожелательного (непризнанные государства) до нейтрально-настороженного.

Для этой группы консолидирующим началом являются достижения Российской империи и особенно СССР. При этом основной акцент должен делаться на победе в Великой Отечественной войне (с примерами героизма представителей разных народов). Достаточно выигрышными, с точки зрения поиска точек соприкосновения, являются также темы совместной борьбы с иностранными завоевателями прошлого (монголы, Речь Посполитая, Наполеон), а также примеры славянского братства и общего дела.

Что же касается современности, то здесь необходимо акцентировать внимание на трагедии распада СССР и последовавшей за этим всеобщей политической смуте на постсоветском пространстве, нанесшей колоссальный урон всем республикам. При этом целесообразно отметить, что Российская Федерация удачнее и быстрее других преодолела кризис, уже в начале 2000-х гг. вернув себе статус великой державы. Соответственно, далее важно с конкретными примерами продемонстрировать современные политические, экономические, образовательные, военно-технические достижения нашей страны. Кроме того, имеет смысл подчеркнуть высокий уровень межнационального мира и согласия в Российской Федерации, а также сохранение в качестве ее базовых культурных основ здоровых традиционных ценностей в противовес псевдотолерантной неолибертарианской западной цивилизации.

«*Постсоветский профиль –2*» составляют студенты из стран Закавказья (Грузия, Армения, Азербайджан) и Центральной Азии (Туркменистан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан). Их установочное отношение к России находится в широком диапазоне: от благожелательного или нейтрально-благожелательного до отчужденного (что не исключает рационального понимания выгоды от получения российского высшего образования).

Здесь, опять же, «растопить лед недоверия» поможет тематика, связанная с достижениями

Российской империи и Советского Союза, в том числе, в деле взаимопроникновения культур и развития окраин, а также создания наднациональной элиты, органично включавшей в себя представителей различных народов и этносов. Одновременно стоит делать акцент на теме совместной борьбы с иностранными завоевателями, а также теме дружбы и братания различных народов (как на государственном, так и на бытовом уровне) Евразии.

Схожим с «Постсоветским культурным профилем-1» является рассмотрение и обсуждение событий современности. Здесь также важно продемонстрировать лидерские позиции России, как на постсоветском пространстве, так и в рамках мирового сообщества, сбалансированный и органичный (особенно на контрасте с другими бывшими советскими республиками) характер ее политической и экономической системы.

«Китайский профиль» включает в себя как собственно китайских студентов, так и выходцев из Юго-Восточной Азии (прежде всего, вьетнамцев). Их установочное отношение к России является либо нейтральным, либо благожелательным — с одной стороны, они планируют получить в нашей стране образование и знания по доступной цене (или бесплатно — для вьетнамцев), встроиться в земляческие сети, заработать деньги, с другой стороны, и КНР, и Вьетнам официально являются союзниками РФ, соответственно, официально-позитивное отношение в этих странах к России отражается и на студентах.

Консолидирующими моментами в общении с данной категорией иностранных студентов являются военно-политические события прошлого. Это и совместная победа над милитаристской Японией, и партнерство между СССР и КНР в 1930–1950-х гг., и совместное боевое братство в ходе Корейской войны 1950–1953 гг., и поддержка Советским Союзом борьбы вьетнамского народа сначала против французских, а потом — американских захватчиков.

Современные консолидирующие и позитивные моменты — это борьба с гегемонией и униполярностью США, активное экономическое партнерство, стабилизирующая роль РФ и КНР в СБ ООН, партнерство в борьбе с коронавирусом, борьба с идеологией глобального либерального порядка, совместная защита традиционных ценностей.

«Южный профиль» включает студентов из Индии, Шри-Ланки, Малайзии. Их изначальное отношение к России — благожелательное, как к великой (во многом загадочной) стране, где можно получить хорошие знания по доступной цене и вернуться на родину профессионалами.

При этом в рамках политической адаптации и социализации студентов этого профиля также целесообразным является концентрация их внимания на борьбе СССР против колониальной системы в XX в. и поддержке национально-освободительной борьбы в странах «третьего мира» в 1920–1980-х гг. Современность оптимально трактовать следующим образом: Россия — защитница идеалов справедливости и многополярности, духовная и политическая альтернатива западной глобализации и американской гегемонии, мощная супердержава.

«Арабский профиль» включает студентов из стран Ближнего Востока, Ирана, Турции, Северной Африки. Их установочное отношение к России в диапазоне от сдержанного и подозрительного (как к «неисламской» стране) до нейтрально-благожелательного, как к стране, где можно дешево (иногда даже бесплатно) получить отличные знания, которые позволят сделать успешную карьеру по возвращении на родину.

Исторические консолидирующие акцентировки здесь видятся следующим образом: борьба СССР против колониальной системы в XX в., поддержка арабских стран в 1950–1980-х гг. в их противостоянии с Израилем и Западом, широкая финансовая и экономическая помощь арабским странам социалистической ориентации (и не только им) в деле развития собственного промышленного и сельскохозяйственного потенциала, а также здравоохранения, образования и культуры. Что касается современности, имеет смысл делать упор на тему альтернативности многосоставной культуры России западной унифицирующей цивилизации и ее ведущей роли в борьбе с «цветными революциями».

«Африканский профиль» включает студентов из стран Африки южнее Сахары. Установочное отношение к России: преимущественно благожелательное (на это влияют и имидж нашей страны как традиционного партнера африканских государств, и вполне рациональные надежды на получение статусной и сильной

профессиональной подготовки). Здесь необходимо заострить внимание на следующем:

- Исторический фон: Борьба СССР против колониальной системы в XX в., широкая финансовая и экономическая помощь африканским странам социалистической ориентации в 1960–1980-х гг., категорическое неприятие расизма и апартеида.

- Современный фон: Россия как защитница идеалов справедливости, духовная и политическая альтернатива неоколониализму, либеральной глобализации и западной геге-

монии. Возвращение России в качестве мощного актора в большую африканскую политику и экономику.

Таким образом, дифференцированная политическая, идеологическая и мировоззренческая акцентировка в процессе адаптации и социализации иностранных студентов позволит снять у них страхи и фобии в отношении Российской Федерации, а также даст возможность выстроить необходимую компромиссную базу для дальнейшего развития диалога с ними, как в рамках вуза, так и за его пределами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Караганов С. Новая Холодная война. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novaya-holodnaya-vojna/>.
2. Никонов В. Холодная война 2.0? Но закончилась ли первая? URL: https://ng-ru.turbopages.org/ng.ru/s/ideas/2020-10-22/6_7997_coldwar.html
3. Шатилов А. Б., Заугаров В. В. Академическая мобильность как фактор «мягкой силы» Российской Федерации: пути совершенствования. *Власть*. 2019;6(27):30–34.
4. Расторгуев С. В., Волхонская З. И. Методология исследования общественно-политических установок иностранных студентов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):6–13.

REFERENCES

1. Karaganov S. New Cold War. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novaya-holodnaya-vojna/>. (In Russ.).
2. Nikonov V. Cold War 2.0? But was the first one over? URL: https://ng-ru.turbopages.org/ng.ru/s/ideas/2020-10-22/6_7997_coldwar.html. (In Russ.).
3. Shatilov A. B., Zaugarov V. V. Academic mobility as a factor of “soft power” of the Russian Federation: ways of improvement. *Vlast*. 2019;6(27):30–34. (In Russ.).
4. Rastorguev S. V., Volkhonskaya Z. I. Methodology for the study of social and political attitudes of international students. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):6–13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Борисович Шатилов — кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
ashatilov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexandr B. Shatilov — Cand. Sci. (Political Sciences), Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communication, Financial University, Moscow, Russia
ashatilov@fa.ru

Статья поступила 16.11.2020; принята к публикации 10.12.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 16.11.2020; accepted for publication on 10.12.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-81-92

УДК 331.552;614.2(045)

Факторы формирования карьерных траекторий медицинских работников в России

Н.В. Аликперова^а, А.В. Ярашева^б, К.В. Виноградова^с

^а Финансовый университет, Москва, Россия; НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента ДЗМ, Москва, Россия;

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;

^{б,с} НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента ДЗМ, Москва, Россия;

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-5028-078X>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-6041-7700>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-8857-8135>

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается вопрос формирования карьерных стратегий медицинских работников, а также факторов, влияющих на их формирование. На основе данных социологического опроса, проведенного в Москве в 2019 г. в ходе реализации проекта «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения», были рассмотрены социально-демографические, профессионально-квалификационные и психологические (психоэмоциональные) факторы. Три группы выделенных факторов на практике неразделимы и действуют не просто одновременно, но усиливают или нивелируют друг друга, проявляясь в разной степени (в зависимости от индивидуальных качеств отдельного сотрудника, от условий и места жительства/работы, от стартовой позиции начала образовательной и трудовой жизни и т.д.). Авторами выявлены три наиболее распространенные модели карьерных траекторий, предпочитаемые медицинским персоналом.

Ключевые слова: карьера медицинских работников; карьерные стратегии; карьерное развитие; факторы карьерного роста

Для цитирования: Аликперова Н.В., Ярашева А.В., Виноградова К.В. Факторы формирования карьерных траекторий медицинских работников в России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):81-92. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-81-92

ORIGINAL PAPER

Factors of Formation of Career Trajectories of Medical Workers in Russia

N.V. Alikperova^а, A.V. Yarasheva^б, K.V. Vinogradova^с

^а Financial University, Moscow, Russia;

Research Institute for Healthcare Organization and Management, Moscow, Russia;

Institute of Social and Economic Studies of Population of FCTAS of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

^{б,с} Research Institute for Healthcare Organization and Management, Moscow, Russia;

Institute of Social and Economic Studies of Population of FCTAS of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-5028-078X>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-6041-7700>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-8857-8135>

ABSTRACT

This article discusses the formation of career strategies of medical professionals, as well as factors that influence their formation. Based on the data of a sociological survey conducted in Moscow in 2019 during the implementation of the project "Development of the capital's healthcare personnel potential", the following factors were considered: socio-demographic; professional qualification; psychological (psycho-emotional). All three groups of selected factors, if analysed separately, are inseparable in practice, and do not act simultaneously. But they can often strengthen or level each other, manifesting themselves to different degrees (depending on the individual qualities of an individual employee, on the conditions and place of residence/work, on the starting position of the beginning of educational and working life, etc.). We identified the three most common models of career paths preferred by medical personnel.

Keywords: career of medical professionals; career strategies; career development; career growth factors

For citation: Alikperova N.V., Yarasheva A.V., Vinogradova K.V. Factors of formation of career trajectories of medical workers in Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):81-92. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-81-92

Успешно выстроенная трудовая стратегия в любой сфере деятельности выступает залогом профессионального роста и материального благополучия. Изучение вопросов движения работников российского здравоохранения по карьерной лестнице находит отражение в научных публикациях как общего характера [1, 2], так и посвященных отдельным аспектам формирования трудовых траекторий врачей и среднего медперсонала [3, 4].

Понятие «карьера» многозначно. Это и индивидуальный путь человека, и способ достижения результата в основной форме личностного самовыражения, и достигнутый человеком результат и социальный статус. В узком смысле карьера связана с трудовой и профессиональной деятельностью человека.

Одной из общепризнанных зарубежных теорий карьеры является теория Д. Сьюпера, которую он представил в виде «радуги жизненных карьер» [5]. Д. Сьюпер определил понятие «карьера» в его самом полном и всеобъемлющем смысле как последовательность и комбинацию ролей, которые человек выполняет в течение всей жизни. В теории Сьюпера утверждается, что важнейшей детерминантой профессионального пути человека является его представление о своей личности — так называемая профессиональная «Я-концепция», которую каждый человек в жизни воплощает в серии карьерных решений. Избранная профессия и карьерные достижения оказывают сильное влияние на общую «Я-концепцию» и самооценку. По мере разворачивания карьеры происходит развитие профессиональной «Я-концепции», которая достигает зрелости только в результате достаточного профессионального опыта.

Обычно на это уходит от 1 года до 10 лет работы. В отечественной психологии карьера в основном рассматривалась через такие понятия, как «профессиональный жизненный путь», «профессиональная самореализация», «профессиональное самоопределение». Успешная карьера связывается прежде всего с успешным профессиональным самоопределением. Проблема профессионального самоопределения рассматривалась в трудах Е.А. Климова, А.Е. Голомшток, Э.О. Зеера, П.Н. Осипова, Л.М. Митиной, Н.С. Пряжниковой и др. [6].

Карьера медицинского работника может развиваться по самым разнообразным сценариям. Одни устраиваются в медицинские учреждения

и поднимаются по карьерной лестнице от рядового сотрудника до заведующего отделением, заместителя главного врача, руководителя организации и т.д. [7]. Другие не находят для себя привлекательной административную сферу и предпочитают заниматься непосредственно оказанием медицинской помощи пациентам. Примечательно, что для медицинского специалиста развитие в практическом здравоохранении не является единственной возможной карьерной траекторией. Многие сотрудники находят себя в науке: участвуют в исследовательской деятельности, публикуют результаты своих научных изысканий, представляют авторские методики, разрабатывают новые лекарственные препараты, инструменты и оборудование. Ряд медицинских работников посвящают свою жизнь преподавательской деятельности и возвращению нового поколения квалифицированных кадров для российского здравоохранения [8]. Любой врач может начать ведение частной практики — для этого достаточно получить лицензию или принять решение сочетать такую работу с трудом в государственных поликлиниках и стационарах. Нередко медицинский персонал совмещает две или более трудовых траекторий, выстраивая одновременно карьеру в разных сферах и в разных организациях. Наряду с личными предпочтениями специалиста одним из важных факторов, влияющих на выбор места трудоустройства, выступает востребованность врачей и представителей среднего медперсонала [9].

Согласно данным социологического опроса¹, проведенного в Москве в 2019 г. в ходе реализации проекта «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения», 51,7% врачей и 37,8% медицинских сестер по различным причинам предпочитают совмещать сразу несколько должностных позиций, при этом еще 9,0% врачей и 16,8% медицинских сестер не работают по совместительству, но ищут такую возможность.

Каждый третий врач осуществляет совместительство только в своем учреждении, а каждый шестой предпочитает работать сразу в нескольких организациях. Среди медицинских сестер осуществляет совместительство в своем учреждении каждая четвертая сотрудница, а работает в нескольких организациях — каждая семнадцатая.

¹ В опросе принимали участие медицинские работники шести организаций здравоохранения, подведомственных Департаменту здравоохранения Москвы (n = 551).

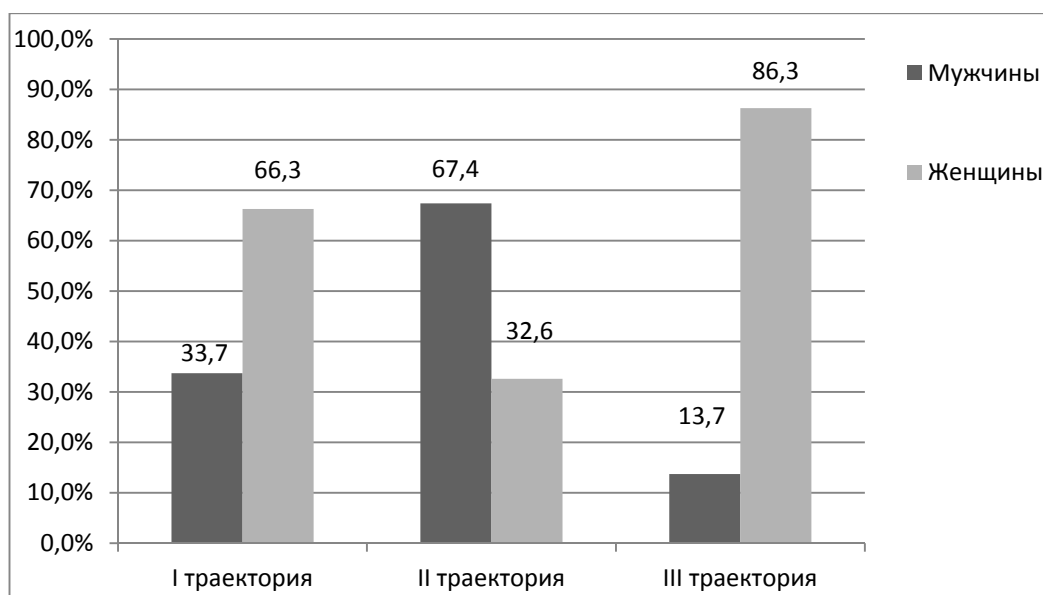

Рис. 1 / Fig. 1. Предпочтения в выборе модели карьерной траектории (гендерный аспект), в зависимости от выбранной траектории, % медицинских работников / Preferences in choosing a career trajectory model (gender aspect), depending on the selected trajectory, % of medical professionals

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

Разработчиками проекта было выделено три наиболее популярных модели карьерных траекторий, предпочитаемых медицинским персоналом. К первой модели траектории (I) — «двух стульев в одной организации» относятся сотрудники, предпочитающие максимально удовлетворять свои потребности на основе ресурсов только своей организации. Ко второй модели (II) — «двух стульев в двух организациях» склоняются те медицинские работники, кто не ограничивается возможностями одного учреждения, считая верным выстраивать карьеру диверсифицированно. К последней, третьей (III) траектории — «одного стула» причисляются все те, кто считает достаточным для себя иметь только одно место работы и только одну должностную позицию.

На формирование определенной модели карьерных траекторий влияют группы факторов: 1) социально-демографические; 2) профессионально-квалификационные; 3) психологические (психоэмоциональные).

Социально-демографические факторы. Среди данной группы факторов, оказывающих влияние на карьерное развитие медперсонала, принято выделять следующие: пол, возраст, семейное положение, наличие детей или других иждивенцев.

Если рассматривать гендерный аспект, то можно увидеть существенные различия между тремя карьерными траекториями среди врачебного персонала (рис. 1).

Так, женщины-врачи более склонны занимать только одну ставку в организации (86,3%) или осуществлять совместительство именно в своей клинике (66,3%), меньше трети (32,6%) респондентов женского пола предпочитают работать в нескольких разных учреждениях. Среди мужчин-врачей две трети (67,4%) выстраивают карьеру сразу в нескольких учреждениях, треть (33,7%) для удовлетворения своих потребностей используют ресурсы одной организации, только (13,7%) ни в каком виде не осуществляют совместительства. Поскольку в российском здравоохранении медицинские братья встречаются достаточно редко, нецелесообразно рассматривать младший медицинский персонал по гендерным различиям.

С возрастом у врачебного персонала меняются и карьерные траектории. Так, среди молодых сотрудников до 30 лет гораздо чаще встречаются представители II модели (44,2 против 37,9% респондентов, предпочитающих III модель, и 32,0% респондентов I). По мере накопления опыта больше половины врачей работают по совместительству в своей или в иной организации (52,4% осуществляют совместительство в своей организации, 51,2% работают в нескольких учреждениях и только 38,9% респондентов имеют одну должностную ставку). Врачи в возрасте 50 лет и более склонны занимать одну ставку (23,2%) или осуществлять совместительство

Таблица 1 / Table 1

**Предпочтения в выборе карьерных траекторий (половозрастной признак), % /
Preferences in choosing career paths (by gender and age), %**

Карьерные траектории		20–30 лет	31–49 лет	50 и более	Итого
I траектория	Врач	32,9	52,4	14,6	100,0
	Медицинская сестра	34,4	61,5	4,2	100,0
II траектория	Врач	44,2	51,2	4,7	100,0
	Медицинская сестра	38,9	55,6	5,6	100,0
III траектория	Врач	37,9	38,9	23,2	100,0
	Медицинская сестра	39,4	53,3	7,3	100,0

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

Таблица 2 / Table 2

**Предпочтения в выборе карьерных траекторий медицинских сестер (критерий брачности), % /
Preferences in choosing career paths for nurses (marriage criterion), %**

Карьерные траектории	Никогда не состояли в браке	Состоят в зарегистрированном или незарегистрированном браке	Разведены	Вдовец/ вдова	Итого
I траектория	13,5	56,3	21,9	8,3	100,0
II траектория	47,1	17,6	23,5	11,8	100,0
III траектория	24,8	51,1	19,0	5,1	100,0

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

только в своей организации (14,0%), лишь 4,7% респондентов старших возрастов выбирают построение карьерной траектории второго типа.

Значимых возрастных различий среди медицинских сестер не было выявлено ($p > 0,05$), что говорит о действии иных факторов, влияющих на построение карьерных траекторий младшего медицинского персонала (табл. 1).

Семейное положение врачей, как показал анализ, не оказывает существенного влияния на построение карьерных траекторий ($p > 0,05$), тогда как для медицинских сестер брачность является существенным фактором при ее построении. Медицинские сестры до вступления в брак чаще всего работают в нескольких организациях (47,1 против 13,5% респондентов I траектории и 24,8% III траектории), а после вступления в зарегистрированный или гражданский брак они предпочитают либо занимать одну ставку, либо осуществлять совместительство только в своей организации (51,1 и 56,3% соответственно) (табл. 2).

Интересен тот факт, что на построение карьерных траекторий для врачей-женщин не оказывает существенного влияния не только семейное положение, но и наличие несовершеннолетних детей ($p > 0,05$) (табл. 3). При этом фактор наличия детей является статистически значимым для врачей-мужчин ($p < 0,05$).

Так, респонденты мужского пола при отсутствии несовершеннолетних детей более склонны работать по совместительству в своей организации или же вообще не осуществлять совместительства (46,2 и 53,6% соответственно), при наличии двух и более несовершеннолетних детей врачи-мужчины чаще имеют работу в нескольких учреждениях (41,4 против 17,8% респондентов I траектории 15,3% респондентов III траектории) (табл. 3).

Говоря о различиях в построении траекторий медицинских сестер в зависимости от наличия детей, можно выделить следующую тенденцию: при отсутствии несовершеннолетних детей медицинские сестры чаще работают в несколь-

Таблица 3 / Table 3

**Предпочтения врачей в выборе карьерных траекторий (критерий – наличие детей), %/
Doctors' preferences in choosing career paths (the criterion – of the presence of children), %**

Карьерные траектории		Несовершеннолетних детей нет	Один ребенок	Двое и более детей	Итого
I траектория	М	53,6	28,6	17,8	100,0
	Ж	69,1	20,0	10,9	100,0
II траектория	М	20,7	37,9	41,4	100,0
	Ж	50,0	28,6	21,4	100,0
III траектория	М	46,2	38,5	15,3	100,0
	Ж	51,2	31,3	17,6	100,0

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

Таблица 4 / Table 4

Предпочтения медицинских сестер в выборе карьерных траекторий (критерий – наличие детей), % / Nurses' preferences in choosing career paths (the criterion – of the presence of children), %

Карьерные траектории	Несовершеннолетних детей нет	Один ребенок	Двое и более детей	Итого
I траектория	48,4	32,6	19,0	100,0
II траектория	61,1	11,1	27,8	100,0
III траектория	55,1	27,5	17,4	100,0

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

ких организациях, при наличии одного ребенка склонны осуществлять совместительство только у себя на работе или вообще отказываются от какого-либо совместительства, но при наличии двух и более несовершеннолетних детей предпочитают иметь несколько мест работы (табл. 4).

На первый взгляд, карьерные траектории «двух стульев в одной организации» и «двух стульев в двух организациях» по своей смысловой нагрузке похожи, но при детальном рассмотрении были выявлены значительные отличия.

Врачи и медицинские сестры при выборе места совместительства руководствовались различными экономическими и неэкономическими стимулами (рис. 2 и 3). III траектория не рассматривалась в данном анализе по причине того, что вариант совмещения при построении данной траектории не предусмотрен.

Врачи, работающие в разных организациях, более мотивированы на дополнительные доходы, чем те, кто работает по совместительству только в своем учреждении (76,7 и 59,5% соответствен-

но). Но в то же время врачи, принадлежащие ко II типу построения карьерных траекторий, гораздо чаще среди причин совместительства указывали на стремление себя реализовать (37,2 против 13,5%), расширить опыт работы по своей специальности (30,2 против 18,9%) и получить более универсальные знания и навыки (27,9 против 12,2%).

А вот осуществляют совместительство по альтруистическим соображениям (из-за необходимости заполнить в организации нехватку кадров по своей специальности) врачи, принадлежащие к I типу построения карьерных траекторий (35,1 против 11,6%).

Если говорить о медицинских сестрах, то основным стимулом осуществлять совместительство является потребность в дополнительных доходах (83,3% у респондентов II траектории и 64,8% — I траектории). Треть респондентов (33,0%), принадлежащих к I типу построения карьерных траекторий, работают в своей организации более чем на одну ставку из-за нехватки

Рис. 2 / Fig. 2. Мотивация врачей при выборе карьерных траекторий (экономические и неэкономические стимулы), в зависимости от выбранной траектории, % медицинских работников / The motivation of doctors in choosing career paths (economic and non-economic incentives), depending on the selected trajectory, % of medical professionals

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

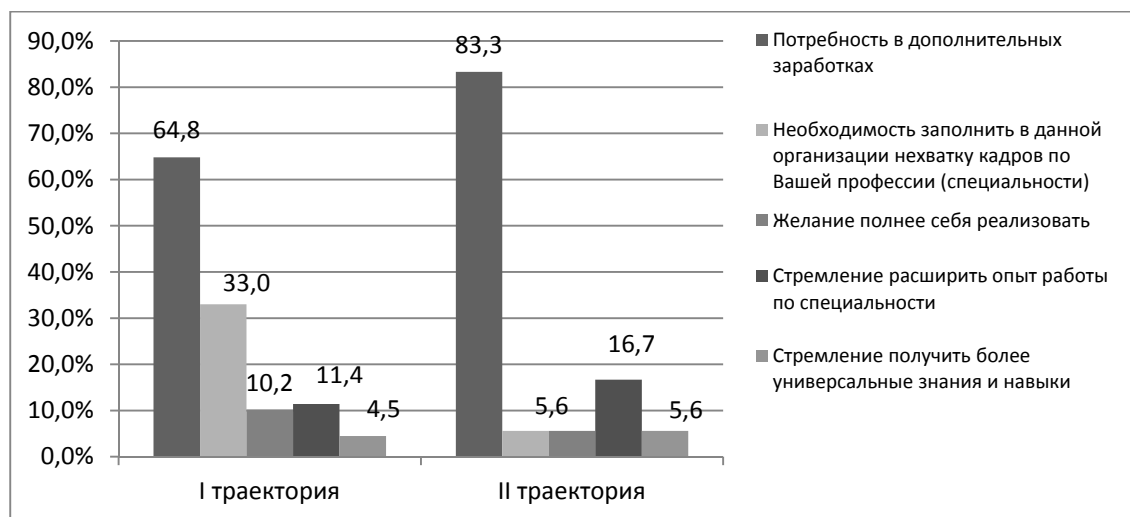

Рис. 3 / Fig. 3. Мотивация медицинских сестер при выборе карьерных траекторий (экономические и неэкономические стимулы), в зависимости от выбранной траектории, % медицинских сестер / The motivation of nurses in choosing career paths (economic and non-economic incentives), depending on the selected trajectory, % of nurses

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

кадров по их специальности. Значимость остальных причин не является существенной.

Профессионально-квалификационные факторы. Нельзя забывать, что врач и медицинская сестра — особые профессии, требующие сочетания ряда личностных характеристик, приобретенных навыков и накопленного опыта. Именно поэтому медицинские работники считают стаж (опыт) работы по специальности одним из важных факторов, от которых зависит уровень профессионализма (рис. 4). Значимость данного фактора

отмечают 88,3% врачей и медсестер, выстраивающих траекторию I типа, 77,0% респондентов, относящихся ко II карьерной траектории и 84,7% придерживающихся стратегии III типа.

Стоит обратить внимание на то, что в зависимости от выбранной работниками здравоохранения модели трудового пути отличается и их мнение о самой степени важности тех или иных факторов. Особенно отличаются взгляды приверженцев II карьерной траектории от взглядов представителей I и III.

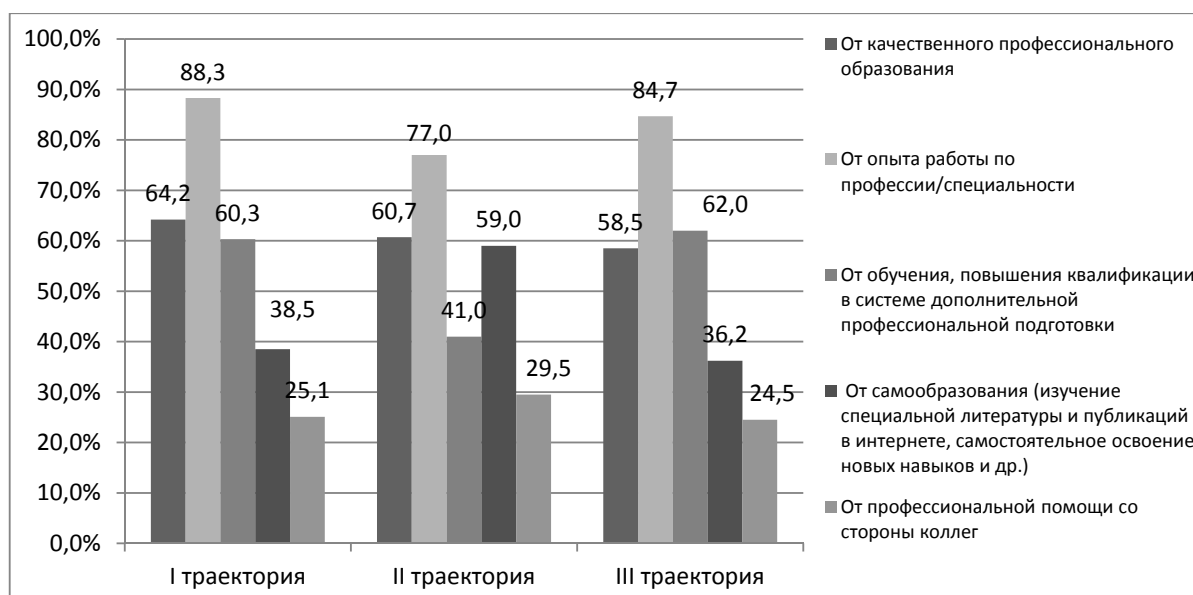

Рис. 4 / Fig. 4. Распределение ответов на вопрос: «От каких факторов, на ваш взгляд, зависит надлежащий уровень квалификации по вашей специальности?» (в зависимости от выбранной траектории, % медицинских работников) / Distribution of answers to the question “What factors, in your opinion, determine the appropriate level of qualification in your speciality?” (depending on the selected trajectory, % of medical professionals)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

Так, медицинские кадры, вовлеченные в работу сразу в нескольких организациях, чаще указывают на важность самообразования (59,0 против 38,5% ответов респондентов I и 36,2% — III траектории) и профессиональной помощи со стороны коллег (29,5 против 25,1 и 24,5% соответственно). А вот ценность обучения, повышения квалификации в системе дополнительной профессиональной подготовки отмечают гораздо реже (41,0 против 60,3 и 62,0%, соответственно).

Трудовой путь человек строит в соответствии со своими собственными целями, желаниями, возможностями и установками, но немалое влияние на формирование карьерных сценариев оказывают и различные организационные (институциональные) и экономические факторы. Один из таких — система оплаты труда. Каждая организация, соблюдая федеральные законы и требования, может иметь собственные специфические особенности оплаты (поощрения) труда, отражающие стоящие перед ней актуальные цели, управленческую философию руководителей, традиции, а также учитывающие находящиеся в ее распоряжении ресурсы. Недовольство существующей системой вознаграждения может повлечь за собой снижение производительности труда, падение качества оказания медицинских услуг, нарушение дисциплины, изменение уровня

мотивации к профессиональному росту. Недовольные материальной компенсацией работники могут вступить в открытый и/или закрытый конфликт с руководителями учреждения, а также искать дополнительные заработки в других организациях или вовсе перейти на другое более высокооплачиваемое место работы.

Исследование выявило: чем выше степень удовлетворенности заработной платой, тем меньше врачи склонны осуществлять совместительство. Более того, чем меньше врачебный персонал удовлетворен размером своей заработной платы, тем чаще он предпочитает работать именно в разных организациях.

Но стоит отметить, что процент респондентов, которые осуществляют совместительство где-либо и в то же время отмечают размер своей заработной платы на основном месте работы как «удовлетворительный», достаточно высок, что свидетельствует об одновременном воздействии и других факторов на построение тех или иных карьерных траекторий (рис. 5).

Достаточно интересным представляется тот факт, что неудовлетворенность размером оплаты труда побуждает четверть медицинских сестер, принадлежащих к I и II карьерной траектории, искать возможности для дополнительного заработка. В то время как другая четверть меди-

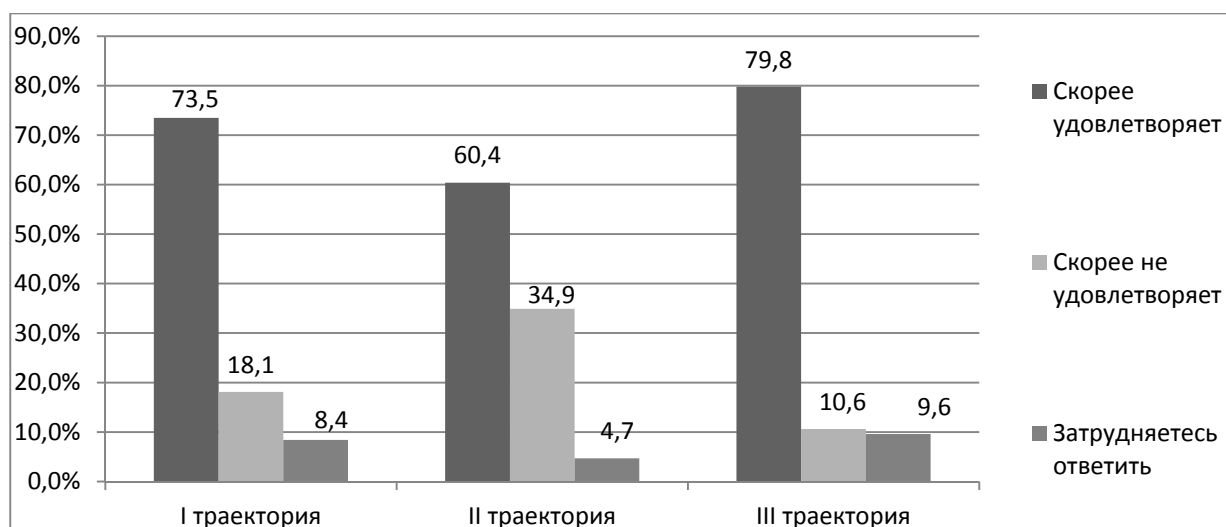

Рис. 5 / Fig. 5. Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворяет ли вас размер вашей оплаты труда на основной работе?» в зависимости от выбранной траектории, % врачей / Distribution of answers to the question: “Are you satisfied with the amount of your salary in your main job?” depending on the selected path, % of doctors

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

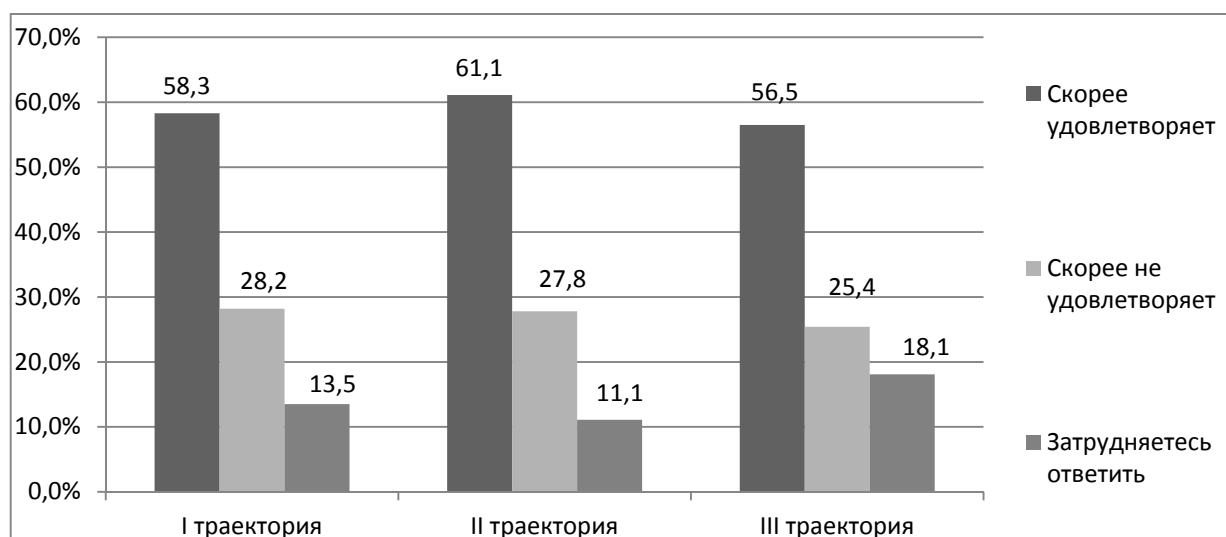

Рис. 6 / Fig. 6. Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворяет ли вас размер вашей оплаты труда на основной работе?» в зависимости от выбранной траектории, % медицинских сестер / Distribution of answers to the question “Are you satisfied with the amount of your salary in the main job?” depend in the selected trajectory, % of nurses

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

цинских сестер, принадлежащих к III карьерной траектории, хоть и не удовлетворены размером оплаты труда на основной работе, но при этом не ищут возможностей для дополнительного дохода.

Больше половины медицинских сестер осуществляют совместительство где-либо и в то же время отмечают размер своей заработной платы на основном месте работы как «удовлетворительный», что так же как и у врачей говорит

о воздействии и других факторов на построение модели карьерных траекторий (рис. 6).

Согласно данным социологического опроса, треть врачей (33,6%) сменили свою специализацию, а планирует поменять направление медицинской деятельности каждый пятый. Медицинские сестры меняют направление своей деятельности реже, чем врачи (23,8% отметили, что меняли специализацию). Задумывается над

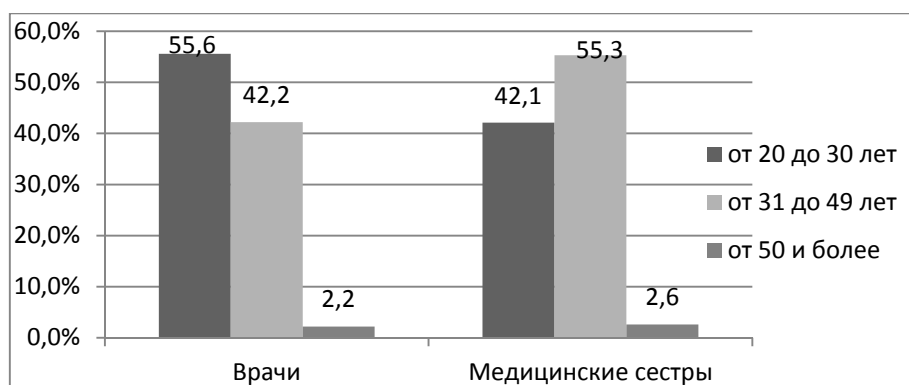

Рис. 7 / Fig. 7. Возраст медицинских работников, решивших переквалифицироваться в другую специальность, % / Age of medical workers, who decided to retrain in another speciality, %

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

сменной специализации каждая седьмая медицинская сестра.

Авторами были рассмотрены возможные факторы, влияющие на решение медицинского персонала переквалифицироваться на другие специальности. Чаще всего такое решение принимают молодые врачи до 30 лет (55,6%). С возрастом желающих поменять свою сферу деятельности становится меньше, а после 50 лет таких становится только 2,2% (рис. 7).

А вот среди медицинских сестер, решивших переквалифицироваться на другую специальность, большинство принадлежит ко второй возрастной группе (от 31 года до 49 лет). В группе молодых специалистов таких 42,1%, а среди возрастной группы — 2,6%.

Психологические (психоэмоциональные) факторы. Изучение третьей группы факторов показало, что те врачи, кто собирается сменить специализацию, т.е. пересмотреть свою карьерную стратегию, выделили психологический дискомфорт при работе с пациентами (40,0%) и завышенные нормы их обслуживания (35,6%). В то же время у респондентов, не планирующих менять специализацию, данные факторы, как оказалось, вызывают меньше раздражения (22,9 и 26,1% соответственно) (рис. 8).

Достаточно значимыми причинами сменить специализацию для врачей стали зарегламентированность работы и ненадлежащие условия труда (40,0 и 33,3% респондентов, планирующих поменять свою сферу деятельности, отметили данный недостаток как значимый, в отличие от 16,0 и 22,9% тех, кто не собирается менять трудовую траекторию).

Что касается медицинских сестер, ненадлежащие условия труда и недостаток в оборудова-

нии или препаратах может демотивировать их и послужить причиной смены специализации: 32,4 и 45,9% планирующих поменять свою сферу деятельности отметили данные недостатки как значимые, в отличие от 21,6 и 26,0% респондентов, кто не хочет ничего менять (рис. 9).

Завышенные нормы обслуживания пациентов и психологический дискомфорт при общении с ними также является существенным фактором при принятии решения сменить специализацию (45,9 и 40,5% против 21,2 и 21,2% соответственно) (рис. 9).

Все три группы выделенных факторов, проанализированных отдельно, на практике абсолютно неразделимы и действуют не просто одновременно, но зачастую могут усиливать или нивелировать друг друга, проявляясь в разной степени (в зависимости от индивидуальных качеств отдельного сотрудника, от условий и места жительства/работы, от стартовой позиции начала образовательной и трудовой жизни и т.д.).

Резюмируя, можно отметить, что развитие карьеры каждого медицинского работника должно быть индивидуальным и включать несколько этапов: информирование о возможностях карьерного роста; оценку пожеланий, личностных характеристик и исходного уровня профессиональной квалификации; планирование развития сотрудника; реализацию плана развития и оценку его результатов. От всех этих факторов зависит положение сотрудника в матрице кадрового резерва, в том числе, и приоритет выбора при замещении вакантных руководящих должностей.

Для этого руководству медицинских организаций необходимо:

- уделять больше внимания работе с человеческими ресурсами;

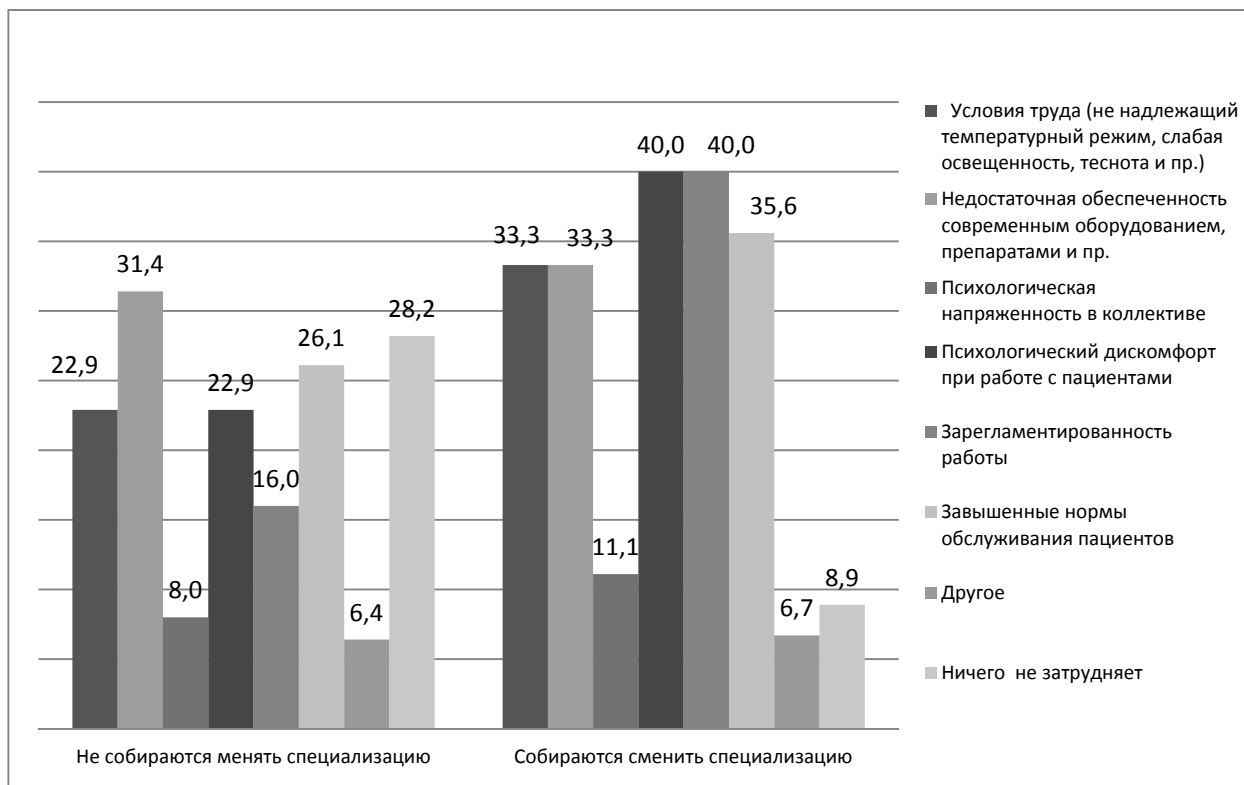

Рис. 8 / Fig. 8. Распределение респондентов при ответе на вопрос: «Какие стороны работы затрудняют вам ее качественное выполнение?», % врачей / Distribution of respondents when answering the question “What aspects of work make it difficult for you to perform it efficiently?”, % of doctors

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

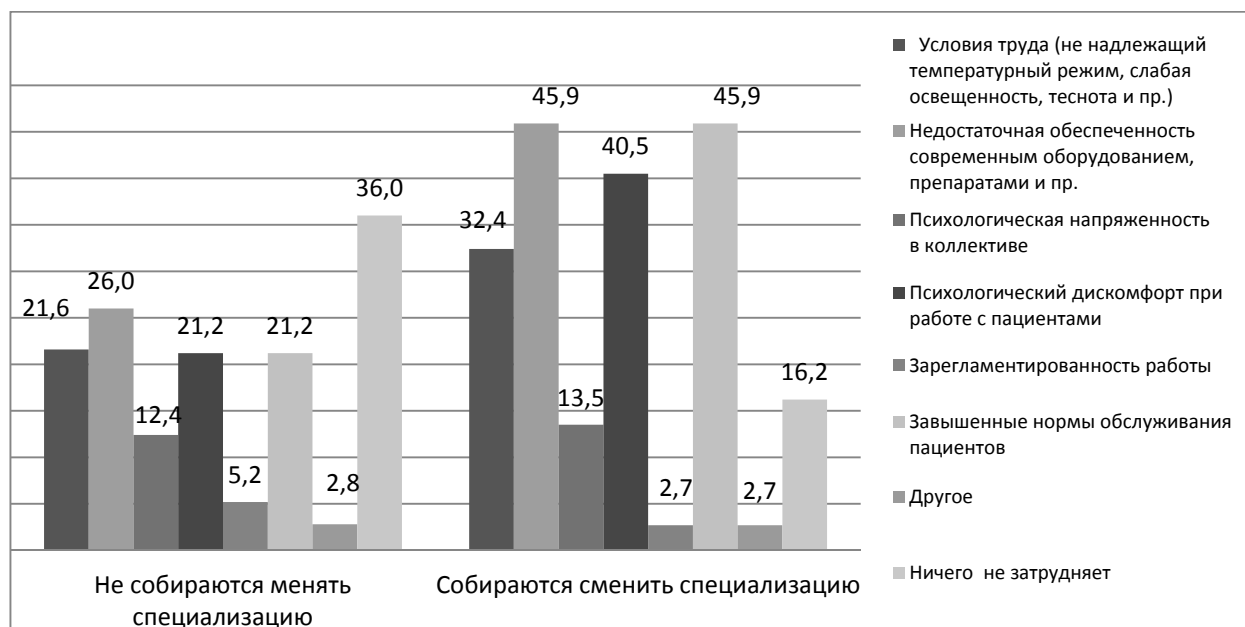

Рис. 9 / Fig. 9. Распределение респондентов при ответе на вопрос: «Какие стороны работы затрудняют вам ее качественное выполнение?», % медицинских сестер / Distribution of respondents when answering the question: “What aspects of work make it difficult for you to perform it efficiently?”, % of nurses

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

- привлекать медицинский персонал к организации процесса обеспечения и улучшения качества медицинской помощи;
 - обеспечить возможность непрерывного профессионального развития медицинского персонала, предполагающую (в случае крупного медицинского учреждения) организацию собственного учебного центра;
 - использовать материальные и нематериальные стимулы, направленные на качество медицинской помощи и повышение профессионально-квалификационного потенциала;
 - предоставить условия для карьерного роста.
- То, каким образом медицинский работник смог (или не смог) реализовать себя в профессиональной сфере, выступает маркером успешности (как объективной, так и субъективной) всей его жизни. От этого зависят самооценка, душевное состояние, уверенность в завтрашнем дне и соответственно готовность оказывать населению медицинские услуги на самом высоком качественном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Манерова О.А. Профессиональный рост и карьера в здравоохранении: приоритеты и проблемы. *Медицинские технологии. Оценка и выбор*. 2011;2(4):77–83.
2. Решетников В.А., Коршевер Н.Г., Доровская А.И. Оптимизация управления карьерой врачей в медицинских организациях. *Проблемы здоровья и экологии*. 2016;2(48):78–82.
3. Галкин К.А. Карьерные стратегии молодых сельских врачей Ленинградской области: нарративный анализ. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2018;1(33):158–167.
4. Мухарьямова Л.М., Моисеева Г.А. Высшее сестринское образование и профессиональная карьера специалистов (результаты социологического исследования). *Социология медицины*. 2012;1(20):29–33.
5. Super D.E., Savickas M.L., & Super C.M. (). The life-span, life-space approach to careers. In D. Brown & L. Brown eds. *Career choice and development* (3rd ed). San Francisco: Jossey-Bass; 1996.
6. Голованова И.И. Саморазвитие и планирование карьеры. Учебное пособие. Казань: Казан. ун-т; 2013. 196 с.
7. Александрова О.А., Аксенова Е.И., Ярашева А.В., Аликперова Н.В., Ненахова Ю.С. Управленческие кадры в московском здравоохранении: поиск ответов на актуальные вопросы. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2019;(27):522–528. DOI: 10.32687/0869–866X-2019–27-si1–522–528
8. Голубчикова М.Г. Проблема сопровождения индивидуальной педагогической траектории врача-преподавателя. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*. 2012;3(10):56–59.
9. Александрова О.А., Медведева Е.И., Аликперова Н.В., Крошилин С.В. Анализ профессиональной подготовки и востребованности среднего медицинского персонала в условиях современной политики здравоохранения. *Экономика и предпринимательство*. 2020;14(8):1148–1161. DOI: 10.34925/EIP.2020.121.8.230

REFERENCES

1. Manerova O.A. Professional growth and career in healthcare: priorities and problems. *Meditsinskie tekhnologii. Otsenka i vybor*. 2011;2(4):77–83. (In Russ.).
2. Reshetnikov V.A., Korshever N.G., Dorovskaya A.I. Optimization of doctors' career management in medical organizations. *Problemy zdorov'ya i ekologii*. 2016;2(48):78–82. (In Russ.).
3. Galkin K.A. Career strategies of young rural doctors of the Leningrad region: a narrative analysis. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 2018;1(33):158–167. (In Russ.).
4. Mukharyamova L.M., Moiseeva G.A. Higher nursing education and professional career of specialists (results of sociological research). *Sotsiologiya meditsiny*. 2012;1(20):29–33. (In Russ.).
5. Super D.E., Savickas M.L., Super C.M. The life-span, life-space approach to careers. In D. Brown & L. Brown, eds. *Career choice and development*. 3rd ed. San Francisco: Jossey-Bass; 1996.
6. Golovanova I.I. Self-development and career planning: studies. Manual. Kazan: Kazansky University; 2013. 196 p. (In Russ.).
7. Alexandrova O.A., Aksenova E.I., Yarasheva A.V., Alikperova N.V., Nenakhova Yu.S. Managerial personnel in Moscow healthcare: search for answers to recent questions. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 2019;(27): 522–528. (In Russ.). DOI: 10.32687/0869–866X-2019–27-si1–522–528

8. Golubchikova M. G. The problem of supporting the individual pedagogical trajectory of a doctor-teacher. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*. 2012;3(10):56–59. (In Russ.).
9. Alexandrova O. A., Medvedeva E. I., Alikperova N. V., Kroshilin S. V. Analysis of professional training and demand for secondary medical personnel in the context of modern health policy. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2020;14(8):1148–1161. (In Russ.). DOI: 10.34925/EIP.2020.121.8.230

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наталья Валерьевна Аликперова — кандидат экономических наук, доцент Департамента социологии, Финансовый университет; аналитик НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента ДЗМ; ведущий научный сотрудник лаборатории исследования поведенческой экономики, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
natalie_danilina@mail.ru

Азиза Викторовна Ярашева — доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, ведущий аналитик НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента ДЗМ; заведующий лабораторией исследования поведенческой экономики, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
baktriana@rambler.ru

Кристина Валерьевна Виноградова — аналитик НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента ДЗМ; младший научный сотрудник лаборатории исследования поведенческой экономики, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
ms.kristina.vinogradova.1995@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Natalya V. Alikperova — Cand. Sci. (Economic Sciences), Associate Professor, Financial University; Analyst of the State Budgetary Institution “Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department”; Leading Researcher of the Institute of Social and Economic Studies of Population of FCTAS of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
natalie_danilina@mail.ru

Aziza V. Yarasheva — Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Leading Analyst of the State Budgetary Institution “Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department, Head of the Laboratory of the Institute of Social and Economic Studies of Population of FCTAS of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
baktriana@rambler.ru

Kristina V. Vinogradova — Analyst of the State Budgetary Institution “Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department”; Junior Researcher of the Institute of Social and Economic Studies of Population of FCTAS of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ms.kristina.vinogradova.1995@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Аликперова Н.В. — разработка инструментария; проведение массового опроса.

Ярашева А.В. — научное руководство исследованием; формулировка обоснования исследования.

Виноградова К.В. — интерпретация полученных результатов; формулировка выводов.

Authors' declared contributions:

Alikperova N. V. — development of tools; conducting a mass survey.

Yarasheva A. V. — scientific supervision of research; formulation of the rationale for the study.

Vinogradova K. V. — interpretation of the results obtained; formulation of conclusions.

Статья поступила 02.10.2020; принята к публикации 30.10.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 02.10.2020; accepted for publication on 30.10.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-93-96
УДК 316(045)

Фриланс как форма адаптации молодежи к рынку труда в условиях пандемии

К.В. Вольф^а, И.В. Бархатов^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0003-3360-9448>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-2318-3439>

АННОТАЦИЯ

Актуальность работы обусловлена изменением предпочтительных форм занятости в условиях быстрого распространения пандемии коронавируса по всему миру. Из-за потери «стандартного» места работы или повышения роли самосохранительного поведения многие сегодня перешли на нестандартные виды занятости – фриланс и «удаленку». Цель настоящего исследования – изучить перспективы развития фриланса после пандемии. В ходе исследования были использованы методы формальной логики: анализ и синтез, а также социологические методы: контент-анализ и интернет-опрос. По итогам проведенного исследования авторы сделали выводы о существовании объективных и субъективных факторов, связанных с мировым и страновым локдаунами, которые оказали достаточно противоречивое воздействие на деятельность фрилансеров.

Ключевые слова: нестандартная занятость; фриланс; фрилансер; рынок труда; услуги; пандемия; COVID-19; экономическая ситуация; нестабильность

Для цитирования: Вольф К.В., Бархатов И.В. Фриланс как форма адаптации молодежи к рынку труда в условиях пандемии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):93-96. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-93-96

ORIGINAL PAPER

Freelance as an Adaptative Form of Youth to the Labor Market in a Period of Pandemia

K.V. Volf^а, I.V. Barkhatov^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0003-3360-9448>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-2318-3439>

ABSTRACT

The authors see the relevance of presented work in the change in preferred forms of employment in the context of the rapid spread of the coronavirus pandemic around the world. Indeed, due to the loss of a “standard” place of work or the increasing role of self-preserving behaviour, many today have switched to non-standard types of employment – freelancing and “remote work”. The purpose of this article is to examine the prospects for the development of freelancing after the pandemic. During the research, we used the methods of formal logic: analysis and synthesis, as well as sociological methods: the method of content analysis and Internet polling. Based on the results of the study, the authors concluded the existence of objective and subjective factors associated with global and country lockdowns, which had a somewhat contradictory effect on the activities of freelancers.

Keywords: precarious work; freelancing; freelancer; labour market; services; pandemic; COVID-19; economic situation; instability

For citation: Volf K.V., Barkhatov I.V. Freelance as an adaptative form of youth to the labor market in a period of pandemia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):93-96. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-93-96

Современный рынок труда характеризуется новыми трендами, такими как развитие нестандартных (гибких) форм занятости, противопоставляемых занятости традиционной, подразумевающей работу в штате организации, в соответствии с жестким фиксированным графиком. Нестандартные виды занятости включают в себя дистанционную работу, «удаленку», занятость в форме фриланса. Согласно исследованиям, на сегодняшний день традиционная форма занятости в общей массе работающего населения составляет 85–90%. Остальной сегмент рынка труда приходится на нестандартную занятость. Во время бума на рынке труда до пандемии многие работники выбирали внештатную или контрактную работу, потому что они предпочитали гибкость и разнообразие, которые она предлагала [1].

В работах таких футурологов как К. Гарейс, А. Горц, Р. Кастель, Р. Лаубахер, Т. Малоун, Д. Пинк, Дж. Рифкин и Ч. Хэнди, концептуализируется новое понятие «будущего труда». Они подчеркивают возрастание значения нестандартных форм занятости, так как время классической занятости постоянно сужается, и остаться в «ядре» постоянно занятых очень трудно. Поэтому работник должен иметь так называемый «портфель работ» [2].

В работе Д. Пинка «Нация свободных агентов» фрилансеры описываются как свободные работники, самостоятельно организующие свою работу и жизнь. Эмпирическим материалом послужили многочисленные интервью автора с независимыми работниками и анкетные опросы на собственном сайте [3].

Переход к новым формам занятости усилился в связи с введением режима самоизоляции, обусловленного пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19, в большинстве стран мира и достаточно быстрым реагированием рынка труда на сложившуюся экономическую ситуацию. По оценкам Международной организации труда, 400 млн рабочих мест было потеряно во всем мире во II квартале 2020 г. из-за пандемии COVID-19 (<https://www.simplilearn.com/growing-demand-for-freelance-work-article>).

Безработица по всему Европейскому союзу вырастет до конца 2020 г. до 9% (<https://www.europeandataportal.eu/en/impact-studies/covid-19/changes-labour-market>). Однако это предварительная оценка. Пандемия COVID-19 также отразилась на уровне занятости населения России. По данным Росстата, в августе 2020 г. в России она составила

6,4% (https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B_04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/181.htm).

Однако положение дел на рынке фриланса внушает оптимизм. В этом сегменте происходят позитивные изменения — возрастает спрос на рабочую силу. Число вакансий для фрилансеров с апреля по июнь 2020 г. выросло более чем на 25% по сравнению с первыми тремя месяцами этого года (<https://www.cnbc.com/2020/07/07/freelance-work-grows-amid-covid-19-math-stats-game-hiring-in-demand.html>). В США за последние 12 месяцев 2 млн чел. начали заниматься фрилансом. Это повысило долю рабочей силы, выполняющей внештатную работу, до 36% (<https://www.wwno.org/post/jobs-pandemic-more-are-freelance-and-may-stay-way-forever>).

В России также происходит рост рынка фриланса. Так, по результатам совместного исследования компании QIWI и Фриланс.ру, за последние 4 года он составлял 10–15% в год. В 2019 г. средний счет за услуги фрилансеров был 8050 руб. (<https://www.vedomosti.ru/business/news/2020/04/16/828228-rost-rinka-frilanserov>). Отметим, что это происходило на фоне специального налогового режима на профессиональный доход с регистрацией в качестве самозанятого (введенного в 2019 г. в России в тестовом формате) для граждан, получающих доход от личной профессиональной деятельности.

С целью изучения перспектив развития фриланса после пандемии авторы статьи провели социологическое исследование. Сбор первичной социологической информации осуществлялся методом интернет-опроса. Анкеты были размещены на биржах фриланса, а также в различных группах в интернете, посвященных фрилансу. Время проведения исследования: август–сентябрь 2020 г. В ходе исследования было опрошено 182 фрилансера.

Распределение результатов по полу получилось практически одинаковым: мужчины — 52%, женщины — 48%. По возрасту среди опрошенных преобладает группа молодежи: лица от 16 до 30 лет составляют 78%, от 31 года и старше — 22%.

Три четверти респондентов (76%) оценивает сложившуюся экономическую ситуацию в стране весьма негативно: 69% — как напряженную, кризисную, 7% — как катастрофическую. Лишь 1 из 5 опрошенных (19%) оценили экономическую ситуацию в стране как нормальную, спокойную. Остальные респонденты (5%) затруднились ответить.

Лишь четверть респондентов смотрит на сложившуюся ситуацию оптимистично и считает, что в ближайшее время она улучшится. Заметная доля

опрошенных фрилансеров (41%) считают, что в ближайшее время экономическая ситуация в стране останется прежней. Чуть меньше 1/3 респондентов (31%) полагают, что ситуация ухудшится.

Далее мы попросили респондентов оценить, насколько сложно в настоящее время найти работу в коммерческом секторе для высококвалифицированных специалистов с высшим образованием (инженер, конструктор, технолог, дизайнер, юрист-консульт, экономист, менеджер и т.п.). Почти 3/5 респондентов (59%) полагают, что сейчас рынок труда отчасти имеет свободные вакансии, но работу найти не очень легко. 29% опрошенных считают, что на рынке труда вакансий мало, и найти хорошую работу (очень) сложно. Лишь 9% считают, что рынок полон вакансий, найти работу несложно. Важно отметить, что активная деятельность у подавляющего большинства в период «карантинных каникул» (март-август 2020 гг.) сохранилась: 83% фрилансеров ответили, что они в это время получали заказы.

Однако у заметной доли опрошенных (41%) в условиях пандемии спрос на услуги снизился (у 28% — незначительно; у 13% — значительно/очень сильно). У 1/3 респондентов он остался на прежнем уровне, а примерно у 1/4 (27%) — даже увеличился.

Экономические условия деятельности фрилансеров все же сказались на расценках за услуги. Почти 30% респондентов отметили, что стоимость услуг снизилась (21% — незначительно; 9% — значительно). У большей части (42%) расценки остались на прежнем уровне, а у некоторых (28%) — повысились (у 19% — незначительно; у 9% — значительно).

Изменение экономической ситуации заставляет людей осмысливать преимущества и недостатки своей работы. Основными преимуществами фриланса респонденты называют: гибкий график (73,6%), возможность работать дома (58,8%), возможность выбирать проекты по душе (42,3%), удобство совмещения с другой деятельностью (28%), отсутствие привязки к рабочему месту (21,4%), отсутствие начальства и контроля (12,6%), возможность работать индивидуально (12,6%) и др.

Основными недостатками фриланса респонденты называют: нестабильность (59,3%); риск неполучения оплаты (55%), отсутствие социальных гарантий работодателя и социального пакета (34,6%), недостаток общения с коллегами (20,9%), относительно невысокий уровень дохода (18,7%), отсутствие подтвержденных доходов (16,5%), необходимость самоорганизации (12,6%) и др.

Наши данные позволяют понять, почему 80,5% опрошенных, по исследованию компании QIWI

и Фриланс.ру, среди необходимых и особо ожидаемых нововведений назвали следующие:

- механизм «безопасной сделки» для расчетов между юридическим лицом и самозанятым с арбитражем на площадке интернет-биржи;
- механизм социального и пенсионного страхования, в том числе автоматических защищенных микронакоплений с каждой платежной транзакции в адрес фрилансера.

Кроме того, 37% респондентов также полагают, что государство усилит поддержку и будет проводить более благоприятную политику налогообложения самозанятых (<https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=144690>).

Фриланс связан с целым рядом сложностей [4]. Фрилансеру самому нужно заботиться о поиске заказов, он пока не имеет пенсионного и социального страхования [5]. Поэтому авторами изучался вопрос о потребностях и интересах людей, которые можно удовлетворить с помощью фриланса. К основным возможностям респонденты отнесли: совмещение работы с учебой (37,4%), реализацию своих способностей в профессии (35,7%), высокую оплату труда (35,2%), большое количество времени для досуга (20,3%), возможность работать в одиночестве (18,7%), в целом повышение удовлетворенностью жизнью (15,9%), получение большего удовольствия от работы (14,8%), большую мобильность (14,3%) и др. Но это — теоретически. А вот смогли ли опрошенные в реальности удовлетворить эти потребности? Ответы на вопрос о том, чего смогли достичь респонденты с помощью фриланса, расположились примерно в том же порядке, но не совсем. Так, ответы: «реализация своих способностей в профессии» (31,9%) и «возможность совмещать работу с учебой» (30,8%) поделили 1–2 места. А вот на 3-е место вышла не высокая зарплата, а возможность работать в одиночестве (24,7%). На 4-м месте в списке оказалось большое количество времени для досуга (19,8%). А высокая зарплата переместилась на одно из последних мест (15,4%). Далее следуют примерно те же приятные бонусы в виде увеличения ценности свободного времени (18,1%), уменьшения расходов (на проезд на работу/ с работы, расходы на питание на работе и т.д. (17%), получения большего удовольствия от работы (16,5%), в целом повышения удовлетворенностью жизнью (16%), улучшения настроения (16%).

Итак, на основе вышеизложенного мы можем сделать вывод о том, что объективные факторы, связанные с мировым и страновыми локадаунами, оказали достаточно противоречивое воздействие на деятельность фрилансеров. С одной стороны, рынок

услуг сохранился, но несколько сужается, а также снижается уровень стоимости услуг. С другой стороны, есть субъективные факторы в виде значимых потребностей фрилансеров, которые способствуют выбору этого формата занятости. Поэтому можно сказать, что перспективы развития рынка фриланса после пандемии вполне оптимистичные, если его и ждет сокращение, то относительно незаметное.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акмаева Р., Карлина Е. О возможных стратегиях развития российских компаний в посткризисный период. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnyh-strategiyah-razvitiya-rossiyskih-kompaniy-v-postkrizisnyy-period>.
2. Хэнди Ч. Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. СПб.: Питер; 2001. 288 с.
3. Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. Пер. с англ. М.: Издательский дом «Секрет фирмы»; 2005.
4. Комаровский В.С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-zhelaemogo-buduschego-rossii-problemy-formirovaniya>.
5. Ильичева Л.Е., Лапин А.В., Ножечкин И.В. Ключевые проблемы региона: методы определения общественной повестки дня. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-problemy-regiona-metody-opredeleniya-obshchestvennoy-povestki-dnya>.

REFERENCES

1. Akmaeva R.I., Karlina E.P. On possible strategies for the development of Russian companies in the post-crisis period. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnyh-strategiyah-razvitiya-rossiyskih-kompaniy-v-postkrizisnyy-period> (In Russ.).
2. Handy Ch. Time of recklessness. The art of management in the organization of the future. St. Petersburg: Peter; 2001. (In Russ.).
3. Pink D. Free Agent Nation: How New Independent Workers Are Changing America's Life. Moscow: Publishing House "Secret Firm"; 2005 (In Russ.).
4. Komarovskiy V.S. Image of the desired future of Russia: problems of formation. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-zhelaemogo-buduschego-rossii-problemy-formirovaniya> (In Russ.).
5. Ilyicheva L.E., Lapin A.V., Nozhechkin I.V. Key problems of the region: methods for determining the public agenda. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-problemy-regiona-metody-opredeleniya-obshchestvennoy-povestki-dnya> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Константин Владимирович Вольф — директор Центра изучения и мониторинга эффективности мер социально-экономической поддержки промышленности и предпринимательства «Локомотивы роста», Финансовый университет, Москва, Россия
kvolfmail@gmail.com

Илья Викторович Бархатов — магистрант заочной формы обучения, направление «Экономическая политология», Финансовый университет, Москва, Россия
barkhatov@zs74.ru

ABOUT THE AUTHORS

Konstantin V. Volf — Director of the Center for the Study and Monitoring of the Effectiveness of Measures of Social and Economic Support for Industry and Entrepreneurship "Locomotives of Growth", Financial University, Moscow, Russia
kvolfmail@gmail.com

Ilya V. Barkhatov — Master's student, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
barkhatov@zs74.ru

Статья поступила 02.11.2020; принята к публикации 20.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 02.11.2020; accepted for publication on 20.11.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-97-104
УДК 316.4(045)

Влияние научно-исследовательского потенциала студента на формирование его профессиональной субъектности*

Е. В. Воеводина^а, П. Ш. Шихгафизов^б, А. В. Власова^с

^{а, б, с} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0001-6131-8301>;

^б <https://orcid.org/0000-0002-9154-8877>; ^с <https://orcid.org/0000-0003-3979-8542>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется проблема места и роли научно-исследовательской деятельности в формировании профессиональной субъектности студентов российских вузов. В целях анализа данной проблемы в 2020 г. исследовательский коллектив Финансового университета провел социологическое исследование с применением методов фокус-групп и массового количественного опроса. Рекрутинг участников фокус-группы осуществлялся среди студентов старших курсов бакалавриата. В массовом опросе приняли участие 6400 студентов. Был проведен контент-анализ научных исследований и литературных источников по выявлению методик научно-исследовательского потенциала и материалам изучения профессиональной субъектности. Выделены и рассмотрены основные подходы к изучению данного явления: экономический, правовой, социологический, культурно-ценностный и психологический. В заключение представлены общие рекомендации по стимулированию научно-исследовательского потенциала студентов.

Ключевые слова: студент; профессиональная субъектность; научно-исследовательский потенциал; исследовательские компетенции; научная деятельность; проектные исследования; научное руководство

Для цитирования: Воеводина Е.В., Шихгафизов П.Ш., Власова А.В. Влияние научно-исследовательского потенциала студента на формирование его профессиональной субъектности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):97-104. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-97-104

ORIGINAL PAPER

Impact of a Student's Research Potential on the Formation of His Professional Subjectivity**

E. V. Voevodina^а, Sh. P. Shikhgafizov^б, A. V. Vlasova^с

^{а, б, с} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0001-6131-8301>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-9154-8877>;

^с <https://orcid.org/0000-0003-3979-8542>

ABSTRACT

The process of forming a student's professional subjectivity is of great importance in the modern labour market. The role of the university in this process is crucial. A student acquires at the university hard and soft skills necessary in his professional activity. The article devotes considerable attention to the analysis of the place and role of research activities in the self-determination and formation of the professional subjectivity of Russian students. To analyse this problem, in 2020 a team of the Finance University under the Government of the Russian Federation conducted a sociological study using focus group and mass quantitative polling methods. The focus group we recruited from undergraduate students. The text provides valuable information on the results of the analysis of scientific research and literary sources on the identification of research capacity methodologies and

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета в 2020 г. (№ ВТК-ГЗ-ПИ-29-20).

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order to the Financial University in 2020 (No. VTK-GZ-PI-29-20).

materials on professional subjectivity. The main approaches to studying this phenomenon are detailed: economic, legal, sociological, cultural and psychological. It concludes with general recommendations to stimulate the research capacity of students.

Keywords: student; professional subject; research capacity; research competence; scientific activity; project research; scientific management

For citation: Voevodina E.V., Shikhgafizov Sh.P., Vlasova A.V. Impact of a student's research potential on the formation of his professional subjectivity. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):97-104. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-97-104

Важной составляющей учебного процесса является участие студентов в научной работе. При этом овладение исследовательскими инструментами, аналитическими навыками рассматривается работодателями как необходимый компонент конкурентоспособной личности — по мнению экспертов, актуальность на российском рынке труда все чаще приобретают не узкопрофессиональные знания, а такие понятия, как «способность», «готовность», «умения» [1]. В свою очередь, данные качества, наряду с критическим мышлением, успешно формируются в процессе исследовательской деятельности.

Согласно данным социологического опроса студентов очной формы обучения, проведенного в ходе мониторинга экономики образования [2], исследовательской деятельностью в той или иной форме занимались 36% студентов бакалавриата и специалитета (среди старшекурсников 3–6-го курсов — 43%). Кроме того, наблюдается положительная связь между участием в научной работе и академической успеваемостью студентов. Так, среди обучающихся бакалавриата и специалитета, являющихся «круглыми отличниками», научными исследованиями занимаются 65%; среди имеющих оценки «хорошо» и «отлично» — 42%, а среди «твердых хорошистов» — 28%. Наиболее распространенные формы участия студентов бакалавриата и специалитета в научной работе — выступления на конференциях (в том числе студенческих) или семинарах: в них принимает участие 21% респондентов. Реже обучающиеся посещают научные семинары и другие мероприятия (12%), участвуют в конкурсах научных студенческих работ (9%), публикуют свои труды (8%), безвозмездно участвуют в научных проектах (4%, за плату — только 1%); 1% опрошенных студентов являются сотрудниками научных подразделений [3]. В совокупности с вышеизложенным данные обстоятельства актуализируют необходимость выявления и развития исследователь-

ского потенциала студентов и формирования их профессиональной субъектности.

В научной литературе категория научно-исследовательского потенциала студентов является недостаточно проработанной, при этом имеющиеся исследования ставят во главу угла преимущественно не студентов, а учащихся старших классов школы. В связи с этим нами предпринята попытка представить авторское определение данного термина, согласно которому профессиональная субъектность студента — это комплекс способностей студента, позволяющий ему считать себя профессионалом и действовать в различных ситуациях так, как того требует специфика его профессии. Очень важно понимать, что в такой интерпретации особым компонентом профессиональной субъектности выступает исследовательская субъектность.

При этом вопросы исследовательской субъектности затрагиваются не только в социологических, но и в психологических, и педагогических концепциях. Так, обобщая работы отечественных исследователей, анализирующих понятие субъектности, А. А. Каленов отмечает, что данное качество для личности является системообразующим и проявляется в «осознанном и активном отношении к окружающей действительности и самому себе» [4]. По мнению данного автора, в структуру субъектности входит осознанная активность, способность к целеполаганию, саморегуляция, рефлексивность, ответственность, осознание себя в качестве субъекта. Российские исследователи А. С. Обухов и Б. А. Киселев отмечают, что для формирования исследовательской субъектности необходимо уделять внимание эмоционально-мотивационной основе проявления исследовательского поведения — интересу обучающихся [5]. Данное обстоятельство требует от университета обеспечения не простого «механического» участия обучающихся в исследовательской работе, а поиска инновационных форм, повышающих их заинтересованность и личностную мотивацию.

Таблица 1 / Table 1

**Обзор методик оценки научно-исследовательского потенциала студентов /
Review of methodologies for assessing the research capacity of students**

Название методики	Авторы и стейкхолдеры исследования	Задачи методики	Основные характеристики методики
Диагностика исследовательского потенциала (ИП) на основании оценки потенциала студентов	Научный коллектив под руководством Н.В. Бордовской	Выявление одаренной молодежи	Нацелена на оценку трех компонентов ИП: мотивационного, когнитивного и поведенческого
Оценка на основании контроля результатов и активности научно-исследовательской деятельности студента	Российские университеты, согласно требованиям образовательных стандартов при государственной аккредитации вуза	Получение данных о институциональном потенциале и исследовательской среде	Контроль осуществляется в трех формах: устный, практический и в форме психологического тестирования, включая инструменты оценки фактической исследовательской деятельности студентов
Проект Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) «Исследовательский потенциал студента»	Авторский коллектив СПбГУ	Отбор претендентов на магистерскую программу в рамках конкурсного набора	Процедура исследования включает предъявление магистрантам пакета психодиагностических методик и анкеты для описания своей научной активности, с необходимостью представить данные о курсовых работах и выпускных квалификационных работах, научной активности во внеучебных программах
Методика самооценки научно-исследовательского потенциала	И.В. Клещева	Оценка эффективности научно-исследовательской деятельности студентов	Самоанализ проводится применительно к процессуальным действиям осуществления исследовательской деятельности и к полученным результатам

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

В исследовании М.С. Галишевой и П.В. Зуева отмечается, что учебно-исследовательская деятельность обучающихся являет собой активный процесс получения учащимся новых знаний через применение «научного метода под руководством педагога», итогом которого становится «формирование личностных структур, в том числе научного мышления, научного мировоззрения и опыта исследовательской деятельности» [6]. Такое понимание актуализирует не только проблему поиска эффективных образовательных технологий, формирующих у студентов интерес к исследовательской деятельности, но и вопрос о роли научного руководства. При этом зарубежные исследователи Х. Кларк и Ч. Райан отмечают, что отношения исследователя и руководителя носят методологический характер, формируют

проектную работу и саму сферу деятельности [7]. Обобщая результаты исследований, авторы приходят к выводу об эффективности гибких моделей взаимодействия между обучающимся и научным руководителем в сравнении с иерархическими властными отношениями.

Содержательная социологическая интерпретация исследовательской субъектности представлена в работе А. Я. Большунова и А. Г. Тюррикова, согласно которой исследовательская субъектность включает в себя две базовые взаимосвязанные составляющие:

1) освоение студентом «специфической логики» исследовательской деятельности и «специфической логики специфического предмета» исследовательской деятельности (входящих в сферу softskills);

2) формирование исследовательских компетенций — усвоение технологического содержания исследовательской деятельности (сфера *hardskills*) [8].

При этом, затрагивая вопросы исследовательской субъектности обучающихся, нельзя оставить без внимания еще одну значимую категорию — научно-исследовательский потенциал студентов и способы его измерения. Чаще всего под исследовательским потенциалом понимается системная, интегральная характеристика личности, включающая в себя ряд частных компонентов. Так, в одном из исследований, проведенных авторами Санкт-Петербургского государственного университета, отмечается, что данное понятие объединяет комплекс личностных ресурсов, как внутренних, так и приобретенных в процессе обучения: силу интеллекта, личностную зрелость информационно-когнитивной, мотивационно-ценностной, организационно-волевой сфер, которые необходимы для овладения и успешного самостоятельного ведения исследовательской деятельности [9]. Обзор отечественных исследований, посвященных методикам оценки научно-исследовательского потенциала студентов, представлен в *табл. 1*.

Актуальным, но недостаточно изученным остается вопрос о том, какое место занимает научно-исследовательский потенциал в процессе формирования профессиональной субъектности студента [10]. При таком рассмотрении проблемная ситуация заключается в социальном противоречии, которое сложилось между стремлением университета (как высшей школы) создать необходимые условия, способствующие развитию профессиональной субъектности студентов и заинтересованности самих студентов в реализации своего потенциала и формировании себя как молодых специалистов.

В целях анализа данной проблемы в 2020 г. коллектив Финансового университета провел социологическое исследование с применением методов фокус-групп и массового количественного опроса. В ходе фокус-групп было выявлено, что реализация научно-исследовательского потенциала способствует формированию профессиональной субъектности студентов. При этом студенты оценивают степень сформированности своего научно-исследовательского потенциала «ниже среднего» и «средне», одновременно отмечая, что его недостаточно для достижения личных и учеб-

ных целей. Деятельность в области исследований, по мнению участников фокус-группы, влияет на них только положительным образом: кому-то она помогла с получением стипендии, кому-то — с самоопределением и траекторией дальнейшего профессионального развития. Выявлено, что благодаря научно-исследовательской деятельности студенты развивают и *hard*, и *soft-skills*, приобретая опыт, который, по мнению самих опрошенных, является ценным преимуществом при их отборе на работу и стажировку. Благодаря научной работе студенты, по их собственному мнению, сформировали компетенции, необходимые для исследовательской работы и успешного трудоустройства, что свидетельствует о сформированности базового уровня профессиональной субъектности студентов.

Кроме того, при анализе результатов фокус-групп были обнаружены три важные тенденции. Во-первых, основным мотивом научно-исследовательской деятельности студентов является «перспектива на будущее». Однако под этим понимается не профессиональная научно-исследовательская деятельность, а планы и намерения поступить в магистратуру и собрать весомое портфолио для прохождения конкурсного отбора. Во-вторых, в каждой фокус-группе студенты отмечали, что наиболее эффективной формой реализации научно-исследовательского потенциала являются участие в реальных исследовательских проектах, публичные выступления на конференциях. При этом к написанию статей студенты относятся скептически, несмотря на то, что эта форма считается одним из самых популярных видов научной активности. Эффективнее статей для развития исследовательского потенциала участники считают обязательные исследования в рамках курсовых работ, что свидетельствует о том, что образовательный компонент неразрывно связан в вузе с практико-ориентированным. В-третьих, реализация научно-исследовательской деятельности в понимании респондентов дает им некоторое преимущество перед другими выпускниками вуза и претендентами на трудоустройство. Кроме этого, есть подтвержденные случаи среди респондентов, когда исследовательский опыт уже помог им пройти стажировку и даже трудоустроиться по специальности.

Выводы, полученные по итогам проведения фокус-групп, коррелируют с результатами

Таблица 2 / Table 2

**Индексы и уровневые значения сформированности научно-исследовательских компетенций /
Indices and level values of the formation of research competences**

Softskills		Hardskills	
Обладание стрессоустойчивостью	0,693	0,663	Способность выявить проблему исследования
Наличие креативного мышления	0,696	0,681	Умение аргументированно обосновать выявленную проблему
Инициативность, активная жизненная позиция	0,706	0,649	Способность определить гипотезу исследования
Способность организовать свое время и другие ресурсы для решения поставленных задач	0,713	0,663	Способность выстроить этапы научного исследования
Умение быстро ориентироваться в различных предметных областях	0,722	0,737	Умение пользоваться информационными ресурсами
Самоконтроль	0,734	0,724	Умение реферировать и извлекать требуемую информацию из основного содержания
Способность работать в команде	0,739	0,692	Умение пользоваться специализированными компьютерными программами
Стремление к саморазвитию, самообучаемость	0,742	0,649	Способность грамотного использования математико-статистического инструментария для анализа и обработки данных
Коммуникабельность, умение работать с людьми	0,745	0,671	Умение отстаивать результаты научно-исследовательской деятельности

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

массового опроса студентов. Было выявлено, что общая оценка значимости научно-исследовательской деятельности студентами немного выше среднего и составляет 6,34 балла из возможных 10. Большинство опрошенных студентов указали, что заниматься научной деятельностью в Финансовом университете престижно (69%). Треть студентов (32%) указывают основную причину, препятствующую их активному и плодотворному участию в научной жизни, связанную с большой загруженностью и с трудностью совмещения учебной жизни с научной [11]. В ходе анкетирования респондентам было предложено оценить компетенции, необходимые для осуществления исследовательской деятельности — личностно-профессиональные (hardskills) и универсальные (softskills). Анализ компетенций, необходимых на рынке труда и приобретаемых в высших

учебных заведениях, позволяет сравнить как внешнюю, так и внутреннюю оценку качества образовательных услуг через перечень конкретных базовых личностно-профессиональных и универсальных компетенций, приобретенных в процессе обучения. Преимуществом в таком компетентностном подходе является возможность оценки востребованности компетенций на рынке труда независимыми субъектами и возможность их уровневого измерения [12]. Построенные на основе полученных данных агрегированные индексы позволяют заключить, что обучающиеся хорошо владеют компетенциями, необходимыми в работе с информацией, но при этом затрудняются в реализации методических, инструментальных задач. В табл. 2 представлено значение индексов по отдельным компетенциям, подвергшихся оценке в ходе опроса.

Среди профессиональных компетенций (hardskills) у обучающихся наиболее развиты навыки работы с информацией (умение работать с ресурсами, реферировать, извлекать информацию). Однако вузу следует уделить особое внимание формированию способности к выдвижению гипотез, использованию инструментов математического и статистического анализа, обработке данных — именно эти навыки развиты у опрошенных в меньшей степени. Среди softskills наиболее развитыми являются коммуникативность, стремление к саморазвитию и способность работать в команде, а наименее — креативное мышление и стрессоустойчивость. Также в рамках исследования было важно измерить взаимосвязь исследовательского потенциала студента с его профессиональным развитием, желанием связать свою профессию с исследовательской деятельностью. Анализ коэффициентов корреляции, рассчитанных по критерию Спирмена, позволил зафиксировать данную взаимосвязь. Кроме того, часть студентов, ориентированных на научную и преподавательскую карьеру, проявила склонность к инбридингу — положительной оценке университета как перспективного места трудоустройства.

Результаты проведенного исследования позволили углубить теоретические представления и апробировать новые методические инструменты изучения научно-исследовательского потенциала студентов. Изучение влияния научно-исследовательской деятельности имеет огромное значение не только в решении вопросов профессионального самоопределения, но и в прикладных целях — формировании кадрового резерва наукоемких отраслей, сферы образования и исследовательских организаций, так как на базе университета студент может участвовать в разработке исследовательских проектов посредством грантов, государственных исследовательских заданий, прикладных разработок, творческих исследовательских конкурсов. Все это в совокупности играет не последнюю роль и при принятии решения посвятить себя дальнейшей научной деятельности.

При этом было выявлено, что студенты на всех курсах обучения ощущают недостаток компетенций, связанных с «продажей» собственного исследовательского продукта работодателю: умения формировать техническое задание, оформлять коммерческое предложение по сбору

данных в сфере экономики и финансов, договариваться с заказчиком и проводить бриф. Безусловно, эти компетенции являются важными, но сформировать их можно только на практике. Зато для большинства студентов-социологов не вызывает затруднений обработка первичных данных и проведение сбора социологической информации. Это также демонстрирует осознанность и значимость самостоятельной работы. Исходя из результатов проведенного исследования, можно выделить следующие виды стимулирования научно-исследовательского потенциала студентов в университете:

1. Материальное стимулирование студенческой науки (единовременные выплаты поощрительного характера; исследовательские стипендии, зависящие от «научных успехов», а не только от академической успеваемости; студенческие внутривузовские гранты).

2. Стимулирование публикационной активности студентов: введение системы материального поощрения «публикующихся» студентов; проведение семинаров, посвященных этике и алгоритму научно-публикационной деятельности.

3. Создание интернет-платформы, объединяющей студентов, заинтересованных научно-исследовательской работой, которая позволяла бы не только аккумулировать практически полезную информацию, но и стимулировала бы коммуникацию между обучающимися, преподавателями и работодателями.

4. Внедрение гибкой, партнерской системы взаимодействия научных руководителей и студентов, позволяющей выстраивать наиболее продуктивную коммуникацию.

5. Применение проектных технологий в обучении студентов, разработка системы мотивации преподавателей — научных руководителей студенческих исследовательских проектов.

Помимо вышеперечисленного, в данный список можно включить развитие системы стажировок, организации практик студентов в рамках малых инновационных предприятий университета, договоров с «внешними» партнерами-заказчиками. В то же время нужно учитывать, что для стимулирования научно-исследовательского потенциала и профессиональной субъектности студентов необходимы комплексные меры, сочетающие в себе несколько разнообразных инструментов, а также развитие общей ресурсной базы университетов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бобиенко О.М. Ключевые компетенции профессионала как конкурентное преимущество на рынке труда. *Современная конкуренция*. 2008;4(10):96–104.
2. Власова В.В., Гохберг Л.М., Дьяченко Е.Л. и др. Российская наука в цифрах. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ; 2018.
3. Бондаренко Н.В., Войнилов Ю.Л., Волкова Г.С. и др. Российская молодежь: образование и наука. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ; 2017.
4. Каленов А.А. К вопросу понимания субъектности и ее структуры в научных исследованиях. *Образование и воспитание*. 2017;1(11):3–7.
5. Обухов А.С., Киселев Б.А. Развитие субъектной позиции учащихся старших классов в условиях учебно-исследовательской деятельности. *Преподаватель XXI век*. 2010;(2–1):179–188.
6. Галишева М.С., Зуев П.В. Учебно-исследовательская деятельность школьника: структурная модель и формулировка понятия. *Педагогическое образование в России*. 2019;(6):6–18.
7. Clarke H., Ryan C. Research Supervision as a Conversation. *International Journal of Qualitative Studies in Education*. 2006;19(4):477–497.
8. Андреева И.Г. Профессиональная субъектность будущих юристов как объект изучения и развития. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-subektnost-buduschihyuristov-kak-obekt-izucheniya-i-razvitiya>.
9. Бордовская Н.В., Костромина С.Н., Розум С.И., Москвичева Н.Л. Исследовательский потенциал студента: содержание конструкта и методика его оценки. *Психологический журнал*. 2017;1(38):52–66.
10. Тюриков А.Г., Большунов А.Я. Профессиональная субъектность как продукт высшего образования и подходы к оценке профессиональной субъектности выпускника вуза. *Инновации в образовании*. 2018;(11):95–105.
11. Тюриков А.Г., Кунижева Д.А., Таракановская Е.В. Формирование и развитие научно-исследовательского потенциала молодежи в вузе. *Власть*. 2020;(4):163–170.
12. Тюриков А.Г., Разов П.В., Амерсланова А.Н. Участие потребителей в оценке качества и востребованности образовательных услуг вуза. *Гуманитарные науки*. 2018;8(6):68–75.

REFERENCES

1. Bobienko O.M. Key competencies of a professional as a competitive advantage in the labour market. *Sovremennaya konkurenciya*. 2008;4(10):96–104. (In Russ.).
2. Dyachenko et al., eds. Russian science in numbers National research. Moscow: HSE; 2018. URL: <http://www.expeducation.ru/ru/article/view?id=170>. (In Russ.).
3. Bondarenko N.V., Voynilov Yu.L., Volkova G.S. Russian youth: education and science. Moscow: HSE; 2017. URL: <http://www.expeducation.ru/ru/article/view?id=170>. (accessed on 08.05.2020). (In Russ.).
4. Kalenov A.A. To the question of understanding subjectivity and its structure in scientific research. *Obrazovaniye i vospitaniye*. 2017;1(11):3–7. URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/52/1930> (accessed on 24.08.2020). (In Russ.).
5. Obukhov A.S., Kiselev B.A. development of the subject position of high school students in the conditions of educational and research activities. *Prepodavatel' XXI veka*. 2010;(2–1):179–188. (In Russ.).
6. Galisheva M.S., Zuev P.V. Educational and research activities of school children: structural model and formulation of the concept. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii*. 2019;(6):6–18. (In Russ.).
7. Clarke H., Ryan C. Research Supervision as a Conversation. *International Journal of Qualitative Studies in Education*. 2006;19(4):477–497.
8. Andreeva I.G. Professional subjectivity of future lawyers as an object of study and development. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-subektnost-buduschihyuristov-kak-obekt-izucheniya-i-razvitiya>. (accessed on 15.04.2020). (In Russ.).
9. Bordovskaya N.V., Kostromina S.N., Rozum S.I., Moskvicheva N.L. Research potential of a student: The content of a construct and methods of its evaluation. *Psikhologicheskij zhurnal*. 2017;1(38):52–66. (In Russ.).
10. Tyurikov A.G., Bolshunov A. Ya. Professional subjectivity as a product of higher education and approaches to assessing the professional subjectivity of a university graduate. *Innovatsii v obrazovanii*. 2018;(11):95–105. (In Russ.).

11. Tyurikov A. G., Kunizheva D. A., Tarakanovskaya E. V. Formation and development of research potential of youth in higher education. *Vlast*. 2020;(4):163–170. (In Russ.).
12. Tyurikov A. G., Rozov P. V., Amerslanova A. N. Participation of consumers in assessing the quality and relevance of educational services of the university. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2018:8(6):68–75. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Екатерина Владимировна Воеводина — кандидат социологических наук, доцент Департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия
ekaterinavoevodina@yandex.ru

Пирмагомед Шихмагомедович Шихгафизов — кандидат социологических наук, старший преподаватель Департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия
PShychgafizov@fa.ru

Ангелина Вячеславовна Власова — специалист учебно-научной социологической лаборатории Департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия
AVVlasova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Voevodina — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia
ekaterinavoevodina@yandex.ru

Pirmagomed S. Shihgafizov — Cand. Sci. (Sociology), Senior lecturer at the Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia
PShychgafizov@fa.ru

Angelina V. Vlasova — Specialist at the Educational and Scientific Sociological Laboratory of the Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia
lina-vlasova@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Воеводина Е. В. — формулирование проблемы; дизайн исследования (выбор методов, определение инструментария); интерпретация полученных результатов.

Шихгафизов П. Ш. — статистический анализ данных.

Власова А. В. — обзор источников; формирование аппарата исследования; сбор данных; интерпретация полученных результатов.

Authors' declared contributions:

Voevodina E. V. — problem formulation; research design (choice of methods, the definition of instrumentation); interpretation of the results obtained.

Shikhgafizov P. Sh. — statistical data analysis.

Vlasova A. V. — a review of sources; formation of the research apparatus; data collection; interpretation of the results obtained.

Статья поступила 15.09.2020; принята к публикации 15.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.09.2020; accepted for publication on 15.11.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-105-112
УДК 323.39,330.117(045)

Анализ информационного сопровождения реализации национальных проектов*

Д.В. Петросянц^а, Д.Д. Осинина^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-8167-9005>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-5565-2079>

АННОТАЦИЯ

В статье изучено и проанализировано информационное сопровождение реализации национальных проектов (НП). Авторы рассматривают, в том числе, частотность упоминания, контекст, а также — в положительном или отрицательном ключе подана информация о кураторах, руководителях и администраторах национальных проектов в статьях по этой теме. Кроме того, авторами проведен анализ результатов социологических исследований на предмет осведомленности населения о наличии национальных проектов — в общем, и отдельных проектах — в частности. На основании проведенного исследования медиаполя авторами сделан вывод относительно качества продвижения и разъяснения целей и первичных результатов национальных проектов для общественной аудитории.

Ключевые слова: национальные проекты; цифровая экономика; информационное сопровождение; СМИ; социальные медиа; большие данные

Для цитирования: Петросянц Д.В., Осинина Д.Д. Анализ информационного сопровождения реализации национальных проектов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):105-112. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-105-112

ORIGINAL PAPER

Analysis of Information Support of the Implementation of National Projects**

D.V. Petrosyants^а, D.D. Osinina^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-8167-9005>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-5565-2079>

ABSTRACT

In this article, the authors studied and analyses the information support for the implementation of national projects. It includes the frequency of mentioning (context, in a positive or negative way) of supervisors, leaders and administrators of national projects in articles with the presence of the topic of national projects. Also, we analysed the results of sociological research for the awareness of the population about the existence of national projects, in principle, and about individual projects, in particular. Based on the analysis of the media field, the authors concluded the quality of promotion and explanation of the goals and primary results of national projects for the public audience.

Keywords: national projects; digital economy; information support; media; social media; big data

For citation: Petrosyants D.V., Osinina D.D. Analysis of information support of the implementation of national projects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):105-112. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-105-112

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2020 г.

** The article is based on the results of studies carried out of the expense of budget funds on the state task of the Financial University in 2020.

Национальные проекты, старт которым был положен Президентом России В. В. Путиным в мае 2018 г., являются ключевыми целевыми установками для социально-экономического развития Российской Федерации. Пандемия коронавируса внесла свои коррективы и оказала влияние на экономики всех стран мира, в том числе и России, соответственно, сложно ожидать четкого, неукоснительного и безусловного выполнения всех целей и достижения контрольных показателей, установленных в национальных проектах 2019–2024 гг.

В связи с этим реализация национальных проектов была пролонгирована до 2030 г. Таким образом, основные целевые показатели, заложенные в национальных проектах, по-прежнему являются ориентирами для социально-экономического развития страны.

Прежде чем приступить непосредственно к анализу продвижения реализации национальных проектов среди населения, определимся с методологией исследования.

В процессе исследования будут использованы методы контент-анализа, сравнения и измерения оценок, квалиметрические синтетические измерения, метрия агрегированных BigData в СМИ и Интернете, синтез и анализ. Период исследования: с мая 2018 по август 2020 г.

Итак, для начала определим, какие категории граждан в целом имеют представление о на-

циональных проектах и каков общий уровень осведомленности.

Согласно результатам всероссийского опроса, проведенного в феврале 2019 г., о национальных проектах слышали только 41% граждан. При этом хорошо осведомлены о целях и значении национальных проектов всего 2% опрошенных. Если же обратиться к половозрастной структуре респондентов, то наиболее информированной является социальная группа в возрасте 45–59 лет, а наименее информированной — молодежь в возрасте от 18 до 24 лет. Столь низкий уровень осведомленности россиян о национальных проектах заставляет задуматься о том, интересна ли гражданам эта тема в принципе. Согласно результатам опроса, более 60% респондентов хотели бы получать информацию о реализации национальных проектов, и лишь 10% не испытывают интереса к данной тематике. Соответственно, мы можем констатировать, что причиной столь низкого уровня осведомленности граждан о национальных проектах является не отсутствие интереса, — напротив, россияне демонстрируют запрос на соответствующее информационное сопровождение проекта. В то же время 41% респондентов отметили, что никакой информации о национальных проектах не видели. Лидерами опроса по уровню информированности граждан являются здравоохранение (25%), предпринимательство

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика числа публикаций в российских СМИ по запросу «национальные проекты России» за 2019 г. по месяцам / Dynamics of the number of publications in Russian media on the request “National projects of Russia” for 2019 by months

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

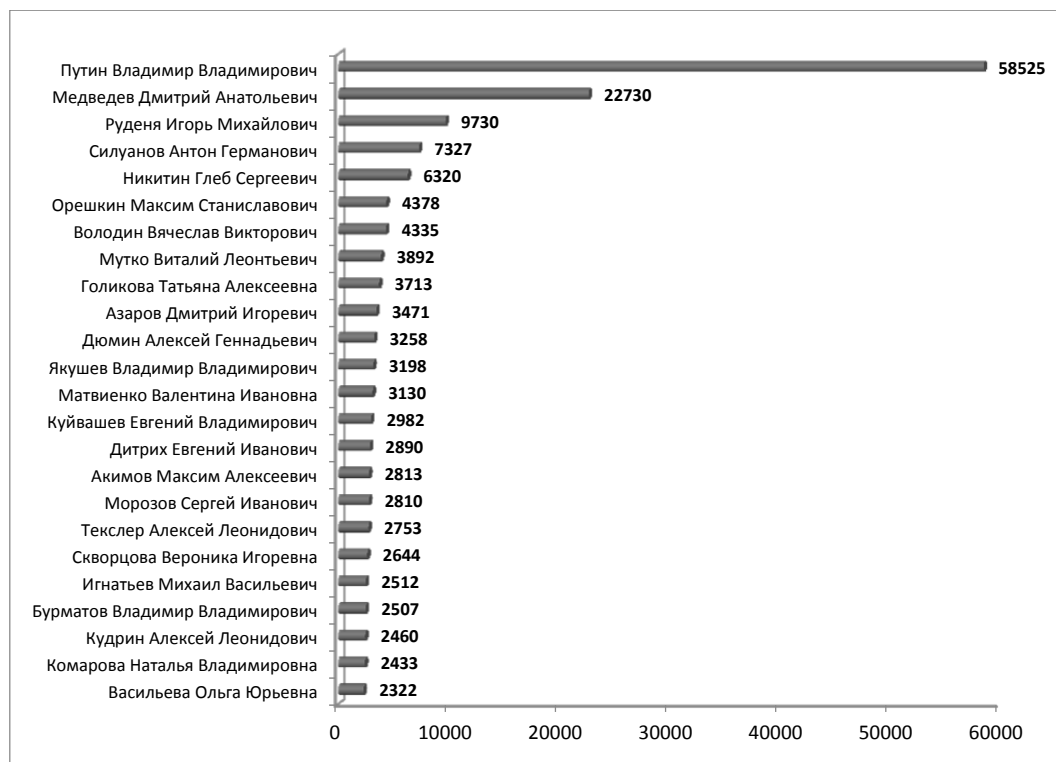

Рис. 2 / Fig. 2. Частота упоминания персон по агрегированному запросу «национальные проекты + их реализация + руководители НП» в 2019 г. (СМИ всех уровней) / Frequency of mentioning persons on the aggregate request “National projects + their implementation + NP leaders” in 2019 (mass media of all levels)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

(23%), образование и экология (22%), дороги и демография (21%)¹.

Портал «Будущее России. Национальные проекты», оператором которого является ТАСС, в конце 2019 г. выяснил у экспертов актуальное состояние национальных проектов и степень их эффективности для социально-экономического развития страны, а также — каковы перспективы нацпроектов до 2024 г. (<https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/odin-iz-sesti-ctodal-ekonomike-rossii-pervyj-god-realizacii-nasproektov>). Сам по себе портал призван заниматься пропагандой и максимально эффективной подачей информации для экспертов, специалистов, населения страны. В итоге получилось нечто вроде Russia Today по национальным проектам для внутрироссийского пользования.

Применение экспертных показателей, оценивающих поток информации СМИ, начнем с использования аналитических инструментов СКАН-Интерфакс.

¹ ВЦИОМ: россияне мало знают о национальных проектах. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2019/06/21/vtsiom-natsproekty> (дата обращения: 18.11.2020).

Первым полноценным и, соответственно, эталонным для дальнейших сравнений годом исследования оценки обществом реализации национальных проектов стал 2019 г. (*рис. 1*).

На *рис. 1* можно заметить большое число статей (от 6 до 8 млн в мес.) и информационных материалов, содержащихся в базе СКАН по окончании 2019 г. Отметим, что по данному запросу обнаружена большая зашумленность данных, при этом мы имеем возможность представить себе генеральную совокупность исследуемой выборки.

Жестко закрепив в следующем аналитическом запросе к базе СКАН связь национальных проектов и их кураторов и руководителей, получаем сжатую картину упоминания в СМИ лиц, ответственных за их реализацию. Таким образом, мы можем оценить некоторые особенности контекста, связанного с их деятельностью (всего немногим более 302 тыс. публикаций), а также оценить наиболее часто упоминаемые агрегированные сюжеты по запросу «национальные проекты» в 2019 г. (*рис. 2*).

На *рис. 3* представлена частотность упоминания регионов РФ (субъектов Федерации и крупных городов) в связи с выполнением национальных проектов.

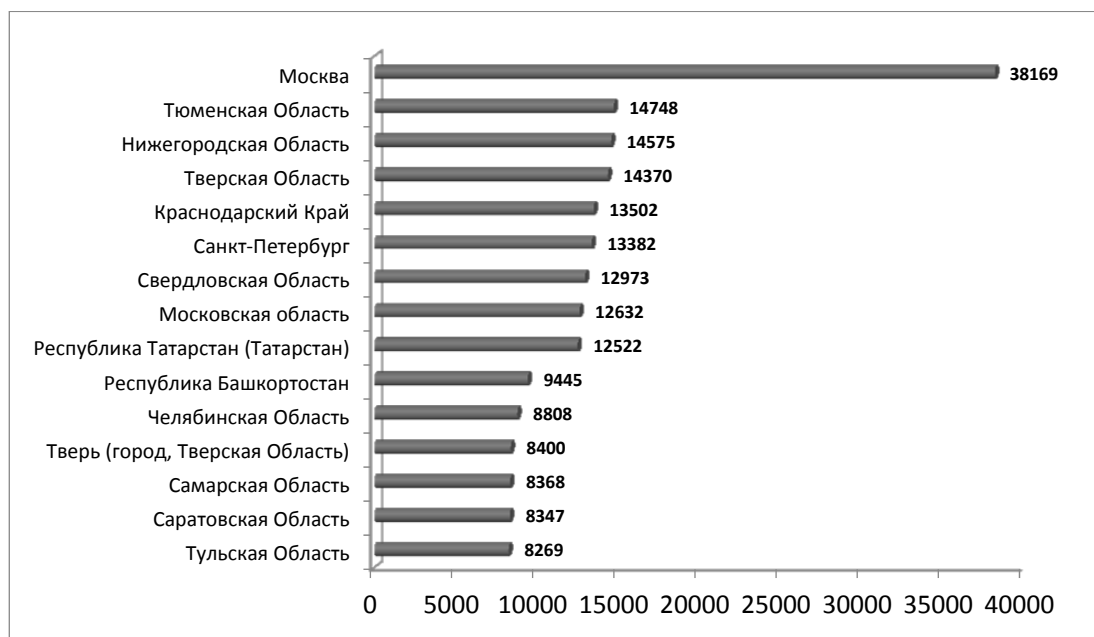

Рис. 3 / Fig. 3. Частота упоминания регионов РФ по агрегированному запросу «национальные проекты + их реализация + руководители НП» в 2019 г. (СМИ всех уровней) / Frequency of mentioning regions on the aggregate request “National projects + their implementation + NP leaders” in 2019 (mass media of all levels)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

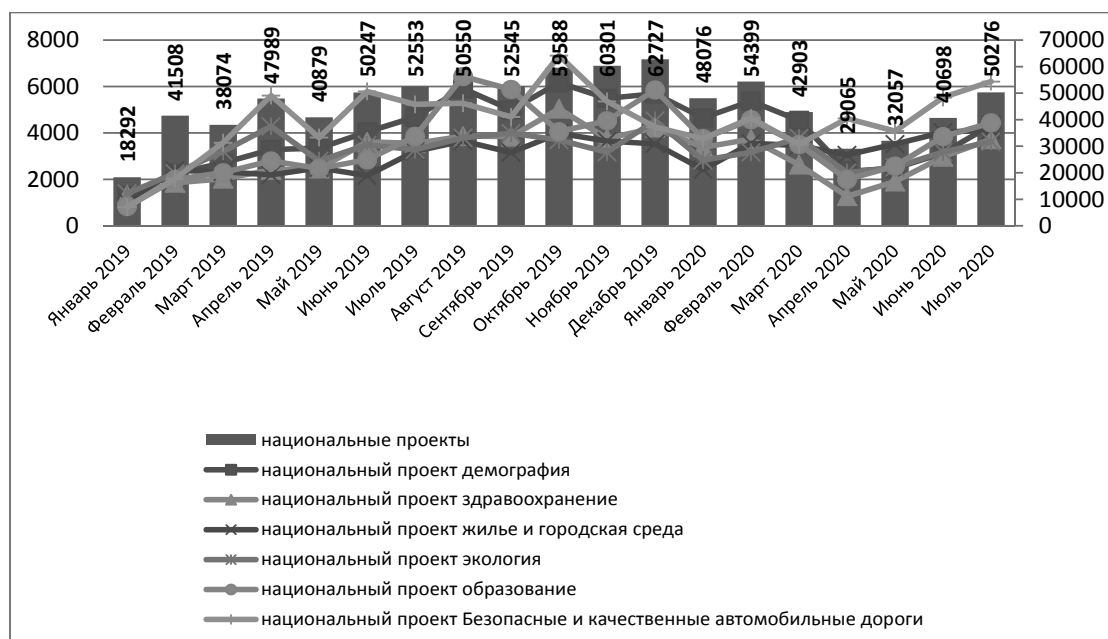

Рис. 4 / Fig. 4. Динамика публикаций по шести наиболее упоминаемым нацпроектам в контексте их реализации, число публикаций / The dynamics of publications on the six most mentioned national projects in the context of their implementation, the number of publications

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

На рис. 4–5 продемонстрирована динамика публикаций в русскоязычных СМИ за период исполнения национальных проектов (динамика по агрегированному восприятию национальных проектов и по 12 конкретным национальным проектам: шесть наиболее упоминаемых и шесть

наименее упоминаемых). Если же обратиться к агрегированной частоте упоминания правительственных структур, национальных проектов и государственных корпораций в 2020 г., то, разумеется, само Правительство РФ — на первом месте 13,4% (рис. 6). Из министерств и ведомств

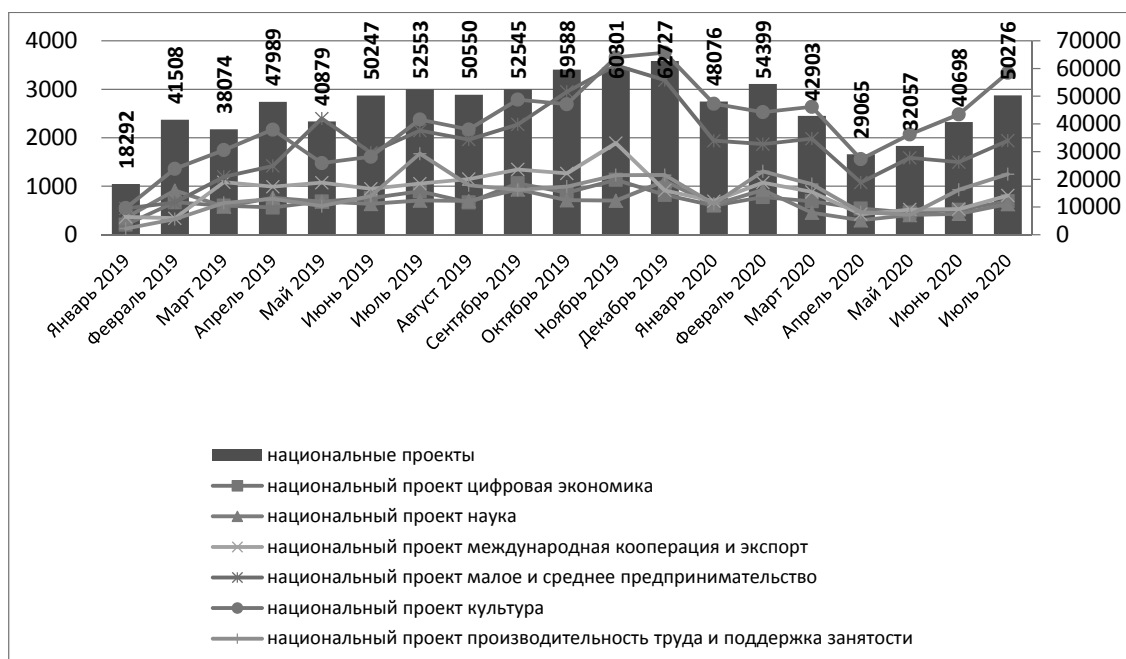

Рис. 5 / Fig. 5. Динамика публикаций по шести наименее упоминаемым нацпроектам в контексте их реализации, число публикаций / Dynamics of publications on six least mentioned national projects in the context of their implementation, number of publications

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

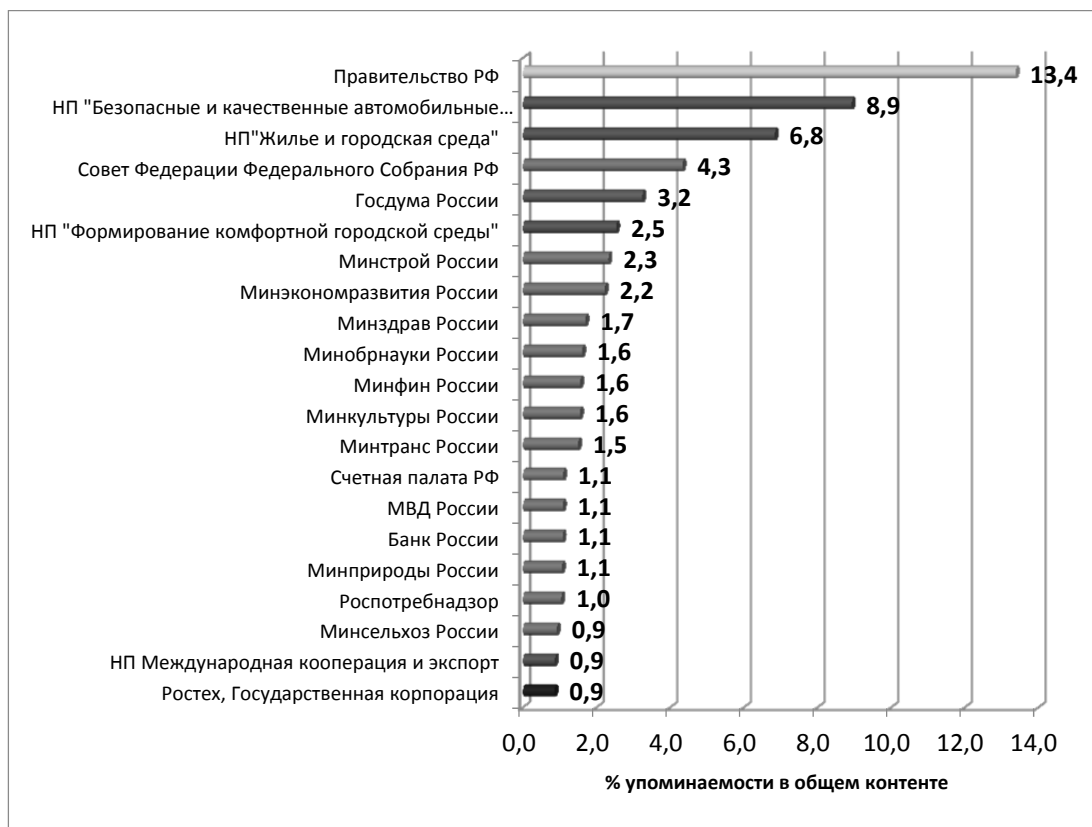

Рис. 6 / Fig. 6. Агрегированная частотность упоминания правительственных структур, НП и государственных корпораций в связи с реализацией НП в 2020 г., % (до 16 августа 2020 года) / Aggregated frequency of mentioning government structures, NPs and state corporations in connection with NP implementation in 2020, % (until August 16, 2020)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

Частотность упоминания персон в медийном русскоязычном пространстве в соответствии с упоминанием НП и их реализацией в 2020 г. / The frequency of mentioning persons in the Russian-speaking media space following the mention of NP and their implementation in 2020

Персона	Должность	Частота упоминаний	Средний процент упоминаний по 12 НП
Путин Владимир Владимирович	Президент РФ	12	26,1
Никитин Глеб Сергеевич	Губернатор Нижегородской области	12	4,0
Мишустин Михаил Владимирович	Премьер-министр Правительства РФ	12	1,8
Азаров Дмитрий Игоревич	Губернатор Самарской области	12	1,7
Морозов Сергей Иванович	Губернатор Ульяновской области	12	1,5
Комарова Наталья Владимировна	Губернатор Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	12	0,8
Дюмин Алексей Геннадьевич	Губернатор Тульской области	11	0,8
Медведев Дмитрий Анатольевич	Заместитель председателя Совета Безопасности РФ	11	0,8
Островский Алексей Владимирович	Губернатор Смоленской области	10	1,0
Минниханов Рустам Нургалиевич	Президент Республики Татарстан	10	0,9
Кондратьев Вениамин Иванович	Губернатор Краснодарского края	10	0,8
Текслер Алексей Леонидович	Губернатор Челябинской области	10	0,7
Голубев Василий Юрьевич	Губернатор Ростовской области	10	0,7
Артамонов Игорь Георгиевич	Глава администрации Липецкой области	10	0,6
Куйвашев Евгений Владимирович	Губернатор Свердловской области	10	0,6
Николаев Айсен Сергеевич	Глава Республики Саха (Якутия)	10	0,6
Руденя Игорь Михайлович	Губернатор Тверской области	9	3,0
Бочаров Андрей Иванович	Губернатор Волгоградской области	9	0,6
Бречалов Александр Владимирович	Глава Удмуртской Республики	9	0,5
Хабиров Радий Фаритович	Глава Республики Башкортостан	9	0,5
Травников Андрей Александрович	Губернатор Новосибирской области	8	0,9
Шапша Владислав Валерьевич	Губернатор Калужской области	8	0,4
Васильев Игорь Владимирович	Губернатор Кировской области	7	0,6

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

Рис. 7 / Fig. 7. Частота упоминания в СМИ субъектов Федерации ЦФО в связи с исполнением национальных проектов в 2020 г. (с 01.01.2020 до 16.08.2020) / Frequency of mention in the media of the subjects of the Federation of the Central Federal District in connection with the implementation of national projects in 2020 (from 01/01/2020 to 08/16/2020)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

наиболее заметны Минстрой (2,3%), Минэкономразвития (2,2%) и Минздрав (1,7%). Из представителей высшей школы — два вуза: РАНХиГС (0,5%) и НИУ ВШЭ (0,3%).

В таблице приведены результаты замера частоты упоминания медиаперсон в связи с национальными проектами и их реализацией в российских СМИ в 2020 г. Интерес вызывает частотность этих упоминаний по конкретным нацпроектам. Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее медийно заметны руководители российских регионов, а федеральные министры и иные чиновники представлены только премьер-министром М.В. Мишустиним (третье место).

Таким образом, частота упоминания в СМИ национальных проектов по субъектам Федерации дает нам возможность оценить работу местных администраций по их продвижению и информационному сопровождению. На рис. 7 представлена частота упоминания в СМИ субъектов Федерации ЦФО в связи с исполнением национальных проектов в 2020 г. В числе наиболее заметных — Москва (20% контента по теме), Московская область (12%), Тверская область (12%).

Таким образом, анализ СМИ позволяет нам выявить территории и медиаперсон, наиболее «засвеченных» в связи с исполнением национальных проектов. Замеры тональности публикаций

не показали существенных изменений оценки как в негативную, так и позитивную сторону, скорее, это констатация факта наличия и медиаприсутствия такой темы, как «исполнение национальных проектов».

Согласно результатам всероссийского опроса, проведенного в феврале 2019 г., о национальных проектах слышали только 41% граждан. При этом хорошо осведомлены о целях и значении национальных проектов всего 2% опрошенных.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, большинство национальных проектов остаются для аудитории СМИ и социальных медиа малопонятными и оторванными от повседневной жизни. Эксперты различного уровня дают пространственные заключения, которые предназначены не для разъяснения преследуемых

целей населению, а для чиновников, финансовых аналитиков, аудиторов и т.п. Чаще же мы видим, что участие медиаперсон в контексте обсуждения и оценки национальных проектов становится для них еще одной возможностью напомнить о себе и засветиться в медиаполе.

Во-вторых, в СМИ отсутствует профессиональный анализ национальных проектов с точки зрения реальности и возможности достижения заложенных в них целевых ориентиров. Нет оценок чиновников и независимых экспертов, ответственных за осуществление национальных проектов, по эффективности уже вложенных ресурсов. В отчетных статьях и полемических материалах не ставится вопрос: требуется ли коррекция и уточнение целевых показателей в связи с новыми вызовами?

В-третьих, можно отметить неоднородный интерес (от активного обсуждения до практически полного молчания), проявляемый в СМИ к региональным политическим лидерам и чиновникам в связи с выполнением национальных проектов. Связано это в первую очередь с умелым привлечением ими внимания к собственной персоне с использованием федерального проекта как возможности самопиара либо — с нежеланием заниматься подобной информационно-коммуникационной активностью.

Эксперты и аналитики должны постоянно оценивать важность и актуальность различных потенциальных новостных сюжетов, которые конкурируют за время и внимание и, соответственно, способны формировать общественное мнение.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Даниэл Викторович Петросяни — кандидат экономических наук, заместитель руководителя Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
dan-basa@yandex.ru

Дарья Дмитриевна Осинина — аспирантка Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
DDOsinina@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Daniel V. Petrosyants — Cand. Sci. (Econ.), Deputy Head of the Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
dan-basa@yandex.ru

Daria D. Osinina — Postgraduate student, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
DDOsinina@fa.ru

Статья поступила 04.10.2020; принята к публикации 28.10.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 04.10.2020; accepted for publication on 28.10.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-113-119
УДК 323.39(045)

Американское и советское влияние на особенности политического лидерства ФРГ, ГДР и объединенной Германии

В.В. Зубов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6446-3221>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена раскрытию вопроса влияния Соединенных Штатов Америки и Советского Союза на формирование типов политического лидерства в Федеративной Республике Германия, Германской Демократической Республике и объединенной Германии 1990 г. В представленном материале коротко характеризуются представленные в дискурсе политической науки типологии политического лидерства (типология традиционного, рационально-легального и харизматичного лидера Макса Вебера, типология лидера-«знаменосца», «торговца», «служителя» и «пожарного» Маргарет Херманн, типология «патриарха», «тирана» и «идеального» лидера Сесила Джибба), что в дальнейшем позволяет соотнести выявленные типы с политическими лидерами ФРГ Конрадом Аденауэром, Людвигом Эрхардом, Куртом Георгом Кизингером, Вилли Брандтом, Гельмутом Шмидтом и Гельмутом Коле и ГДР – Вальтером Ульбрихтом и Эриком Хонеккером. На основе узловых событий политической истории Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германия раскрывается экономическое, военное, идеологическое и политическое влияние двух сверхдержав времен холодной войны – Советского Союза и Соединенных Штатов Америки – на ключевые векторы внутренней и внешней политики Федеративной Республики Германия и Германской Демократической Республики.

Ключевые слова: СССР; США; холодная война; ГДР; ФРГ; политическое лидерство; типология Вебера; типология Херманн; типология Джибба; объединенная Германия; «немецкое экономическое чудо»

Для цитирования: Зубов В.В. Американское и советское влияние на особенности политического лидерства ФРГ, ГДР и объединенной Германии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):113-119. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-113-119

ORIGINAL PAPER

American and Soviet Influence on the Characteristics of the Political Leadership of Germany, the GDR, and Unified Germany

V.V. Zubov

The Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6446-3221>

ABSTRACT

The article presents the influence of the United States of America and the Soviet Union on the formation of political leadership types in the Federal Republic of Germany, the German Democratic Republic and united Germany in 1990. The presented material briefly describes the typologies of political leadership presented in the political science discourse (typology of traditional, rational-legal and charismatic leader Max Weber, typology of leader – ‘bannerman’, leader-‘merchant’, leader – ‘servant’ and leader – ‘fireman’ Margaret Hermann, typology ‘patriarch’, ‘tyrant’ and ‘ideal’ leader Cecil Jibb), that is possible in the future to relate the identified types to the political leaders of Germany – Konrad Adenauer, Ludwig Erhard, Kurt Georg Kiesinger, Willie Brandt, Helmut Schmidt, and Helmut Kohl and GDR – Walter Ulbricht and Eric Honecker. The economic, military, ideological and political influences of the two super-Powers of the «cold war» period are revealed based on the nodal events of the political history of the German Democratic Republic and the Federal Republic of Germany and the German Democratic Republic.

Keywords: the USSR; the USA; the Cold War; the GDR; Germany; political leadership; the typology of Weber; the typology of Hermann; the typology of Jibba; unified Germany; “German economic miracle”

For citation: Zubov V.V. American and Soviet influence on the characteristics of the political leadership of Germany, the GDR and unified Germany. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):113-119. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-113-119

ВВЕДЕНИЕ

Современная Германия является одним из самых видных и влиятельных политических образований Европейского союза и развитого мира. Вместе с тем история Германии прошлого столетия полна драматических моментов и порой неожиданных поворотов: поражение в Первой мировой войне и последовавшие за этим реваншистские настроения немецкого народа под знаменем диктатуры нацизма вылились в гораздо более масштабную и кровопролитную Вторую мировую войну, а потеря государственного суверенитета в конечном итоге привела к расколу Германии на два противоборствующих лагеря: ФРГ и ГДР.

Федеративная Республика Германия, с одной стороны, и Германская Демократическая Республика, с другой стороны, являясь сателлитами стран развитого мира и Советского Союза соответственно, во многом были зависимы от международной повестки, проводимой крупнейшими игроками на мировой арене в период холодной войны. Однако их фактическая и юридическая обособленность, а также автономные финансовые системы позволяют рассматривать ФРГ и ГДР как государства, способные проводить собственную политическую повестку как между собой, так и в отношениях с другими государствами. В этой связи интересным с точки зрения политологии представляется вопрос о политическом лидерстве в Федеративной Республике Германия и Германской Демократической Республике с момента их создания и вплоть до их объединения в октябре 1990 г. При этом проблема политического лидерства в указанных странах, с нашей точки зрения, представляется интересной в следующих разрезах: 1) характеристика ведущих политических деятелей ФРГ и ГДР с точки зрения подходов к типологизации политического лидерства; 2) оценка политического поведения указанных политиков в связи с отношением к тому или иному типу политического лидерства; 3) раскрытие влияния Соединенных Штатов Америки на действия высшего политического истеблишмента Федеративной Республики Германия, обусловившие принадлежность глав ФРГ к тому или иному типу политического лидерства; 4) раскрытие влияния Советского Союза на действия высшего политического истеблишмента Германской Демократической Республики, обусловившие принадлежность глав ГДР к тому или иному типу политического лидерства.

Отметим, что рассмотрение вопроса политического лидерства в ГДР и ФРГ будет осуществляться нами на базе приемов и методов политической науки. Тем не менее, поскольку проявление политического лидерства возможно при совершении определенных действий в прошлом, мы не можем обойти стороной описание некоторых узловых событий мировой истории XX столетия.

Однако, прежде чем рассматривать поставленные вопросы прикладного плана, необходимо затронуть известную в политической науке тему политического лидерства в целом и типологию политического лидерства в частности.

Рассматривая вопрос политического лидерства, заметим, что оно в наиболее общем виде может характеризоваться как реализация наделенными политической властью людьми потенциала по оказанию влияния на других людей и общественные группы, даже если такое влияние расходится с желаниями и волеизъявлением последних. Поскольку политическое лидерство представляется весьма разнообразным в силу наличия множества методов политической деятельности, то в политической науке существует множество классификаций его типов. Наиболее ранняя типологизация политического лидерства, называемая некоторыми исследователями классической [1], была предложена немецким социологом Максом Вебером (1864–1920). По указанным критериям он выделяет традиционное, рационально-легальное и харизматическое лидерство. Традиционное лидерство зиждется на представлении общества о законности существующей власти в силу установленных традиций и обычаев политической практики. Рационально-легальное лидерство, которое в научной литературе нередко именуется бюрократическим [2], в основе своей имеет установление политической власти в силу существующего права и закона. В отличие от рационально-легального лидерства харизматический тип может устанавливаться лишь на базе легитимности, при этом основанием последней являются исключительные личностные качества политического лидера: внешность, выдающиеся ораторские способности, умение консолидировать различные группы населения на базе простых, доступных и разделяемых большинством населения ценностей. Иное основание деления — имиджевое — раскрывается американским политическим психологом Маргарет Херманн (родилась

в 1938 г.). По ее мнению, поведение политических лидеров вовне может выражаться четырьмя различными типами. Лидер-«знаменосец» представляет собой выражение некой идеи по изменению общественного мироустройства. Риторика и практика «знаменосцев» сводится к воплощению презентуемой ими картины «идеального» мира. Имидж лидера-«служителя» опосредован интересами своих сторонников, выразителем и исполнителем которых «служитель» и выступает на политической арене. Прямой противоположностью лидеру-«служителю» выступает лидер-«торговец». Последний не выражает интересы крупных социальных сил, как «служитель», а напротив, формирует предложение обществу своих взглядов и идей на существующую политическую систему, ее недостатки и пути совершенствования. Лидерами-«торговцами» преимущественно выступают представители конкурирующих политических движений в рамках выборного процесса. Последний тип политического лидерства в зависимости от имиджа — лидер-«пожарный» — проявляется точно в периоды критических ситуаций, требующих принятия оперативных мер по устранению возникших проблем и угроз. Последней из распространенных типологий политического лидерства считается классификация американского психолога Сесила Джибба (родился в 1913 г.). Основанием деления в классификации С. Джибба выступает отношение подвластных к политическому лидеру. С этой точки зрения лидеры подразделяются на «патриархов», «тиранов» и «идеальных». «Патриарх» воспринимается обществом, с одной стороны, позитивно, а, с другой стороны, население испытывает перед ним чувство страха. «Тиран» является воплощением силы и страха, в силу чего общество относится к нему если и не одобрительно, то с большой осторожностью и опаской. «Идеальный» лидер, в свою очередь, легитимен в глазах всего общества, что предопределяется позитивным отношением к нему со стороны населения.

Заметим, что здесь представлен далеко не весь перечень типологий политического лидерства, описанных в науке. Также существуют и иные основания выделения типов политических лидеров. Однако, поскольку вопрос типологии политического лидерства не является в нашей работе стержневым, мы намеренно оставляем без рассмотрения иные классификации.

Если обратиться к анализу детально рассмотренных типологий политического лидерства, то нетрудно заметить их некоторое «наслоение» друг на друга. Тем не менее, каждая из типологий политического лидерства является самостоятельной, поскольку в основании их деления заложен свой критерий. Ввиду указанных обстоятельств характеристика типов политического лидерства ФРГ и ГДР будет осуществляться в соответствии с каждой из трех отмеченных выше типологий.

Политическое лидерство Федеративной Республики Германия в период с основания государства и вплоть до объединения ФРГ и ГДР представлено деятельностью федеральных канцлеров.

Первым федеральным канцлером ФРГ являлся Конрад Аденауэр, ранее председатель Парламентского совета [3], представляющий собой, с точки зрения типологии Вебера, рационально-легальный тип лидерства, что объясняется приобретением Аденауэром статуса федерального канцлера вследствие победы Христианско-демократического союза Германии на выборах в бундестаг в августе 1949 г. Образование Федеративной Республики Германии на территории оккупационных зон Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции требовало, с одной стороны, проведения политики денацификации (что выражалось в установлении демократического правового государства в ФРГ и признании Холокоста), а с другой стороны, проведения антикоммунистической повестки, ободряемой так называемым капиталистическим лагерем. В этом смысле Аденауэр предстает как выразитель определенной системы ценностей (лидер-«знаменосец»), в центре которой находится представление о «новой Германии», свободной от нацизма и любой диктатуры и исповедующей идеалы прав человека, уважения политических свобод, социально ориентированной рыночной экономики, что можно коротко охарактеризовать как христианскую демократию. Вместе с тем Аденауэра можно назвать и лидером-«пожарным», так как в 1955 г. он решил вопрос об освобождении немецких военнопленных. Кроме всего прочего, К. Аденауэра по типологии Вебера можно охарактеризовать как харизматического лидера. Хотя Аденауэр и не обладал исключительными качествами в плане воздействия на широкие общественные массы, послевоенное положение Западной Германии, лишенной какой-либо националь-

ной идеи (за исключением полного неприятия нацизма) заставляло его обозначать простые и понятные ценности, что могут консолидировать немецкий народ. Однако к Аденауэру, на наш взгляд, совершенно не применима типология Джибба: его нельзя характеризовать ни как «патриарха», ни как «тирана». Если говорить об американском влиянии на формирование политического лидерства Аденауэра, то нужно заметить, что Соединенные Штаты Америки внесли решающий вклад в становление первого федерального канцлера ФРГ как лидера «знаменосца» — выразителя идей социальной рыночной экономики. Материальная помощь Соединенных Штатов Америки по плану Маршалла в конечном счете и стала основой для стремительного экономического восстановления послевоенной Германии, названного в новейшей истории «немецкое экономическое чудо».

Трехлетнее нахождение на посту федерального канцлера преемника Аденауэра — Людвиг Эрхард не ознаменовалось какими-либо масштабными изменениями во внутренней и внешней политике Федеративной Республики Германия. Как глава немецкого правительства Эрхард предстает в качестве рационально-легального лидера: его приход к власти опосредован демократическими процедурами. Однако определение политического лидерства Эрхарда как фактического главы государства в контексте типологии Херманн не представляется возможным, что, впрочем, не исключает определение типа политического лидерства Эрхарда в период нахождения последнего на посту министра экономики ФРГ. В последнем качестве Л. Эрхард может быть определен, как нам кажется, в качестве лидера-«знаменосца». Эрхард был последовательным сторонником и проводником идеалов рыночной экономики, что выражалось в проведении им денежной реформы, установлении режима свободных цен, создании правовых и организационных условий для антимонопольной системы.

Преемник Эрхарда Курт Георг Кизингер, нахождение у власти которого представляло собой продолжение курса по экономическому укреплению Западной Германии, как и его предшественники, является примером рационально-легального типа лидерства. Вместе с тем его приход к должности федерального канцлера Федеративной Республики Германии опосредован созданием в 1966 г. так называемой

«большой коалиции», что позволяет говорить о Кизингере как выразителе общих интересов (лидере-«служителе») нелиберальных политических партий (ХДС/ХСС) и социал-демократического движения в лице СДПГ. Однако при характеристике Курта Кизингера с позиции типологии Джибба возникает некоторая сложность: «патриархом» его назвать нельзя, как, впрочем, нельзя назвать третьего федерального канцлера и «тираном». Также Кизингер не подходит в качестве «идеального» лидера, что объясняется его членством в НСДАП¹ во время нахождения у власти нацистов, — это вызывало недовольство у некоторых немецких граждан. Если говорить об американском влиянии на Курта Кизингера в качестве политического лидера, то можно заметить отсутствие значимых событий внутренней и внешней политики за время его нахождения у власти с участием Соединенных Штатов Америки.

Четвертый федеральный канцлер ФРГ — Вилли Брандт, как и все его предшественники, стал федеральным канцлером Германии в результате демократических процедур, что определенно говорит о рационально-легальном типе лидерства по типологии Вебера. Согласно типологии Херманн, Брандт, на наш взгляд, является последовательным лидером-«знаменосцем». В основе его идеологических представлений лежали три фундаментальные компоненты: покаяние за преступления нацизма от имени всего немецкого народа, «новая восточная политика», проведение активной социальной политики. Наиболее значимым событием в области покаяния за преступления нацистской Германии является коленипреклонение в Варшаве в 1970 г. Подобным жестом Брандт сформировал доктрину ответственности всего немецкого народа за масштабные преступления предыдущих поколений немцев против человечества. В направлении «новой восточной политики» Вилли Брандт поставил задачу смягчить напряжение в отношениях между Восточной и Западной Германией, начало чему было положено во время встречи глав правительств Федеративной Республики Германия и Германской Демократической Республики в Эрфурте в 1970 г. Спустя два года ФРГ и ГДР на официальном уровне признали друг друга, что дало основания для принятия Германской Демократической Республики в Организацию

¹ Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

Объединенных Наций. Значительных успехов в направлении «новой восточной политики» удалось достигнуть и в плане взаимоотношений с Советским Союзом, что выразилось, в частности, в подписании в 1970 г. Московского договора о признании послевоенных границ в Европе. Однако подобные шаги Брандта вряд ли можно связывать исключительно с его гуманистическими настроениями. Скорее всего, речь идет об элементарном понимании Вилли Брандтом того, что мирное сосуществование перед угрозой атомной войны является для противоборствующих сторон единственным шансом выжить [4]. Активное проведение социальной политики коалиционного правительства Брандта выразилось в увеличении количества студенчества, введении обязательного социального страхования для малолетних, несовершеннолетних граждан и студентов, в создании системы превентивной медицины, что сказалось на качестве медицинских услуг. Вместе с тем, несмотря на очевидные позитивные шаги в политике Брандта, четвертого федерального канцлера ФРГ нельзя называть «идеальным» лидером по типологии Джинна, что объясняется далеко не единодушной реакцией граждан Западной Германии на коленипреклонение в Варшаве: значительная часть немецкого народа посчитала такой жест избыточным.

Гельмут Шмидт, следующий федеральный канцлер ФРГ, занял пост на фоне скандала с разоблачением референта Вилли Брандта, Гюнтера Гийома, как агента спецслужб Германской Демократической Республики, что, впрочем, позволяет относить Шмидта к рационально-легальным лидерам. Вместе с тем определенное историческое событие, связанное с террористической деятельностью леворадикальной организации «Фракция красной армии», позволяет говорить о Гельмуте Шмидте как об успешном лидере-«пожарном».

Последний федеральный канцлер Федеративной Республики Германия до объединения с Германской Демократической Республикой, Гельмут Коль, как и все его предшественники, является примером рационально-легального политического лидера. Его нахождение у власти знаменуется воплощением в действительность идеи объединения Западной и Восточной Германии, сторонником которой Коль и являлся. Крушение Берлинской стены в 1989 г., произошедшее вследствие острого политического

кризиса в Германской Демократической Республике в конце 80-х гг. прошлого столетия и нежелания восточных немцев и дальше находиться под социалистическим гнетом, ускорило процесс создания объединенной Германии. Уже в сентябре 1990 г. Западная и Восточная Германия, а также Франция, Соединенные Штаты Америки, Великобритания и Советский Союз подписали Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии, также вошедший в историю по числу и фактическому положению сторон как «Договор 2+4», определивший юридическую основу государственности объединенной Германии. Германская Демократическая Республика вошла в состав Федеративной Республики Германия без юридического оформления нового государства, а Гельмут Коль стал первым федеральным канцлером объединенной Германии — Федеративной Республики Германия. Заметим, что в объединении Западной и Восточной Германии в единое демократическое государство заметную роль сыграли Соединенные Штаты Америки (что является очевидным хотя бы по причине участия США в «Договоре 2+4»), одобдившие слияние двух ранее суверенных государств. Причем, трудно не отметить прямую геополитическую заинтересованность США в подобном объединении: ранее авторитарная Германская Демократическая Республика, видная часть социалистического лагеря и участник Организации Варшавского договора под контролем Советского Союза, в составе Федеративной Республики Германия вошла в Североатлантический Альянс, ведущую роль в котором играли Соединенные Штаты.

Если говорить об общей характеристике политического лидерства в Германской Демократической Республике, то надо обратить внимание на зависимость политико-идеологической системы ГДР от политического режима покровительствующей сверхдержавы в лице Советского Союза. С момента установления авторитарного режима на территории Восточной Германии и закрепления политической монополии Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) был установлен курс на «планомерное построение социализма» с командно-административной системой управления и доминированием левой политической повестки. Оппозиционные выступления планомерно подавлялись мощно организованной репрессивной машиной, а попытки граждан ГДР в поисках «лучшей жизни» сбежать в Западную

Германию, минуя возведенную в 1961 г. Берлинскую стену, порой заканчивались стрельбой на поражение. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что практически все лидеры Социалистической единой партии Германии, с точки зрения типологии Джибба, могут характеризоваться как «тираны», поскольку основой их нахождения у власти выступал страх населения перед действиями государственного аппарата.

Образцом лидера-«знаменосца» социалистического вектора, в соответствии с типологией Херманн, является первый секретарь Центрального комитета СЕПГ Вальтер Ульбрихт. Фигура данного политического лидера с трудом укладывается в типологию политического лидерства Вебера: традиции передачи власти в Восточной Германии не существовало, харизматические качества Ульбрихта так и не раскрылись (что может объясняться крайне подчиненным положением ГДР перед СССР), а против рационально-легального лидерства Ульбрихта говорит занятие им должности лидера социалистической партии, де-факто подменяющей должность главы государства, но не тождественной ей. Политика Ульбрихта в качестве лидера-«знаменосца» характеризуется целостностью и непротиворечивостью как в сфере идеологии, так и на практике. Твердый приверженец социалистического мировоззрения и сторонник изоляционизма, Ульбрихт в 1952 г. провозгласил курс на «планомерное строительство социализма», что привело к массовым выступлениям в июне 1953 г., которые были охарактеризованы как восстание в Восточном Берлине. Важную роль в стабилизации социалистического курса партии Ульбрихта, несмотря на народное недовольство проводимой политикой, сыграл Советский Союз, который оказал непосредственное участие в силовом подавлении восстания. Изоляционистские интенции главы ГДР вылились в итоге в строительство массивного укрепления на границе с Федеративной Республикой Германия.

После отставки Вальтера Ульбрихта его место в Социалистической единой партии Германии занял Эрих Хонеккер. Еще до занятия высшей партийной должности в СЕПГ Хонеккер прошел обучение в системе партийного образования Коммунистической партии Советского Союза. Принадлежность Хонеккера к категории «тиранов» по типологии Джибба не вызывает у нас никаких сомнений: еще в период правления Ульбрихта Эрих Хонеккер как видный

партийный деятель отвечал за применение огнестрельного оружия по отношению к собственным гражданам, совершавшим попытку пересечения возведенной государственной границы. Его вряд ли можно назвать лидером-«знаменосцем», поскольку Хонеккер, в отличие от Вальтера Ульбрихта, не был первопроходцем в установлении социалистической доктрины в Германской Демократической Республике. Скорее, Хонеккера можно отнести к категории «служителей», постепенно взбиравшихся вверх в партийно-государственной иерархии и добившихся серьезных успехов в номенклатурной гонке. Однако внешнеполитический курс Эрика Хонеккера кардинальным образом отличается от внешней политики Ульбрихта: если Ульбрихт был непримиримым апологетом изоляционизма, то Хонеккеру удалось добиться нормализации отношений с Федеративной Республикой Германия и стать полноправным членом Организации Объединенных Наций. Однако вряд ли Хонеккера можно считать главным инициатором разрядки отношений между ФРГ и ГДР. Скорее всего, решающая заслуга принадлежит все-таки «новой восточной политике» ФРГ, систематически проводимой федеральным канцлером Вилли Брандтом. Причем, важно заметить, что Советский Союз весьма благоприятно отнесся к налаживанию дипломатических отношений между Западной и Восточной Германией, поскольку подобные шаги были предприняты Брандтом, в том числе, и по отношению к Советскому Союзу. Лишь после вхождения ГДР в состав Федеративной Республики Германия и соответствующего крушения социалистического режима диктаторы Германской Демократической Республики, к числу которых относился и Хонеккер, были осуждены за массовые нарушения прав человека.

При более детальном рассмотрении можно обнаружить, что советское влияние на политическое лидерство в Германской Демократической Республике отнюдь не ограничивалось участием военного контингента в подавлении массовых народных выступлений и подготовкой партийных руководителей СЕПГ в структуре образовательных учреждений сферы государственного строительства. Речь идет, в том числе, о возможности политических лидеров ГДР отмежеваться от остального немецкого народа, который известным жестом Брандта покаялся за преступления против человечества. Кроме

всего прочего, советское влияние на особенности политического лидерства ГДР выразилось в фактическом копировании последней структурного принципа организации государственного аппарата.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что и Федеративная Республика Германия, и Германская Демократическая Республика находились под значительным влиянием двух сверхдержав — Соединенных Штатов Америки и Советского Союза. В результате влияния СССР и США ГДР стала неким «Советским Союзом в миниатюре», в то время как ФРГ смогла создать собственную политическую систему — отличную от США. Общие особенности советского

и американского влияния на политические процессы в ГДР и ФРГ предопределили качественные характеристики политического лидерства в обеих странах: с одной стороны, появилось целое поколение лидеров-«знаменосцев» неолиберального курса с рационально-легальным типом политического лидерства, с другой стороны, возникла плеяда лидеров-«знаменосцев» социалистического направления, являвшихся, вместе с тем, по типологии Джибба, «тиранами». История объединения Германии показала невосребованность лидеров тиранического плана и левых «знаменосцев» и отдала предпочтение рационально-легальным лидерам неолиберального или левоцентристского вектора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петров К. Е. Образы политических лидеров в условиях современности сквозь призму классических концепций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):6–14.
2. Фонарев А. В. Особенности и основные типы политического лидерства. *Вестник Брянского государственного университета*. 2014;(2):392–397.
3. Некрылова О. Г. ХДС на пути становления западногерманской государственности (1948–1949 годы). *Журнал региональной истории*. 2018;2(2):49–64.
4. Сорокин А. Н. Эволюция образа Советского Союза Вилли Брандта. *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2018;4(20):204–213.

REFERENCES

1. Petrov K. E. Images of political leaders in modern conditions through the prism of classical concepts. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):6–14. (In Russ.).
2. Fonarev A. V. Features and main types of political leadership. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014;(2):392–397. (In Russ.).
3. Nekrylova O. G. CDU on the way of formation of West German statehood (1948–1949). *Zhurnal regional'noi istorii*. 2018;2(2):49–64. (In Russ.).
4. Sorokin A. N. Evolution of the image of the Soviet Union by Willy Brandt. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"*. 2018;4(20):204–213. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вадим Владиславович Зубов — кандидат исторических наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
zubov305@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Zubov — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
zubov305@yandex.ru

Статья поступила 10.10.2020; принята к публикации 02.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.10.2020; accepted for publication on 02.11.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-120-125

УДК 811.111(045)

Сравнительный анализ учебной деятельности преподавателей – носителей и неносителей языка

Е.В. Ганина^а, Г.А. Дубинина^б, Э.М. Каруана^с

^{а, б, с} Финансовый университет, Москва, Россия;

^с Языковой центр Берлитц, Мальта

^а <http://orcid.org/0000-0002-5726-3835>; ^б <http://orcid.org/0000-0003-1475-1967>;

^с <http://orcid.org/0000-0001-8932-3209>

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются стратегии языкового поведения, различия в дидактическом подходе, роль носителей и неносителей языка в формировании межкультурной коммуникативной компетенции. Авторы исследуют проблему с точки зрения преподавателя – носителя русского языка, мальтийского преподавателя, условного носителя английского языка и российского преподавателя – неносителя английского языка как иностранного. По мнению авторов, как носители языка, так и неносители языка в своей работе имеют преимущества и недостатки. Чтобы конкурировать с носителем языка, неноситель должен иметь высший уровень владения преподаваемым языком. В то же время как носитель, так и неноситель языка должны иметь соответствующую профессиональную подготовку и обладать необходимыми компетенциями.

Ключевые слова: (не)носитель языка; обучение иностранному языку; межкультурное общение; лингва франка; экспорт национального языка

Для цитирования: Ганина Е.В., Дубинина Г.А., Каруана Э.М. Сравнительный анализ учебной деятельности преподавателей – носителей и неносителей языка. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):120-125. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-120-125

ORIGINAL PAPER

Comparative Analysis of Teachers' Educational Activity of Native and Non-Native Speakers

E.V. Ganina^а, G.A. Dubinina^б, E.M. Caruana^с

^{а, б} Financial University, Moscow, Russia;

^с Bertlitz Language Centre, Malta

^а <http://orcid.org/0000-0002-5726-3835>; ^б <http://orcid.org/0000-0003-1475-1967>;

^с <http://orcid.org/0000-0001-8932-3209>

ABSTRACT

This paper analyses the strategies of language behaviour, differences in the didactic approach, and the role in the formation of intercultural communicative competence of native and non-native speakers. The authors examine the subject from the point of view of a native Russian teacher, a Maltese teacher who is a native English speaker only to some extent, and a Russian teacher of English as a foreign language, who is a non-native English speaker. According to the authors, both native and non-native speakers have their advantages and disadvantages. To compete with a native speaker, a non-native speaker must have the highest level of proficiency in the language being taught, and both native and non-native speakers must have appropriate professional training and have the necessary competencies.

Keywords: (non) native speaker; foreign language training; intercultural communication; lingua franca; export of a national language

For citation: Ganina E.V., Dubinina G.A., Caruana E.M. Comparative analysis of teachers' educational activity of native and non-native speakers. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):120-125. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-120-125

ВВЕДЕНИЕ

Языковое образование в контексте расширения импорта и экспорта образовательных услуг неизбежно связано с проблемой различий в реализации подготовки по иностранным языкам носителями и неносителями языка. В данной работе стратегии языкового поведения, различия в дидактическом подходе, роль в формировании межкультурной коммуникативной компетенции носителей и неносителей языка будет проанализирована с точки зрения преподавателя — носителя русского языка, носителя английского языка и российского преподавателя — неносителя английского языка сквозь призму ожиданий и предпочтений заинтересованных лиц.

ПРЕПОДАВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Преподавание английского языка как иностранного в последние годы превратилось в индустрию, которая распространилась по всему миру и приобретает все большее влияние. По мнению исследователей, обстоятельства, которые привели к такому положению дел, — это «совокупный результат колониальной экспансии Великобритании и более поздней деятельности США» [1].

Английский язык сегодня знать жизненно необходимо, потому что в истории человечества, как замечает Д. Кристал, «никогда не было языка ... на котором говорило бы так много людей» [2].

Индийский исследователь Брадж Качру нарисовал схему распространения английского языка в виде трех концентрических кругов: внутреннего, внешнего и расширяющегося (см. рисунок).

Первый круг (внутренний) представляет собой регионы употребления английского языка, в которых он сейчас используется в качестве основного: Великобритания, США, Австралия, Новая Зеландия, Ирландия, англоговорящая Канада, Южная Африка и некоторые страны Карибского бассейна. Английский является родным языком для большинства людей в этих странах.

В регионах внешнего круга английский язык не является родным, но выступает вторым государственным языком и служит полезным лингва франка¹ в общении между этническими и языковыми группами. Высшее образование, законодательная и судебная власть, национальная торговля и т.д.

¹ Лингва франка (от итал. lingua franca — франкский язык) — язык, систематически используемый для коммуникации между людьми, родными для которых являются другие языки.

осуществляются преимущественно на английском языке. Этот круг включает в себя такие страны, как Мальта, Индия, Нигерия, Бангладеш, Пакистан, Малайзия, Танзания, Кения, неанглоязычная южная Африка, Филиппины и др. Общее число англоговорящих во внешнем круге, по оценкам специалистов, колеблется от 150 до 300 млн чел.

Наконец, третий (расширяющийся) круг охватывает страны, где английский язык широко используется в качестве средства международной коммуникации. Он включает в себя большую часть остального населения мира. Общее число англоговорящих в этом круге трудно оценить: оно варьируется от 100 млн до 1 млрд.

Внутренний круг (Великобритания, США и т.д.), по определению Б. Качру, является «нормообеспечивающим». Это означает, что в этих странах разрабатываются нормы английского языка. Внешний круг является «норморазвивающим». Расширяющийся круг, который включает в себя большую часть остального мира, является «нормозависимым», поскольку он опирается на стандарты, установленные носителями языка во внутреннем круге.

В соответствии с этой схемой существует три категории пользователей английского языка: носители языка (внутренний круг), условные носители языка (внешний круг), неносители языка (расширяющийся круг). По мнению авторов, данную классификацию можно применить и в отношении других языков, имеющих широкое распространение в мире.

Что же касается английского языка, то с увеличением ареала его распространения происходили значительные изменения и в методике его преподавания. Дина Борайе, бывший президент Международной ассоциации TESOL² [4], выделила следующие ключевые изменения в преподавании английского языка.

1. Поменялось представление о преподавателе английского языка.

Все чаще признается, что качество или эффективность работы преподавателей определяется их лингвистической, педагогической и межкультурной компетентностью, а не тем, что они являются носителями английского языка.

2. Изменилось содержание обучения.

² TESOL — Teaching English for Speakers of Other Languages, международная сертификация преподавателей английского для неносителей языка. Чтобы получить сертификат TESOL, нужно пройти курс по методике преподавания в какой-либо образовательной организации.

Стало поощряться использование родного языка обучаемых в учебном процессе по иностранному языку. Вновь, после периода негативного отношения к билингвизму при обучении иностранному языку, большое внимание уделяется переводу и переводческим трансформациям [5]. При обучении аудированию все чаще используются различные акценты и диалекты, звучат аудиотексты, начитанные иностранцами.

3. Стремительно развивается процесс цифровизации.

Появление цифровой образовательной среды создало условия для повышения качества и расширения возможностей образования: оно становится непрерывным и длится всю жизнь; кардинально изменился доступ к знаниям — он стал более гибким и мобильным.

Все эти обстоятельства, вместе взятые, влияют на работу как преподавателей — носителей английского языка (Native Speakers), так и преподавателей — неносителей языка (Non-native Speakers), чей родной язык не является английским. На протяжении многих лет актуальным остается вопрос о том, у кого лучше учиться иностранному языку: у носителя или неносителя языка, который, тем не менее, владеет им на уровне не ниже C-2³ по Европейской шкале. В реальной жизни обе категории преподавателей работают рядом, а соотношение неносителей языка к носителям языка в среднем три к одному, если говорить о преподавании английского языка как иностранного. Таким образом, в рамках одной и той же профессии и специализации существует категориальное разделение.

Существует мнение, что преподаватели — носители языка более компетентны и поэтому предпочтительнее своих коллег — неносителей языка, которые часто воспринимаются как имеющие более низкий статус и в связи с этим сталкиваются с дискриминацией при подаче заявлений о приеме на преподавательскую работу. Однако в обществе вопрос дифференциации между преподавателями — носителями и неносителями языка вызывает горячие дискуссии, и у каждой из сторон имеются веские доводы в аргументации.

Хотя теоретики, такие как Дж. Брейне [6] и Р. Маум [7], утверждают, что необходимо «сделать более заметными учителей — неносителей английского языка и дать им право голоса в профессии», носители языка по-прежнему занимают привилегированное положение, и «считается само

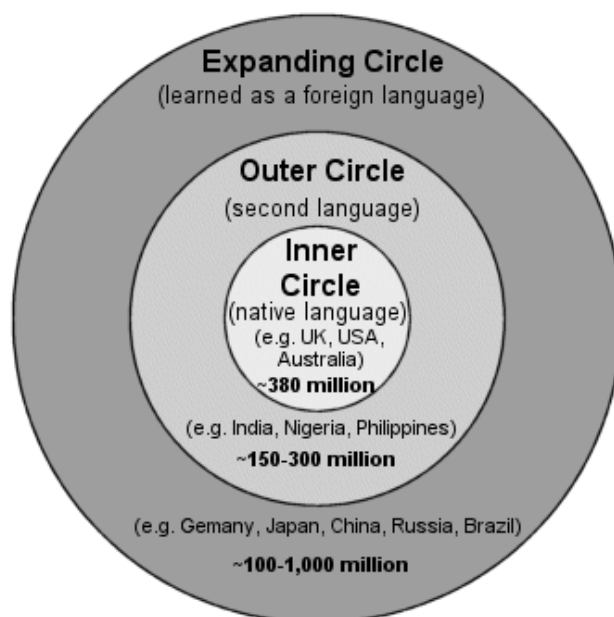

Рис. / Fig. Круги Б. Качру (схема распространения английского языка) / Braj Kachru's circles (scheme of distribution of the English language)

Источник / Source: Качру Брайдж. Мировые варианты английского языка: агония и экстаз [3].

собой понимаемым, что единственными законными носителями языка являются его носители по рождению», выступая в роли «как образцового оратора ... и идеального учителя».

Как отметила Пенни Ур [8], выдающийся эксперт в области преподавания английского языка как иностранного, цель подготовки преподавателей состоит в том, чтобы «выпускать свободно владеющих английским языком билингвалов, а не имитаторов носителей английского языка». Основной целью П. Ур считает знание одновременно и контента, и английского как иностранного языка.

Поскольку английский язык, безусловно, доминирует в качестве «второго» языка, он в наши дни стал тем, что Абрам де Сван, голландский эссеист, социолог и почетный профессор Амстердамского университета, называет «гиперцентральный» языком [9].

Специфика преподавания русского языка как иностранного во многом аналогична.

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Так называемая «мягкая сила» языка используется ведущими странами мира в целях укрепления экономического и геополитического влияния. Безусловно, английский язык имеет статус международного, и на нем говорит более 1 млрд человек

³ Уровень владения в совершенстве.

в мире, однако русский язык продолжает оставаться одним из очень востребованных. Сейчас на планете им владеют около 300 млн человек, больше половины (160 млн из них считают этот язык родным. Согласно опросу Web Technology Survey⁴, в 2013 г. русский язык стал вторым по популярности в мире после английского.

В 2007 г. для целей популяризации русского языка и культуры был учрежден фонд «Русский мир» — «образовательная, коммуникативная публичная площадка, бесплатно открытая для всех желающих» (<https://russkiymir.ru/fund>).

Русский язык как иностранный — это отдельная область знаний, и, чтобы преподавать русский язык иностранцам, недостаточно быть носителем русского языка.

Конечно, каждый носитель языка сможет поправить иностранца, если услышит ошибку, но обучающиеся будут требовать от преподавателя четкого правила. Носители языка говорят автоматически, не осознавая правила и закономерности функционирования родного языка, поэтому, чтобы обучать иностранцев русскому языку, нужно получить необходимые знания по методике преподавания русского языка как иностранного.

В отличие от других иностранных языков (английского, немецкого, французского, испанского, китайского), которые до недавнего времени являлись для российских студентов исключительно языками *изучения*, русский язык для иностранных студентов российских вузов всегда являлся и по-прежнему остается языком *обучения*. Уровень владения русским языком имеет основополагающую роль в процессе получения иностранными гражданами образования в России и освоения ими вузовских программ [10].

подавляющее большинство преподавателей русского языка в вузах России — это носители языка, которые ставят своей целью развивать способность обучаемых продуктивно действовать в различных, в том числе профессиональных ситуациях.

Среди методов обучения русскому языку как иностранному доминируют коммуникативный и метод контентно-языкового интегрированного обучения. Язык усваивается в контексте и контенте определенной тематики, а организаторами общения являются преподаватели русского языка

как иностранного или преподаватели специализированных дисциплин.

Сегодняшняя тенденция перехода от изучения иностранного языка к изучению академических дисциплин на иностранном языке (будь то английский язык как иностранный или русский язык как иностранный) требует новых технологий учебной деятельности.

ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ – НОСИТЕЛЯ ИЛИ НЕНОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

По статистике при выборе преподавателя по английскому языку носителей языка предпочитают более 70% будущих студентов. При этом, как показывает практика преподавания английского языка в качестве иностранного, максимальной эффективности и значительного прогресса студенты добиваются именно с носителями языка. Почему так происходит? И как правильно выбрать преподавателя?

Есть мнение, что учить английский язык с русскоязычными преподавателями абсолютно бесполезно и что только носители языка могут научить настоящему английскому. Но есть и противоположное суждение: носители хорошо говорят, но часто не умеют делиться своими языковыми познаниями. Более того, если приехавший в страну преподавать язык иностранец не является носителем языка, то у него никаких преимуществ перед местным преподавателем — носителем языка нет.

Без сомнения, язык носителей является подлинным, более живым и совершенным по сравнению с языком носителей, у которых очень часто он бывает старомодным, слишком формальным или «книжным». Кроме того, произношение носителя, лексика и интонация — это «идеальная языковая модель» для учащихся [11].

Несмотря на множество преимуществ, которые может иметь носитель языка, их недостаточно, чтобы быть успешным преподавателем, который должен быть осведомлен о различных методах, принципах и стратегиях методики преподавания. Носители языка могут также столкнуться с непониманием или неполным пониманием проблем, которые рассматривают студенты, из-за того, что не знают родного языка своих студентов, не понимают сложностей, возникающих у них при изучении иностранного языка, не могут использовать при обучении перевод с родного языка на иностранный. Кроме того, большинство

⁴ Web Technology Survey или W3Techs — Обзоры технологий Всемирной паутины.

носителей языка не прошли через мучительный процесс изучения другого языка, как это сделали их коллеги — носители языка, поскольку они говорят на нем от рождения, а не сознательно.

ВЫВОДЫ

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно выделить следующие преимущества преподавателя — носителя языка:

1. У него правильные произношение, расстановка ударений, интонации, мелодика; он знает звуковую систему языка, способы фонетической организации речи.

2. Он может обогатить словарный запас и научить правильно использовать лексику, так как лучше знает новейшие нюансы современного языка.

3. Занятия с носителем языка помогают преодолеть психологические барьеры при общении с иностранцами.

4. Изучение иностранного языка с его носителем помогают составить представление о культуре другой страны и критически переосмыслить устоявшиеся стереотипы.

В то же время следует отметить недостатки преподавателя — носителя языка:

1. Он, как правило, не знает или недостаточно хорошо знает родной язык обучаемых, что лишает его возможности соотнести два языка и работать с переводческими трансформациями. Это особенно усложняет обучение на начальном этапе. Не обладая достаточным лексическим запасом и навыками восприятия иноязычной речи на слух, обучаемый на начальном этапе может не понять, о чем говорит преподаватель-носитель, не уловить важных нюансов.

2. Не только в России, но и во многих других странах отечественные преподаватели для официальной работы должны иметь педагогическое образование. В Россию в основном приезжают преподавать английский язык люди с сертификатами об окончании курсов, а это совсем не то же самое, что полноценное филологическое образование.

Особенно остро проблема различий между носителями и неносителями языка стоит в рамках контентно-языкового интегрированного обучения (Content and Language Integrated Learning, CLIL), когда иностранный язык используется в качестве инструмента при изучении академических дисциплин, а академические дисциплины преподаются и постигаются на языке, который не является родным языком учащихся [12].

Итак, по мнению авторов, наиболее уязвимыми для определения различий между носителями и неносителями языка являются следующие аспекты:

- фонологическая компетенция;
- лингвистическая компетенция;
- межкультурные особенности коммуникации;
- методика обучения иностранному языку.

Всесторонне рассмотрев все «за» и «против», можно сделать вывод, что иностранному языку лучше научит профессионал, специалист в области профессиональной лингводидактики, независимо от того, является ли он носителем или неносителем языка. Разумеется, чтобы конкурировать с носителем языка, неноситель должен иметь высший уровень владения преподаваемым языком. При этом начальный уровень зачастую лучше осваивать с соотечественником, неносителем языка, так как именно на этом этапе необходимо двуязычие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Graddol David. The decline of the native speaker. In: Graddol David, Meinhof Ulrike, eds. English in a Changing World. *AILA Review*. 1999;13:57–68.
2. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press; 1997. 212 p.
3. Качру Брадх. Мировые варианты английского языка: агония и экстаз. *Личность. Культура. Общество*. 2012;14(4):145–165.
Kachru Braj. World variants of the English language: agony and ecstasy. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2012;14(4):145–165. (In Russ.).
4. Boraie D. Current Trends in Teaching and Learning EFL, ESL; 2013. URL: <http://blog.tesol.org/8-current-trends-in-teaching-and-learning-efl-esl/>.
5. Dubinina G.A., Stepanyan I.K., Ganina E.V. Specificity of Dual Language Workshop in Mathematics for Foreign Entrant Students. URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n38/18393808.html>.
6. Braine G., ed. Non-native Educators in English Language Teaching. Mahwah, NJ: Erlbaum; 1999.
7. Maum R. (2002). Nonnative-English-Speaking Teachers in the English Teaching Profession. (Eric Digest). URL: <https://eric.ed.gov/?id=ED 470982>.

8. Ur Penny. A Course in English Language Teaching. Cambridge University Press; 2012. 336 p.
9. De Swaan Abram. Words of the World. Cambridge: Polity Press; 2002.
10. Теоретико-методологические подходы к обеспечению финансовой грамотности посредством предметно-языкового интегрированного обучения (Theoretical and methodological approach to financial literacy through content and language integrated learning). Монография Колл. авторов. И.И. Климова; С.В. Карпова; Н.Г. Кондрахина, ред. М.: РУСАЙНС; 2019.
The theoretical and methodological approach to financial literacy through content and language integrated learning. Monograph. I. I. Klimov, S. V. Karpov; N. G. Kondrakhin, eds. Moscow: RUSAYNS; 2019.
11. Medgyes P. Native or non-native: Who's worth more? *ELT Journal*. 1992;46(4):340–349.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Викторовна Ганина — доцент Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

eganina@fa.ru

Галина Алексеевна Дубинина — доцент Департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

gadubinina@fa.ru

Элейн Мария Каруана — магистр в области преподавания английского языка, бакалавр в области преподавания английского языка для говорящих на других языках, директор по учебной работе, Языковой центр Берлитц, Мальта

elacaru@yahoo.com

ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Ganina — Associate Professor, Language Training Department, Financial University, Moscow, Russia
eganina@fa.ru

Galina A. Dubinina — Associate Professor, Language Training Department, Financial University, Moscow, Russia
gadubinina@fa.ru

Elaine M. Caruana — MA in English Language Teaching, BA in Teaching English to Speakers of Other Languages, Director of Studies at Berlitz Language Centre, Malta

elacaru@yahoo.com

Заявленный вклад авторов:

Ганина Е.В. — анализ учебной деятельности преподавателей — носителей русского языка как иностранного, редактирование материалов статьи.

Дубинина Г.А. — анализ учебной деятельности преподавателей — неносителей английского языка как иностранного.

Каруана Е.М. — анализ функционирования английского языка в качестве лингва франка.

Authors' declared contributions

Ganina E. V. — analysis of educational activities of teachers who are native speakers of Russian as a foreign language, editing of article materials.

Dubinina G. A. — analysis of educational activities of teachers — non-native speakers of English as a foreign language.

Caruana E. M. — an analysis of the functioning of the English language as a lingua franca.

Статья поступила 15.10.2020; принята к публикации 05.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.10.2020; accepted for publication on 05.11.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-126-130

УДК 323.22/.28(045)

Особенности политической институционализации в России в начале XXI века

В.С. Карлаков

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0003-2417-2889>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию особенностей политико-институциональных изменений в России в начале XXI в. Автор рассматривает политический институт как организацию с определенной структурой и функциями; формальные и неформальные взаимоотношения акторов, а под институционализацией понимает процесс организационного оформления и нормативного закрепления отношений, связанных с управлением, завоеванием власти, политическим участием. В 1990-е гг. Президентом Б.Н. Ельциным были заложены основы демократического развития страны. Тем не менее, следствием демократических реформ стало возникновение проблем, угрожающих экономической стабильности и целостности России. Автор определяет основные политико-институциональные изменения, направленные на укрепление центральной власти, изменение характера взаимоотношений между Центром и регионами, исполнительной и законодательной властью.

Ключевые слова: политические институты; вертикаль власти; институциональный дизайн; укрепление государственной власти; политические взаимоотношения центра и регионов; партия власти

Для цитирования: Карлаков В.С. Особенности политической институционализации в России в начале XXI века. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):126-130. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-126-130

ORIGINAL PAPER

The Main Features of Political Institutionalisation in Russia in the early 2000s

V.S. Karlakov

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-2417-2889>

ABSTRACT

The article presents the study of the features of political and institutional changes in Russia at the beginning of the 21st century. In the article, the author considers a political institution as an organisation with a specific structure and functions, as well as the “rules of the game” – formal and “informal” relationships between actors, and institutionalisation is the process of organisational formation and normative consolidation of relations associated with the process of management, the conquest of power, political participation. Foreign and Russian researchers noted that in the 1990s, President B. Yeltsin established the foundations for the country’s democratic development. Nevertheless, the consequence of democratic reforms was the emergence of problems that threaten the economic stability and integrity of Russia. The author defines the main political and institutional changes aimed at strengthening the central government, changing the nature of relations between federal and regional authorities, executive and legislative branches. The article reflects the changes in the Federation Council, the purpose of which was to reduce the influence of regional elites on political processes. The author outlines the main reasons for the creation of the party of power, ways to strengthen the positions of “United Russia” at the federal and regional levels. In general, the author determines the stage of political institutionalisation in Russia in the early 2000s as the “design of the power vertical”.

Keywords: political institutions; power vertical; institutional design; the consolidation of state authority; political relations between the centre and regions; the party of power

For citation: Karlakov V.S. The main features of political institutionalisation in Russia in the early 2000s. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):126-130. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-126-130

Демократические преобразования в 1990-е гг. связаны с политической деятельностью Президента России Б.Н. Ельцина. В этот период начинает функционировать новая политическая система, декларируется идея о разделении власти, и особый политико-правовой статус приобретает институт президентства.

Несмотря на позитивные сдвиги в области демократизации страны в 1990-е гг., к началу нового тысячелетия перед главой государства В.В. Путиным стояли проблемы, угрожающие целостности страны и поэтому требующие незамедлительного решения: слабость центральной власти, нарастание центробежных тенденций, усиление роли в политике финансово-промышленных групп, влияние региональных элит, ставящих личные и корпоративные интересы выше государственных.

Позиция Президента России В.В. Путина была отображена в программной статье «Россия на рубеже тысячелетий». В ней В.В. Путин отмечает, что решение стоящих перед страной задач находится в государственно-политической сфере [1]. Таким образом, ключевой акцент политических преобразований делался на укреплении государственной власти.

Первостепенная задача состояла не только в укреплении центрального государственного аппарата, но и в обеспечении подконтрольности региональной власти. Для этой цели в мае 1999 г. на территории России было создано семь федеральных округов: Северо-Западный, Центральный, Приволжский, Южный, Уральский, Сибирский, Дальневосточный. А уже в 2000 г. появляется институт полномочных представителей Президента, закрепленных за каждым федеральным округом.

Де-юре целью введения института полномочных представителей было обеспечение повышения эффективности деятельности федеральных органов власти и совершенствование системы контроля за исполнением их решений. Де-факто задача полпредов сводилась к приведению региональных законодательных актов в соответствие с федеральными нормами, а также к обеспечению исполнения Конституции РФ всеми ее субъектами. После оформления вертикали власти и отмены всеобщих прямых выборов губернаторов институт полпредов стал носить рудиментарный характер — их полномочия ограничивались представлением

Администрации Президента кандидатур на должность глав субъектов Федерации.

Отношение к институту полномочных представителей двойственное: с одной стороны, создание данного института способствовало оптимизации государственного управления; а с другой — привело к упрочению централизма и ослаблению федерализма.

Де-юре целью введения института полномочных представителей было обеспечение повышения эффективности деятельности федеральных органов власти и совершенствование системы контроля за исполнением их решений. Де-факто задача полпредов сводилась к приведению региональных законодательных актов в соответствие с федеральными нормами, а также к обеспечению исполнения Конституции РФ всеми ее субъектами.

Реформа Совета Федерации была направлена прежде всего на уменьшение влияния губернаторского корпуса на процесс принятия ключевых решений. В 1990-е гг. верхняя палата Федерального собрания России состояла из глав исполнительной и законодательной ветвей власти субъектов РФ. Такой принцип формирования Совета Федерации позволял Президенту Б.Н. Ельцину рассчитывать на поддержку со стороны региональных элит в противостоянии с Верховным Советом.

До 2000 г. верхняя палата парламента рассматривалась в качестве инструмента регионального лоббизма, так как принятие любого законопроекта зависело от одобрения членов палаты. После реформы Совет Федерации также состоял из двух представителей (исполнительной и законодательной власти) от каждого субъекта Российской Федерации. Тем не менее, в верхнюю палату уже входил представитель, выбранный законодательным

органом субъекта Федерации на срок полномочий данного представительного органа, а не спикер Законодательного собрания по умолчанию. А после отмены выборов губернаторов половина Совета Федерации де-факто назначалась Президентом.

Такой формат Совета Федерации в полной мере не устранил проблему регионального лоббизма, однако способствовал достижению других целей: повышению эффективности государственного управления и предотвращению консолидации влиятельных региональных элит, что в перспективе могло активизировать центробежные тенденции.

Бывшие члены Совета Федерации вошли в состав Государственного совета. Если в Совете Федерации губернаторы могли влиять на принятие решений, то Государственный совет как совещательный орган не предполагал существенных полномочий. Таким образом, декларируемая забота о губернаторах в реальности означала оттеснение региональных элит от рычагов влияния на политические процессы.

Несмотря на появление института полномочных представителей и реформу Совета Федерации, региональная власть в полной мере не зависела от центральной исполнительной власти. Поэтому в декабре 2004 г. по инициативе президента выборы губернаторов были заменены процедурой наделения губернатора полномочиями. Согласно данной процедуре, кандидатура главы исполнительной власти предлагается Президентом на утверждение регионального парламента. При этом Президент в случае двукратного отклонения предложенной им кандидатуры получил право роспуска данного регионального парламента.

Как уже было отмечено, институциональные преобразования были направлены на формирование вертикали власти, повышение ответственности глав регионов перед федеральным центром и оптимизацию государственного управления. По мнению российского исследователя Е. В. Реутова, назначение губернаторов должно было привести к разрушению клановых отношений, оформленных в регионах. К тому же назначенные губернаторы оказались не готовы находить компромисс с региональными элитами, а также выступать в качестве проводника их интересов [2].

В условиях оформления вертикали власти одной из главных проблем было эффективное

распределение полномочий и компетенций не только между федеральной и региональной, но и исполнительной и законодательной властями. В 1990-е гг. отношения между правительством и парламентом носили конфликтный характер ввиду отсутствия в Государственной думе мощной центристской партии, выступающей в качестве проводника интересов исполнительной власти.

В 2000 г. у фракций «Единство», «Отечество — Вся Россия» и групп «Народный депутат», «Регионы России» было 235 мандатов, что позволило сформировать в Государственной думе провластное большинство. Центристское большинство в парламенте позволяло президенту проводить полноценный социально-экономический и политический курс.

Изначально стратегия правительства по продвижению своих инициатив состояла в формировании для каждого законопроекта думских коалиций. Впоследствии «случайные» коалиции сменил координационный совет, в который входили лидеры «Единства», ОВР, «Народного депутата», «Регионов России». Тем не менее сохранялась проблема оперативности принятия законопроектов и их «правильности», то есть, если координационный совет не выработает компромиссную позицию, то фракции могут голосовать по-разному [3]. Поэтому отчасти актуализировалась идея создания партии власти.

В результате объединения «Единства» и «Отечества» в 2001 г. появилась провластная партия «Единая Россия». По итогам парламентских выборов 2003 г. «Единая Россия» получила конституционное большинство (более 300 мандатов) в Государственной думе IV созыва. Таким образом, «Единая Россия» стала опорой президента в нижней палате парламента.

После появления партии власти перед Центром стояла задача как укрепления ее позиций в политической системе России, так и количественного обеспечения представительства партии в субъектах РФ. Соответственно после 2003 г. происходят изменения в избирательном законодательстве: во-первых, смешанную избирательную систему заменила пропорциональная; во-вторых, повышение избирательного барьера с 5 до 7%, запрет на избирательные блоки, перерегистрация партий — численность партии должна была составлять не менее

50 тыс. членов, а численность региональных отделений в половине субъектов РФ — не менее 500 членов. Создание партии власти предполагает объединение административного и политического подчинения, поэтому установление пропорциональной избирательной системы связано с тем, что результаты выборов зависят от популярности партий и эффективности местных властей. С другой стороны, ограничительные меры были направлены на зачистку электорального пространства.

Отмеченные институциональные изменения привели к оформлению вертикали власти. По мнению российских политологов В.Я. Гельмана и С.И. Рыженкова, в контексте взаимоотношений Центра и регионов вертикаль власти предусматривала следующие неформальные правила:

- «зависимость» нижних уровней власти от стратегии Федерального центра;
- запрет на конкуренцию региональных элит, представители которых в большинстве входили в состав правящей партии «Единая Россия», в парламенте и в рамках электорального процесса;
- Федеральный центр ставил перед регионами две основные задачи: положительные результаты (для «Единой России») региональных и федеральных выборов, а также обеспечение социального патронажа [4].

Управляемость и лояльность нижних уровней власти обеспечивалась Федеральным центром как силовым методом, так и за счет использования неформальных предпочтений. Участие в поддержании вертикали власти позволяло региональным элитам получить доступ к дополнительным ресурсам, недоступных для противников режима. При этом федеральная власть относилась снисходительно к методам решения поставленных ею задач, а также рентаориентированному поведению региональных акторов, если были удовлетворены стратегические интересы Центра.

В середине 2000-х гг. происходит оформление вертикали власти. В дальнейшем институциональные изменения были направлены не только на укрепление вертикали власти, но и на реализацию социально-экономического и политического курса. В частности, в соответствии с программой приоритетных национальных проектов, в 2005 г. была введена должность первого вице-премьера, ответственного за

реализацию программы и создан Совет по реализации нацпроектов, который возглавил президент.

Также в результате Административной реформы (2004 г.) изменилась структура федеральных органов исполнительной власти: министерства занимались выработкой политики, правовым и бюджетным обеспечением; агентства — реализацией политики; службы обеспечивали финансовый и организационно-правовой контроль. Тем не менее, несмотря на то, что были частично устранены административные барьеры, реформа не достигла поставленных целей: деbüroкратизация, понятный функционал ведомств (ввиду наличия правового вакуума).

Бывшие члены Совета Федерации вошли в состав Государственного совета. Если в Совете Федерации губернаторы могли влиять на принятие решений, то Государственный совет как совещательный орган не предполагал существенных полномочий.

Российский исследователь Ф.С. Антонов считает, что политические реформы, институциональные изменения начала 2000-х гг. привели к оформлению в России «парадемократии», то есть гибридного режима с чертами авторитаризма и опорой на демократические институты и процедуры [5]. По мнению автора, политические процессы данного периода характеризуются концепцией «суверенной демократии» В.Ю. Суркова, в которой политический и социальный строй определяется гражданами. При этом уровень демократичности режима определяется не наличием/отсутствием универсальных критериев демократии, а национально-историческим развитием.

В результате исследования особенностей политической институционализации России в начале 2000-х гг. можно сделать следующие выводы:

- несмотря на проблемы, доставшиеся новому руководству после демократических реформ, президент В.В. Путин не ставил задачи ликвидировать политические институты, образованные в 1990-е гг., так как осознавал значимость демократических институтов и ценностей;
- политико-институциональные изменения были направлены не столько на монополизацию власти, сколько отвечали запросам общества в обеспечении порядка и стабильности, а также сохранении целостности государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html.
2. Реутов Е.В. «Назначение» губернаторов в России: итоги эксперимента. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2012;13(123):174–180.
3. Григорьев И.С. Авторитарная модернизация наоборот. Влияние трудовой реформы 2000–2001 гг. на политический режим в России. *Полития*. 2015;1(76):140–152.
4. Гельман В.Я., Рыженков С.И. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России. *ПОЛИТЭКС*. 2010;6(4):130–151.
5. Антонов Ф.С. Институциональное воспроизводство парадемократического авторитаризма: причины и последствия. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2018;2(18):174–184.

REFERENCES

1. Putin V. V. Russia at the turn of the millennium. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html. (In Russ.).
2. Reutov E. V. ‘Appointment’ of governors in Russia: The results of the experiment. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*. 2012;13(123):174–180. (In Russ.).
3. Grigoriev I. S. Authoritarian modernisation is the opposite. The impact of the 2000–2001 labour reform on the political regime in Russia. *Politiya*. 2015;1(76):140–152. (In Russ.).
4. Gelman V. Ya., Ryzhenkov S. I. Local regimes, urban management and the “vertical of power” in modern Russia. *POLITEKS*. 2010;6(4):130–151. (In Russ.).
5. Antonov F. S. Institutional Reproduction of Parademocratic Authoritarianism: Causes and Consequences. *Ekonomicheskie i socialno-gumanitarnye issledovaniya*. 2018;2(18):174–184. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Сергеевич Карлаков — аспирант факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
vkarlakov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir S. Karlakov — Postgraduate student, Faculty of Social Sciences and Mass Communication, Financial University, Moscow, Russia
vkarlakov@mail.ru

Статья поступила 10.10.2020; принята к публикации 30.10.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.10.2020; accepted for publication on 30.10.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-131-134
УДК 82(045)

Детство и юность в рассказах Джеймса Джойса «Сестры» и «Аравия»

А.Р. Анютина

Высшая школа экономики, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-8143-6150>

АННОТАЦИЯ

Рассказы Д. Джойса (1882–1941 гг.) «Сестры» и «Аравия» из сборника «Дублинцы» (1905 г.) стоит рассматривать как репрезентацию начала жизненного цикла. В статье рассматриваются темы детства и юности в перцепции Джойса, и то, как он их развивает в обсуждаемых текстах, помещая в центр проблему перехода из одного состояния (детство) в другое (зрелость). Этот переходный период определяется как подростковый, когда дети теряют свои лучшие, по Джойсу, качества из-за «психологического потрясения». В работе также рассматривается мотив «духовного паралича», которым поражены все жители Дублина, – комплексный образ всех человеческих пороков. Хотя Джойс описывает Дублин, скорее, как трансцендентальное пространство, он все еще пишет об актуальных социальных проблемах не только Дублина, но и всей Ирландии. В статье проводится анализ наиболее значимых символов, наделенных многозначностью, через которые раскрываются отношения детей и подростков с миром. Кроме того, рассматривается язык обоих рассказов, репрезентирующий особенности детской речи, которая свидетельствует о неполном понимании мира.

Ключевые слова: детство; юность; Джойс; Дублинцы; Ирландия; духовный паралич; католицизм; полисемия

Для цитирования: Анютина А.Р. Детство и юность в рассказах Джеймса Джойса «Сестры» и «Аравия». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):131-134. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-131-134

ORIGINAL PAPER

Childhood and Adolescence in James Joyce's "Sisters" and "Araby"

A.R. Anyutina

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8143-6150>

ABSTRACT

The stories "The Sisters" and "Araby" are the part of *Dubliners*, both put at the beginning of the compilation, which can be considered as a presentation of the whole life cycle. This article develops what childhood and adolescence mean to Joyce and how he presents it in these two texts, the theme of the transition from childhood to adulthood being central. This transition period is considered as adolescence when children lose their merits, which only can happen if the child will receive a "psychologically traumatic blow". This essay also considers the motif of a "spiritual paralysis" – a collective image of human vices, which all Dublin citizens are cursed with. Though Joyce describes this city as a mythic kingdom, he is still writing about current social problems, which refers not only to Dublin but also to the whole of Ireland. This article develops the most remarkable symbols, endowed with polysemy, through which the relationship of children and adolescents with the world is revealed. Furthermore, the author discussed the language of both stories, as it has features of children's speech in it, which presents the lack of complete understanding of the world.

Keywords: childhood; adolescence; Joyce; *Dubliners*; Ireland; spiritual paralysis; Catholicism; polysemy; traumatic blow

For citation: Anyutina A.R. Childhood and adolescence in James Joyce's "Sisters" and "Araby". *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):131-134. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-131-134

As has been said, “The Sisters” and “Araby” are the part of *Dubliners* which can be considered as a presentation of the whole life cycle. The cycle starts with the childhood, so it is chronologically put in the beginning of the compilation. “The Sisters”, “An Encounter” and “Araby” (hereinafter childhood trilogy) constitute a prologue of the life story of *Dubliners*. Throughout the collection there will be stories about youth, adulthood and Dublin’s social life. It is possible that childhood theme is developed to present the fullness of life with all its stages.

All stories are connected with the place of narration – Dublin. This city is a place of “moral, spiritual and intellectual paralytics”, which was described by Joyce as a “mythic kingdom, a microcosm” [1, p. 33]. Though it is a mythic kingdom, Joyce is writing about current social problems, which refers not only to Dublin, but also to the whole Ireland. Therefore, he extrapolates his attitude towards Dubliners to all Irish. Nevertheless, he concentrates on Dublin as on the most familiar place to him and as on the centralization of human vices. Joyce argues that spiritual paralysis is Dublin’s defining feature: “I call the series *Dubliners* to betray the soul of that hemiplegia or paralysis which many consider a city” [2, p. 55]. Dublin becomes a small world which presents problems of the whole country.

The most evident symbol referred to this theme is the broken chalice in “The Sisters”. According to A. S. Golovkina, the broken chalice in “The Sisters” symbolizes that “young Irish have their hopes shattered since childhood” [3, p. 28]. This probably means that Catholicism destroys children in the face of Father Flynn. That would explain the narrator’s feeling of becoming freed when the priest dies. The explicit meaning is that he is freed from daily boy’s routine and emotional visits. Nevertheless, the implicit meaning is that the boy feels freed because he is no longer connected with the church that was disfiguring him. He no longer needs to participate in things that he does not understand.

E. A. Koshkina claims that the chalice in “Araby” symbolizes Ireland’s spiritual life and the fact that it is empty means that “there is no spiritual life there” [4, p. 133]. It is not a very accurate interpretation, as the main meaning of the chalice, carried by the boy, is the representation of the Holy Grail. Naïve child imagines himself

as a knight: “I imagined that I bore my chalice safely through a throng of foes” [5, p. 21]. All stories about the Holy Grail were written as poems included in *La matière de Bretagne* (classification by Jean Bodel) which suggested courtly knighthood as the main theme. Thereby, the boy, carrying the chalice, is feeling himself a knight with his beloved, carrying the Holy Grail.

Joyce himself names the main theme of *Dubliners* – “spiritual paralysis”, thus, making this theme explicit. The spiritual paralysis is the collective image of human vices, though the most important of them can be defined as indifference. It seems that all adults in the childhood trilogy are dominated by it. For example, the parents of the narrator in “Araby” do not care about him – his father forgets about his promise and gets drunk. Then, when the boy meets a salesgirl, she does not pay attention to him, talking to two young people. The whole world is closed to the child, leaving him alone with his thoughts. In “The Sisters” old Cotter does not care about the narrator’s feelings and says that “it’s bad for children” [5, 6] to spend time with an old priest. Therefore, in the childhood trilogy Joyce mostly concentrates on one part of the spiritual paralysis – indifference.

While growing up, children become a part of adult’s world. This transition period can be defined as adolescence. In “The Sisters” and “Araby” narrators do not finally grow up, but they come close to it. Both stories are dedicated to the first meeting with adult’s world and both stories end vaguely – it cannot be said that children have joined adult’s world and have got spiritually paralyzed, though they change from their initial state. They are experiencing their first moral fracture, which Florence Walzl considers as a “psychologically traumatic blow” [6, p. 222]. This blow is caused by boy’s ruined aspirations, confronted with the paralyzed world of Dublin.

At the end of the “The Sisters” the boy becomes conscious of the fact that the priest is dead: “I knew that the old priest was lying still in his coffin” [5, p. 12], though before he did not entirely believe. This comprehension is the first step of growing up, the boy begins to realize death. At the end of “Araby” the boy looks at the sky and sees himself “as a creature driven and derided by vanity” [5, p. 24]. This moment can be called an epiphany, as before the boy was blind to himself. The word “blind” is important for both stories, though it does not mean blindness in any cases.

In “The Sisters” this word is repeated twice, meaning shutter or curtain. This can be arguably interpreted as a barrier between children and adults, which means that children do not see the real world, they are blind to it. The same motif is provided by the word “blind” in “Araby”, where it means a dead end of the street. Though it is not directly spoken, and the main meaning of the word “blind” is implicit, it becomes understandable, as in the end of “Araby” the narrator sees himself clearly at the first time. Therefore, it can be suggested that children in *Dubliners* are blind to vices, surrounding them. Though adults see them clearly, this cause susceptibility to the spiritual paralysis.

A. S. Golovkina suggests that “in terms of ideological and artistic content, all three stories convey the idea that a child, while entering life, faces the fact that his inner world is in conflict with the surrounding world of the lack of spirituality and stagnation” [3, p. 24]. From this it can be stated that the transition period between childhood and adulthood, which can be defined as adolescence, represents a moral conflict. This conflict, according to Joyce, leads an adolescent to the spiritual paralysis. An adolescent accepts the paralysis to correspond the world around him. Though, it is not a personal decision to change their personality, it is a world, and more specifically Dublin, that changes young Irish. Joyce sympathizes with children, as the surrounding world and especially Catholicism disfigure them.

It is important to notice that in the childhood trilogy narrators are homodiegetic. This probably can represent the sincerity of children, as they tell their stories by themselves, though the narrative voice of “The Sisters” (and “Araby” to a lesser extent) is not the one which feels completely natural for a boy of his age.. By contrast, stories about adulthood (for example, “A Little Cloud”) have heterodiegetic narrators which forms a barrier between a protagonist and a reader.

Furthermore, another notable part of the narration is language. As both stories are told by children, they have some features of children’s speech in them. The boy in “The Sisters” does not know some words but still he can ponder them. Thus, he thinks about the word “paralysis” referred to Father Flynn. This is the moment when the spiritual paralysis gains a physical form, as Father Flynn was bedridden.

In “The Sisters” only the phonetic form of the word has sense, the meaning becomes unimportant. This can be called “defamiliarization” (a term invented by V. Shklovsky) which means describing something familiar and common in a strange, unfamiliar way. It needs to distance the reader from the word (or a phenomenon) to look at it in another way. Thereby, Joyce makes the reader look at familiar words (gnomon, paralysis, simony) from child’s point of view, so it will provoke new associations. By looking at these words from the point of their strangeness, Joyce brings together words with different semantics.

Children’s speech also presents the lack of complete understanding of the world. It can be seen in “The Sisters”, where the uncertainty is important. The boy says “it” many times (about the world “paralysis”), as he has no confidence what he is talking about.

One of the most remarkable themes is the theme of liberation which is dedicated to children’s feelings in both stories. This theme connected with the word “sensation” that appears both in “The Sisters” and in “Araby”. In “The Sisters” this word appears when the narrator is pondering Father Flynn’s death: “I felt even annoyed at discovering in myself a sensation of freedom as if I had been freed from something by his death” [5, p. 8]. In “Araby” this word shows that the narrator can feel life fully: “These noises converged in a single sensation of life for me” [5, p. 23]. In both cases this word presents that children are opened to feelings. It is remarkable that this word is used only according to children and is not connected with adults. It appears that this cause misunderstanding between children and adults, as the former are still open to the world and the latter are paralyzed. Furthermore, in both stories “sensation” appears at happy moments in narrator’s lives.

As has been said, in “The Sisters” this word is connected with the moral liberation. It can be argued that the liberation means growing up, though it is a paradoxical situation. Losing his object of obsession, the boy is freed from love and at the same time he is growing up. Losing his friend, the narrator of “The Sisters” is growing up, while perceiving that the priest is dead. Therefore, children are freed from their naivety, but at the same time they are cursed with the spiritual paralysis. Ultimately, Joyce writes about childhood as about the opposite to

the state of the spiritual paralysis. Childhood means to him innocence, sincerity and naivety. The world view of little Dubliners comes into a conflict with adult's apathy. To become an adult a child needs to come through a transition period — adolescence, which only can happen if the child will receive a traumatic blow. Joyce does not describe adolescence extensively, but

the endings of both stories bring children to this point. Children grow morally as they face situations that require reflection.

Between children and adults Joyce would sympathize the former, as he writes himself that adults in Dublin are paralyzed. Children's perception is closer to Joyce, as it allows to look at common things in an unexpected way.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Ingram Forest L. Representative Short Story Cycles of the Twentieth Century: Studies in a Literary Genre. Walter de Gruyter; 1971.
2. Joyce James. Letters. Gilbert S, ed. New York: Viking Press in; 1957.
3. Головкина А. С. Семантика и метасемиотика ключевых слов в детском цикле рассказов Дж. Джойса «Дублинцы». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-i-metasemiotika-klyuchevyh-slov-v-detskom-tsikle-rasskazov-dzh-dzhoysa-dublincy>.
Golubkina A. S. Semantics and meta semiotics of keywords in the children's cycle of stories by J. Joyce "Dubliners". URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-i-metasemiotika-klyuchevyh-slov-v-detskom-tsikle-rasskazov-dzh-dzhoysa-dublincy>.
4. Кошкина Е. А. «Духовный паралич» героя в малом рассказе Джеймса Джойса «Сёстры». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnyy-paralich-geroya-v-malom-rasskaze-dzheymasa-dzhoysa-syostry>.
Koshkina E. A. "Spiritual paralysis" of the hero in the short story "Sisters" by James Joyce. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnyy-paralich-geroya-v-malom-rasskaze-dzheymasa-dzhoysa-syostry>.
5. Joyce James. Dubliners. UK: Penguin; 2000.
6. Walzl F. L. Pattern of Paralysis in Joyce's Dubliners: A Study of the Original Framework. *College English*. 1961;22(4):221–228.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Романовна Анютина — студентка 4-го курса факультета гуманитарных наук, Научно-исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия
an-an99@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna R. Aniutina — 4rd-year student, Faculty of Humanities, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia
an-an99@yandex.ru

Статья поступила 10.11.2020; принята к публикации 30.11.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.11.2020; accepted for publication on 30.11.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-135-140
УДК 332.14(045)

Проблемы реализации проекта «умный город» в Арктической зоне Российской Федерации

В.И. Титяева^а, Т.Г. Чачуа^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0003-1533-2115>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-9015-194X>

АННОТАЦИЯ

Концепция создания «умного города» в Арктике является исключительным стимулом для освоения новых территорий и социально-экономического развития России. Министерство строительства Российской Федерации реализует проект «умный город» (который нацелен на повышение конкурентоспособности городов России, а также необходим для формирования эффективной системы управления) в рамках национальной программы «Цифровая экономика». Власти Мурманской, Архангельской областей, а также Ямало-Ненецкого автономного округа уже включили в свою программу развития меры, позволяющие реализовать национальный проект «умный город» в своих регионах. Одна из задач данного исследования заключается в том, чтобы систематизировать и обосновать проблемы, с которыми сталкиваются регионы при реализации данного проекта.

Ключевые слова: «умный город»; Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ); отток населения; транспортная инфраструктура; национальный проект; инновации

Для цитирования: Титяева В.И., Чачуа Т.Г. Проблемы реализации проекта «умный город» в Арктической зоне Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):135-140. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-135-140

ORIGINAL PAPER

Problems of Implementing a “Smart City” Project in the Arctic Zone of the Russian Federation

B.I. Tityaeva^а, T.G. Chachua^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0003-1533-2115>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-9015-194X>

ABSTRACT

The concept of creating a “smart city” in the Arctic is an exceptional incentive for the development of new territories and the socio-economic development of Russia. The Ministry of Construction of the Russian Federation is implementing a “smart city” project (which is aimed at increasing the competitiveness of Russian cities and is also necessary for the formation of an effective management system) within the framework of the national program “Digital Economy”. The authorities of the Murmansk and Arkhangelsk regions, as well as the Yamal-Nenets Autonomous Okrug, have already included in their development program measures to implement the national “smart city” project in their regions. One of the objectives of this study is to systematise and substantiate the problems that the regions face when implementing this project.

Keywords: “smart city”; AZRF; population outflow; transport infrastructure; national project; innovations

For citation: Tityaeva B.I., Chachua T.G. Problems of implementing a “Smart City” project in the Arctic zone of the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):135-140. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-135-140

В работе Е.В. Попова, Г.И. Поповой, К.А. Семячкова описаны социально-экономические эффекты формирования «умных городов». К таким эффектам можно отнести оптимизацию инфраструктуры, что даст возможность для повышения пространственной мобильности и улучшения экологической обстановки. Кроме того, развитие «умных городов» способно принести огромный экономический эффект для отдельных территорий и всей страны: создание новых стартапов, наукоемких производств; улучшение качества жизни населения и др. [1]. Перед авторами исследования стоит задача рассмотреть проблемы, связанные с развитием «умных городов», выявить среди них определенные закономерности и дать рекомендации для их решения.

Одной из серьезных проблем в развитии «умного города» в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) является отсутствие стабильной транспортной коммуникации. Можно выделить стратегические проекты, находящиеся на различном этапе реализации, которые направлены на устранение транспортной неразвитости арктических регионов: «Северный морской путь», «Северный широтный ход», «Белкомур», реставрация полярных аэродромных линий и развитие северного воздухоплавания [2]. В рамках решения данной проблемы авторы рассматривают различные виды транспорта.

АВТОДОРОЖНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА

Строительство и использование сухопутных видов транспорта (автомобильные и железные дороги) достаточно затруднительно в силу суровых климатических условий и вечной мерзлоты, а в зимний период данный аспект обостряется еще сильнее. Отсутствие в АЗРФ качественного наземного транспортного сообщения с другими регионами страны создает сложность коммуникации с регионами в целом, а также диктует необходимость создания многосложных схем транспортного обслуживания. На период августа 2020 г. ремонт на дорогах АЗРФ в рамках Национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» происходил в 4 регионах (Архангельская и Мурманская области, Республики Карелия и Саха)¹ на 14 участках дорог.

¹ Интерактивная карта Национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги». URL: <https://bkdrf.ru/map> (дата обращения: 20.08.2020).

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА

Рабочая длина железных дорог арктической зоны — 9,6 тыс. км (11,1% от общей протяженности ж/д сети по стране). Из всей эксплуатационной длины только 1,35 тыс. км полностью находятся в Мурманской области и Ямало-Ненецком АО, а в Ненецком и Чукотском АО железнодорожных путей нет вообще [3]. Важнейшим инфраструктурным проектом для АЗРФ на современном этапе является введение в эксплуатацию железнодорожных магистралей «Белкомур» и «Северный широтный ход».

АВИАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

Важно отметить, что чаще всего на территории АЗРФ используется авиация (например, пассажирские вертолеты). Однако здесь отмечаются проблемы, озвученные 19 июня 2019 г. на заседании Комитета по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока Государственной Думы Федерального Собрания РФ по вопросу «О внутрирегиональной и межрегиональной доступности авиасообщения арктических и дальневосточных субъектов Российской Федерации». К ним относятся: высокие тарифы (из-за большой стоимости авиационного топлива с учетом транспортировки и досрочного завоза); эксплуатация устаревшего парка воздушных судов и их малая провозная емкость ввиду низкой плотности населения; высокие аэропортовые сборы ввиду низкой интенсивности полетов при высоких эксплуатационных издержках².

Для комплексного решения всех перечисленных проблем, связанных с транспортной инфраструктурой в АЗРФ, Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики совместно с Проектным офисом развития Арктики в «Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» выработали рекомендации для преодоления транспортной неразвитости. Сама же концепция «умный город» является как причиной развития региона до необходимого уровня для внедрения концептуальных технологий, так и решением региональных проблем. Доказательством этого является то, что с 2010 г. Европейский союз стал использовать термин «умный» в отношении проектов, способствующих

² Министерство финансов Республики Саха (Якутия). Вопрос подготовки предложений по развитию арктической полярной авиации обсужден в Ил Тумэне. URL: <https://minfin.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3192387>.

устойчивому развитию городского пространства, в рамках реализации стратегии «Европа 2020» [4].

Другой серьезной проблемой для развития «умных городов» в Арктике является низкий уровень цифровизации в регионах АЗРФ из-за неравномерного покрытия оптоволоконном разных территорий.

На текущий момент анализ уровня цифровизации в России базируется на Методике оценки хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства в Российской Федерации (IQ городов), выработанной Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ⁵. Методика охватывает 10 направлений, где происходит городская цифровая трансформация: городское управление, инновации для городской среды, инфраструктура сетей связи, экономическое состояние и инвестиционный климат и т.д. Перечисленные направления очень важны для арктических регионов, и авторы статьи, говоря об общем состоянии АЗРФ, заключают, что в ней низкий уровень развития не только цифровых технологий, но и всех технологий в целом.

При проведении сравнительного анализа для оценки первичной готовности к внедрению технологий «умного города» авторы вывели следующие статистические показатели.

Среднее арифметическое — $\bar{x} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n x_i$, где

x — изменение места в 2018 г. по отношению к 2017 г.

Мода — значение выборки, встречающееся чаще всего, где x — изменение места в 2018 г. по отношению к 2017 г.

Размах выборки — $R = X_{max} - X_{min}$, где X_{max} — максимальное повышение места в рейтинге в 2018 г. по отношению к 2017 г., а X_{min} — максимальное понижение места в рейтинге в 2018 г. по отношению к 2017 г.

Процентное отношение одного числа к другому — $x = \frac{a}{b} \times 100\%$, где a — балл рассматриваемого региона, полученный в 2018 г., b — максимальный балл, полученный регионом — лидером рейтинга в 2018 г. — 77,03.

Исследование, подготовленное московской школой управления «Сколково» в 2018 г., выявило

уровень цифровизации всех регионов Российской Федерации (табл. 1).

По данным табл. 1 видно, что каждый арктический регион показывает рост в области развития региональной цифровизации. Однако, по сравнению с прошлым годом, у 6 из 9 регионов позиции снизились. Это позволяет заключить, что рост региональной цифровизации ниже общегосударственного. Также можно отметить, что 3 из 9 арктических регионов (Ненецкий автономный округ, Республика Карелия, Чукотский автономный округ) в целом имеют низкие показатели цифровизации. В регионах, расположившихся с 18-го по 43-е место [Архангельская область, Красноярский край, Мурманская область, Республика Коми, Республика Саха (Якутия)], также сниженные темпы развития цифровизации. В основном регионы либо имеют низкий темп развития, либо показывают существенный спад (снижение на 8 позиций). В среднем спад темпа цифрового развития у данных регионов составляет –2,8 позиций (по среднеарифметическому значению). Значение моды совокупности составляет –8 позиций. В данном случае мода характеризует наиболее часто встречающийся показатель, представленный в выборке рассматриваемых регионов.

Арктический лидер по темпу цифрового развития (и лидер по стране, входящий в топ-10) — Ямало-Ненецкий автономный округ. Данный регион также имел сниженный темп цифрового развития (по сравнению с общим по стране), однако общий индекс — 74,48 (по сравнению с Москвой, лидером Топ-10 регионов, с индексом 77,03) показывает отставание в 3,31% от темпа развития Москвы. Таким образом, в настоящее время в российских регионах Арктики подводится база под развитие цифровых технологий, но внедрение концепции «умного города» пока затруднительно.

Одной из главных проблем для развития АЗРФ и внедрения «умного города» является отток населения: количество уехавших из региона превышает число прибывших, что формирует миграционную убыль населения (табл. 2).

Не решив данные проблемы, сложно в полной мере реализовывать проект «умный город», так как он предполагает развитие человеческого капитала, и если климатические условия изменить нельзя, то эффективность медицинского обслуживания и создание новых рабочих мест с возможностью карьерного

⁵ Методика оценки хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства в Российской Федерации (IQ городов). URL: <https://russiasmartcity.ru/uploads/attachments/a7579656-22ef-4f5e-b24c-51ae5626efcb/16636075be77a33437f1634ef96e1bfff.pdf>.

Индекс цифровизации субъектов РФ на 2018 г. (арктические регионы) / Index of digitalisation of the administrative entities of the Russian Federation for 2018 (Arctic regions)

Регион	2018 г.		Изменение в 2018 г. по отношению к 2017 г			
	балл	место	балл	место	место (±)	балл, %
Ямало-Ненецкий автономный округ	74,48	7-е	66,03	5-е	-2	12,79
Республика Саха (Якутия)	71,11	18-е	60,36	17-е	-1	17,81
Мурманская область	68,84	23-е	61,29	15-е	-8	12,31
Республика Коми	68,64	25-е	56,82	26-е	+1	20,80
Красноярский край	63,94	36-е	56,11	28-е	-8	13,95
Архангельская область	59,26	43-е	43,39	45-е	+2	36,58
Ненецкий автономный округ	49,5	61-е	39,43	52-е	-9	25,55
Республика Карелия	49,06	63-е	37,51	58-е	-5	30,80
Чукотский автономный округ	41,64	80-е	25,19	85-е	+5	65,31

Источник / Source: URL: https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Report_Full_2019-04_ru.pdf.

роста по силам реализовать местной власти при поддержке государственных корпораций и вышестоящих министерств.

Так как в России нет опыта внедрения «умных городов» на территории АЗРФ, этот факт тоже является одной из проблем, так как данная технология еще не была применена в подобных климатических условиях. Однако в марте 2019 г. к проекту «умный город» присоединилась Мурманская область. Такая информация появилась на сайте правительства Мурманской области, а куратором регионального проекта назначен Евгений Никора, который является заместителем губернатора области. Помимо этого, проект курируют Министерство энергетики и ЖКХ Мурманской области⁴.

Для успешной реализации проекта была сформирована открытая база технологий и разработок — «Банк решений умного города», где уже размещены проекты, которые показали свою эффективность и готовность к внедрению. Также

важно отметить, что ВРИО губернатора Мурманской области, Андрей Чибис, и генеральный директор ООО «Русатом Инфраструктурные решения», Ксения Сухотина, подписали соглашение о реализации технологий «умного города», что показывает решительность руководства региона в данном вопросе, а также является важным шагом в сотрудничестве государства и бизнеса.

Активные шаги для внедрения технологий «умного города» делаются в ЯНАО, где с 2018 г. компания «Ростелеком» реализует крупные проекты по обеспечению системы вызова экстренных оперативных служб по единому номеру, а также устанавливается оборудование для дистанционного наблюдения за ситуацией с лесными пожарами. Помимо этого, в регионе действует первый на Ямале комплекс видеофиксации дорожных нарушений. Система позволяет проводить мониторинг пунктов пропуска в онлайн-режиме, что дает населению информацию о загруженности переправ. Благодаря сотрудничеству государства и бизнеса компания «Ростелеком» продолжает развитие сетей связи в населенных пунктах округа, что показывает готовность к внедрению

⁴ Правительство Мурманской области. URL: <https://gov-murman.ru/info/news/290828/>.

Таблица 2 / Table 2

**Данные по миграционному движению населения за 2019 г. /
Migration movement of the population in 2019**

Регион/миграция, всего	Население, всего	Число прибывших, человек	Число выбывших, человек	Миграционный прирост/убыль (±)
Мурманская область	748 056	35 299	40 162	-4863
Архангельская область (включая НАО)	1 136 535	42 400	45 392	-2992
Чукотский автономный округ	49 663	6029	5475	+554
Ямало-Ненецкий автономный округ	—	—	—	—
Республика Карелия	618 056	21 644	22 352	-708
Республика Коми	820 473	13 851	16 885	-3034
Республика Саха (Якутия)	972 000	42 405	42 634	-229
Красноярский край	2 866 255	40 933	40 741	-192

Источник / Source: территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по выбранным регионам / Territorial body of the Federal State Statistics Service for the selected regions. URL: <https://rosstat.gov.ru/territorial>.

других «умных технологий»⁵. Но для того, чтобы «умный город» на территории АЗРФ внедрялся быстрее, необходимо комплексно решать проблемы с транспортной коммуникацией и оттоком населения — именно они существенно замедляют развитие новых технологий.

В международном сообществе концепция «умного города» на территории Арктики также имеет место. В 2019 г. старшие научные сотрудники Арктического института провели исследование, которое посвящено созданию метрики «умного города» в Анкоридже (США), Будё (Норвегия), Оулу (Финляндия). В глобальном масштабе «умный город» представляет собой место с привлекательной рабочей средой, удобной для проживания, где качество жизни лучше за счет разумного управления городскими активами и использования современных технологий [5]. Мировой и российский опыт по внедрению «умных городов» в Арктике только начинает набирать обороты, однако успехи уже есть, что дает право говорить о том, что технология актуальна и будет широко распространяться благодаря поддержке государства и интересу со стороны научного сообщества.

⁵ Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://www.yanao.ru/search/?q=умный+город> (дата обращения: 02.09.2020).

Таким образом, исследование данной темы позволяет сделать выводы о том, что необходимо:

1. Создание национальной программы по привлечению высококвалифицированных кадров, которые будут заинтересованы в постоянном месте жительства на территории АЗРФ; для них стоит решить вопросы с получением собственного жилья и предоставлением рабочего места, где они смогут реализовывать свой потенциал и потенциал региона;

2. Непрерывное взаимодействие региональной и федеральной власти по решению рассмотренных проблем (которые регионы способны преодолевать только при помощи центра), например, на совместных совещаниях представителей федеральной и региональной власти, а также по реализации проектов, которые будут курироваться региональной властью, но с различными видами поддержки федеральной.

3. Усилить контроль над разрабатывающимися стратегиями развития арктических регионов; в них должны отражаться реально достижимые показатели, что позволит определить текущий уровень развития регионов и оценить потенциал, который можно реализовать за конкретный стратегический период.

На текущий момент реализация проекта «умный город» в АЗРФ возможна лишь в одном из девяти регионов — Мурманской области, так как

он находится на подходящей стадии для внедрения данной технологии. Однако даже там есть ряд проблем, которые существенно усложняют данный процесс. Решив проблемы, которые ук-

заны в данной работе, можно говорить о том, что процесс внедрения «умного города» даст региону преимущества и станет толчком для развития остальных арктических территорий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Попов Е. В., Семячков К. А., Попова Г. И. Социально-экономические эффекты формирования умных городов. *Проблемы развития территории*. 2020;2(106):34–45. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.3
2. Клепач А. Н., Разбегин В. Н. Роль транспортных проектов в развитии Арктики и русского Севера. *Государственный аудит. Право. Экономика*. 2017;(1):121–124.
3. Серова Н. А., Серова В. А. Основные тенденции развития транспортной инфраструктуры российской Арктики. *Арктика и Север*. 2019;(36):42–56. DOI: 10.17238/issn2221–2698.2019.36.42
4. Rosenthal-Sabroux C. (eds) Smart City. Progress in IS. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978–3–319–06160–3_2.
5. Raspotnik A., Grønning R., Herrmann V. A tale of three cities: the concept of smart sustainable cities for the Arctic. *Polar Geography*. 2020;43(1):64–87.

REFERENCES

1. Popov E. V., Semjachkov K. A., Popova G. I. Socio-economic effects of the formation of smart cities. *Problemy razvitiya territorii*. 2020;2(106):34–45. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.3. (In Russ.).
2. Klepach A. N., Razbegin V. N. The role of transport projects in the development of the Arctic and the Russian North. *Gosudarstvennyj audit. Pravo. Ekonomika*. 2017;(1):121–124. (In Russ.).
3. Serova N. A., Serova V. A. Main trends in the development of transport infrastructure in the Russian Arctic. *Arktika i Sever*. 2019;(36):42–56. DOI: 10.17238/issn2221–2698.2019.36.42. (In Russ.).
4. Rosenthal-Sabroux C., ed. Smart City. Progress in IS. Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978–3–319–06160–3_2.
5. Raspotnik Andreas, Ragnhild Grønning, Victoria Herrmann. A tale of three cities: the concept of smart sustainable cities for the Arctic. *Polar Geography*. 2020;43(1):64–87.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Валерия Игоревна Титяева — студентка 3-го курса, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
v_igorevna_00@mail.ru

Тамара Гурадиевна Чачуа — студентка 3-го курса, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
tamriko17@bk.ru

ABOUT THE AUTHORS

Valeria I. Tityaeva — 3rd-year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
v_igorevna_00@mail.ru

Tamara G. Chachua — 3rd-year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
tamriko17@bk.ru

*Статья поступила 15.10.2020; принята к публикации 05.11.2020.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article received on 15.10.2020; accepted for publication on 05.11.2020.
The authors read and approved the final version of the manuscript.*

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА» ЗА 2020 ГОД

№ 1

ТЕМА НОМЕРА: НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ, КОММУНИКАТИВНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

<i>Сургуладзе В.Ш.</i> Социальные медиа – инструменты социально-политической дестабилизации общества: уроки, тенденции, перспективы	6
<i>Глотов В.И., Михайлов Д.М., Педанов В.А.</i> Угрозы терроризма в условиях цифровой трансформации мира и пути защиты от них.	14
<i>Зубов В.В.</i> Освещение «дела Магнитского»: анализ восприятия российской повестки через призму информационной войны.	21
<i>Барташевич Д.А., Ребрикова Н.В.</i> Рынок печатных СМИ в эпоху диджитализации	28
<i>Калитько И.И.</i> Кириллица в фэшн-индустрии как новый инструмент российской политики «мягкой силы».	33
<i>Брушкова Л.А., Кузнецов К.В.</i> Социально-экономические риски пользователей каршеринга в московском мегаполисе.	38
<i>Кармова М.Р.</i> «Геймифицируй», или почему современному образованию нужны игры (на примере студентов, обучающихся по направлениям «Социология» и «Политология»)	46

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Иксанов И.С.</i> Влияние американских и французских конституционных идей на институт современного гражданства	51
<i>Махаматов Т.М., Накова А.</i> Объективные основания национальной и этнической идентичности как самосознание этноса.	57
<i>Пачкалов А.В.</i> Барнард Барух: история успеха	63
<i>Адамская Л.В.</i> Коррупция как препятствие для гармоничного развития государственно-частного партнерства.	69
<i>Афанасьева Д.А.</i> Современное состояние продовольственной безопасности в России как фактор политического риска в аграрном комплексе	72
<i>Грузина Ю.М., Харчилава Х.П., Мухин К.Ю.</i> Изучение влияния стратегического аутсорсинга на взаимодействующий рынок в предпринимательском обучении и развитии человеческого капитала	77

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Брега А.В.</i> Политико-правовые аспекты вхождения Крымского полуострова в состав Российской Федерации: между легальностью и легитимностью	84
<i>Сперкач А.И.</i> Федеральные и региональные аспекты выборов в Мосгордуму	90
<i>Сучилина А.А.</i> Противоречия формирования исторического сознания современной российской молодежи	95
<i>Ефремов Д.И.</i> Трансформация политических инициатив украинской элиты в контексте конкуренции Российской Федерации и Запада: 2004–2014 годы	100
<i>Понявина М.Б., Селезнев П.С.</i> Увеличение количества иностранных студентов в российских вузах как элемент государственной политики в сфере образования	104

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Печенкин Н.М.</i> Динамика общественно-политических настроений и анализ результатов выборов регионального уровня 2015–2019 годов в Иркутской области	109
<i>Пятибратов И.С.</i> Сущность политического риска и его социально-экономические основания	116

РЕЦЕНЗИИ

<i>Расторгуев С.В.</i> Рецензия на книгу Жака Рупника «Средняя Европа как двуглавая птица: о чешском прошлом и настоящем»	121

№ 2

ТЕМА НОМЕРА: ВЛАСТЬ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: СТАТИКА И ДИНАМИКА

<i>Румянцев О.Г.</i> Об изменениях в организации и функционировании властного механизма в результате конституционной реформы 2020 года в Российской Федерации	6
<i>Шапкин И.Н.</i> Взаимодействие государства и лоббистских бизнес-организаций в эпоху модернизаций (вторая половина XIX – начало XX в.)	13
<i>Курилюк Ю.Е.</i> Европейский суд по правам человека и российское законодательство о выборах: точки соприкосновения и векторы развития	18
<i>Савинов Л.В., Скорых Н.Н., Торогельдиева Б.М.</i> Цифровая трансформация государственного и муниципального управления в Республике Кыргызстан	24
<i>Шорохов В.Е.</i> Институциональные основы антикоррупционной политики в России: ретроспектива и современность	31
<i>Карпузов М.Ю.</i> Перспективы развития механизмов прямой демократии с использованием информационно-коммуникационных технологий	36

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Родачин В.М.</i> Динамика геополитики: к вопросу о понятии «геополитические процессы»	40
<i>Махаматов Т.Т.</i> Диалектика цивилизаций Запада и Востока в Новом великом шелковом пути	47
<i>Швецов А.В., Фомин Ю.А.</i> Олимпийские идеалы как компонент общественного сознания	54
<i>Грузина Ю.М., Сорокин Д.Д., Штанова К.А.</i> Роль науки и образования в развитии человеческого капитала	59
<i>Каптарь Д.Л.</i> Конференция победителей и Февральская революция	66

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Галас М.Л.</i> Политические и социальные риски иммиграционных потоков для России	71
<i>Горошникова Т.А., Смахтин Е.С.</i> Компоненты и предикторы «хорошей жизни» (опыт международного сравнительного исследования)	77
<i>Войтенко И.А., Мурадян Л.О., Лусеро П.Ф.</i> Аргентина в контексте региональной и мировой геополитики	87
<i>Кармова М.Р., Лукина А.А.</i> Гендерное равенство как часть национального менталитета. Изменение положения российских женщин в 2010-е годы и его отражение в литературе	91
<i>Шевченко К.Д.</i> Гармонизация международного законодательства по миграционным вопросам	98

Мамаева Ю.А. Российско-молдавские отношения и политические позиции России в Молдове: перспективы в контексте внутрирегиональных особенностей.	101
Зыков Е.А. Искусство ведения деловых переговоров на английском языке	106

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Конищев Е.С., Неткачев К.И. Особенности и риски функционирования ТОСЭР в России.	112
Литвиненко Е.А. Транзит российского газа через Украину: экономическая целесообразность и геополитические противоречия.	118

РЕЦЕНЗИИ

Шатилов А.Б. Мировая политика на стыке политологии, политической психологии и технологических вызовов информационной эпохи (Рецензия на монографию Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа: политические процессы, политика идентичности, стратегия и технологии).	122

№ 3

ТЕМА НОМЕРА: ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Петров К.Е. Образы политических лидеров в условиях современности сквозь призму классических концепций	6
Евгеньева Т.В. «Неведомая земля»: образ Африки в сознании современных россиян	15
Титов В.В. Образы советского прошлого как ресурс формирования национально-государственной идентичности россиян.	20
Омарова Л.Б., Музашвили Д.З. Диалектичность понятий «Восток» и «Запад» в условиях глобализационных тенденций современности	25
Калитко И.И. Российская эстрада как фактор «мягкой силы» России на постсоветском пространстве (на примере Беларуси и Казахстана).	29

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Чимирис Е.С. Легитимация власти: к формулированию операциональной модели	37
Аршин К.В. Концептуальные основы регулирования миграционных процессов	45
Герасимов С.В. Онтология гуманитарного знания в условиях информационного общества.	52
Асонов Н.В. Становление русского «оцерковленного» государства как новой модели политического устройства	58
Ерохина О.В. Возможности использования методов машинного обучения для решения политических задач.	67
Кулакова Н.Н. Экономический рычаг геополитических трансформаций.	74

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мирзаян Г.В. «Сделка века» на перекрестии интересов США, России, Израиля и Палестины	79
Аликперова Н.В. Формирование финансово грамотного поведения населения: риски и условия безопасности	86
Великая К.В., Круглова Е.Л. Культурное потребление как фактор формирования социального статуса студента	92
Доренко К.С. Ключевые показатели развития Российской Федерации: экономический прогресс vs социальный прогресс.	97
Маковейчук А.В. Принципы построения и перспективы развития системы цифрового государственного управления в современной России	103
Ильина Ю.И. Роль информационных технологий в продвижении российских интересов на Ближнем Востоке.	108
Алексеев Д.В., Копылова П.С. Группы «Вконтакте» как проводник политологического знания: кейс «Political science library»	113
Кармова М.Р., Максимова О.И. Межэтнический негативизм: в поисках путей выхода	122

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Ковригин Д.Э.</i> Принципы стабильности ресурсов в условиях информационных войн	128
<i>Сейдалин А.Ж.</i> Цифровые инструменты социально-экономического развития региона.	132
<i>Курбанова К.М.</i> Трансформация политической элиты Республики Дагестан в 2017–2020 гг.	136
<i>Осинин А.Д.</i> Адаптация национальной экономики к мировому экономическому кризису: банковский сектор РФ VS коронавирус.	142
<i>Лукьяненко К.Т.</i> Волонтерство как инструмент вовлечения в систему государственной молодежной политики.	147

№ 4

**ТЕМА НОМЕРА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

<i>Расторгуев С.В., Волхонская З.И.</i> Методология исследования общественно-политических установок иностранных студентов.	6
<i>Салин П.Б.</i> Ключевые проблемы политической социализации обучающихся в РФ иностранных студентов . . .	14
<i>Мальсагова К.Б., Мержоева З.М.</i> Измерение уровня доступности образовательных услуг для людей с ограниченными возможностями здоровья в рамках экспертизы качества условий осуществления образовательной деятельности в Республике Ингушетия.	19
<i>Кондрахина Н.Г., Петрова О.Н.</i> ЕМІ и другие профессиональные риски преподавателя английского языка. . .	24
<i>Зубов В.В.</i> Рабочие факультеты: просвещение народных масс и/или идеологизированная химера	32

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ:
РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ**

<i>Тен Ю.П., Приходько Л.В.</i> Формирование многоуровневой модели мировой культуры как ответ на вызовы глобализации	38
<i>Силласте Г.Г., Санакина Е.А.</i> Стажерство как фактор развития социального потенциала компании	46
<i>Трошин А.А.</i> Наследие советского урбанизма как фактор, определяющий современную цифровизацию городской среды.	53
<i>Мухаметов Д.Р.</i> Политические риски и барьеры цифровизации.	58
<i>Пырма Р.В.</i> Структура сетевых сообществ социальных медиа в информационном потоке внешнего давления на Крым	65
<i>Бойко С.И.</i> Проект солидарного общества для Союзного государства Беларуси и России	73
<i>Бестаева Е.В.</i> Социолингвистический аспект развития современных цифровых технологий. Преимущества и риски	80

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Галас М.Л.</i> Страновые политико-правовые основы регулирования миграционных процессов в условиях кризисного развития мирового сообщества	85
<i>Сургуладзе В.Ш.</i> Политическая психология фашизма: опыт критического анализа концепции Вильгельма Райха	92
<i>Махаматов Т.М.</i> Философия человека в поэзии Сеида Имадеддина Насими.	99
<i>Знаменский Д.Ю., Гусаров А.С.</i> Анализ практик оценки эффективности государственных гражданских служащих в Российской Федерации	104

**АКТУАЛЬНЫЕ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

<i>Цуй Чжэн, Ван Яцзе.</i> Анализ политического поведения России после отмены договора о РСМД	109
<i>Дронова С.Ю.</i> Баскский язык в испанском газетном дискурсе как инструмент поддержания политической идентичности	118
<i>Леденева В.Ю.</i> Трансформация миграционных процессов в субъектах Уральского федерального округа и их влияние на демографическую и этнокультурную безопасность региона	125
<i>Алексеева К.М.</i> Исследование специфики профессиональной деятельности в сфере В2В-коммуникаций. . . .	131
<i>Реброва В.В.</i> Развитие финансового механизма оказания государственных услуг.	137

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Лаптева Е.В. Эволюция московской банковской системы на рубеже XIX – начала XX века. 140

№ 5

ТЕМА НОМЕРА: РОССИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Мирзаян Г.В. Политические жертвы коронавируса: влияние эпидемии на шансы Трампа выиграть президентские выборы в США 6

Чепель С.Л. Электоральная подвижность и стабильность партийных систем в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы 13

Рошманов В.П. Этические взгляды Китая в отношении концепции Шелкового пути и нового мирового порядка. 23

Осинина Д.Д. Проблема соотношения формальных и неформальных механизмов осуществления власти в современном Казахстане 29

Данилова Е.А., Артамонов Т.Ю. Общественная дипломатия как инструмент международного позиционирования: сравнительный анализ политических практик Великобритании и России 35

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Алексеев М.Ю. Экономические реформы в СССР в 80–90-х годах XX века: попытка переосмысления главных моментов и построения основной сюжетной линии 43

Ядгаров Я.С. Концептуальное видение устойчивого и бескризисного развития социально-экономической системы в творческом наследии Шарля Фурье. 62

Тюриков А.Г., Дягилев В.В., Лаптева Т.В. Представления об эффективности межкультурной коммуникации в современной российской науке 71

Юрасов И.А., Юдина В.А., Кузнецова Е.В. Теневое академическое предпринимательство в России: анализ трудовых практик и жизненных стратегий 79

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Александрова О.А. Работодатели и инвалиды на столичном рынке труда: вопросы эффективного взаимодействия 86

Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С., Донцова О.И. Поддержка промышленности и бизнеса в России в период пандемии COVID-19 92

Толмачёва И.В. Анализ эффективности субъектов права законодательной инициативы Российской Федерации в 2016–2019 годах 100

Воропаева М.А. Виртуализация образа парламентского института как фактор улучшения восприятия Государственной Думы Российской Федерации 110

Парвен Ш. Проблема интеграции бангладешских рабочих-эмигрантов в Италию: что превращает мигранта в предпринимателя 116

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Кравченко И.В. ООН и региональные игроки в ливийском кризисе на современном этапе. 124

Однобоков М.В. Репрезентация образа и истории белого движения в российской политике памяти 2010-х годов 129

Петрова Ю.С., Жижанкова П.Д. Формирование ключевых компетенций социолога в эпоху цифровой экономики. 134

№ 6

**ТЕМА НОМЕРА: НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ**

Симонов К.В. Куда приведут технологии? Выбор между цифровой полиархией, цифровым авторитаризмом и цифровой анархией. 6

Приходько Л.В., Каменева Е.А. Глобальная конкурентоспособность высшего образования: мировые стратегии и лучшие практики 12

<i>Антюхова Е.А.</i> Развитие глобального гражданства как императив глобальной образовательной политики . . .	19
<i>Ильин А.П., Ильина Ю.И.</i> Роль информационных технологий в политическом и социально-экономическом развитии России	25
<i>Озеров А.А.</i> Патриотизм и смысложизненные приоритеты российского общества в контексте смысла существования	32

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Бродовская Е.В., Пырма Р.В., Домбровская А.Ю.</i> Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала	39
<i>Можаяева Г.В., Александрова Л.Д., Пуляева В.Н.</i> Цифровые компетенции в модели актуальных компетенций управленческих кадров	49
<i>Кушнир Д.Ю., Шевченко О.В.</i> Проблема соотношения виртуальности и реальности и их влияние на межкультурную коммуникацию	56
<i>Пятибратов И.С.</i> Санкции и односторонние ограничительные меры: проблема различия терминов и тождественности явлений	61
<i>Юдина Н.В., Мельничук М.В.</i> Языковая политика в странах ближнего зарубежья	66

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Сучилина А.А., Шеховцова Д.А.</i> Проблема вовлечения иностранных обучающихся в позитивный для России дискурс	72
<i>Шатилов А.Б.</i> Историко-политические акцентировки в процессе пророссийской адаптации и социализации иностранных студентов	76
<i>Аликперова Н.В., Ярашева А.В., Виноградова К.В.</i> Факторы формирования карьерных траекторий медицинских работников в России	81
<i>Вольф К.В., Бархатов И.В.</i> Фриланс как форма адаптации молодежи к рынку труда в условиях пандемии	93
<i>Воеводина Е.В., Шихгафизов П.Ш., Власова А.В.</i> Влияние научно-исследовательского потенциала студента на формирование его профессиональной субъектности	97
<i>Петрисянц Д.В., Осинина Д.Д.</i> Анализ информационного сопровождения реализации национальных проектов	105
<i>Зубов В.В.</i> Американское и советское влияние на особенности политического лидерства ФРГ, ГДР и объединенной Германии	113
<i>Ганина Е.В., Дубинина Г.А., Каруана Э.М.</i> Сравнительный анализ учебной деятельности преподавателей – носителей и неносителей языка	120

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Карлаков В.С.</i> Особенности политической институционализации в России в начале XXI в.	126
<i>Анютина А.Р.</i> Детство и юность в рассказах Джеймса Джойса «Сестры» и «Аравия»	131
<i>Титяева В.И., Чачуа Т.Г.</i> Проблемы реализации проекта «умный город» в Арктической зоне Российской Федерации	135